

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

10

Выпуск (891)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

10

Issue (891)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 10 (891)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 10 (891)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЛИНГВИСТИКА

Православный юмористический дискурс: лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты АНИСИМОВА Е. Е.	9
Языковая специфика вербализации эмоций в немецкоязычной и русскоязычной аудиодескрипции АНИЩЕНКО А. В.	17
Прекозитивные атрибутивные определения к детерминативным сложным существительным, образованным по модели «существительное + существительное» ВОЛИНА С. А.	25
Смысловая структура лексических единиц со словообразовательной основой <i>-bürger-</i> в ранненововерхненемецком языке ВОРОНИНА Г. Б., КОЧЕТКОВА А. В.	33
Особенности понятия «легенда» во франкоязычных географических картах XVI века (на материале карт Андре Теве) ГЛАЗКО С. Ю.	40
Моделирование перцептивного образа коммуникативного события «конфликт» (на материале тифлокомментирования к кинофильмам и телесериалам) ГОРБУНОВА К. А.	47
Исследование ассоциативных полей <i>страх / fear / Angst</i> ДОЛИНСКИЙ В. А., ЕЛИСЕЕВА А. Д.	55
Концептуализация дружеских и неприязненных взаимоотношений в немецкоязычном виртуальном пространстве ИВАНОВА М. А.	62
Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев) КАТЕРМИНА В. В., ВУЛЬФОВИЧ Б. Г.	68
Когнитивная метафора в немецком научном экологическом дискурсе КЛИНОВСКАЯ А. А.	75
Языковая репрезентация скрытых эмоциональных состояний в художественном нарративе: (на материале произведения Э. Хемингуэя «A Day's Wait») КОСИЧЕНКО Е. Ф., ВОБК М. В.	82
Имена собственные в корпусах китайских электронных средств массовой информации (английский и китайский языки) КРАСИКОВА Е. А.	90
Градуальность признака гениальности в немецких сравнительных конструкциях с антропонимами КУЛИКОВА В. А.	98
Метафорический экфрасис как инструмент визуализации в романе Виктора Пелевина «Путешествие в Элевсин» ПИМЕНОВА А. В.	104
Средства реализации комического в современном скетче (на материале выступлений Э. Петерфальви) СТРЕЛЬЦОВА В. В.	112

СОДЕРЖАНИЕ

Система для интеграции знаний в текстовом формате ХАРЛАМОВ А. А.	119
Актуальное содержание антиценности «Korruption» в немецкой лингвокультуре ХЛОПОВА А. И., СИДОРОВА В. П.	126
Бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе ЧАБАННАЯ А. Г., КАМЕНСКИЙ М. В.	133

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научные подходы к изучению автофикшн БЕЛОГОРЦЕВ А. Д.	142
Пространство памяти и беспамятства в творчестве А. Барбюса ЦАРЕВА А. В.	149

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Самобытность культуры народа в трактовке С. П. Мамонтова: к 100-летию со дня рождения ПЕРОВА Е. Ю.	157
Феномен садового искусства Франции сквозь призму лингвокультурологии ЯЦКЕВИЧ А. А.	163

LINGUISTICS

Linguocultural and Linguopragmatic Aspects of the Orthodox Christian Comedic Discourse ANISIMOVA E. E.	9
Linguistic Specific Features of Verbalisation of Emotions in the German-Language and Russian-Language Audio Description for Feature Films ANISHCHENKO A. V.	17
Prepositive Attributive Definitions for Determiner Complex Nouns According to the "Noun + Noun" Model VOLINA S. A.	25
Semantic Structure of the Lexical Units with the Derivational Basis <i>-bürger-</i> in the Early New High German Language VORONINA G. B., KOCHETKOVA A. V.	33
Features of Notion "Legenda" in French Geographical Maps of the 16th Century (based on the Maps of André Thevet) GLAZKO S. IU.	40
Modelling of the Perceptual Image of the Communicative Event "Conflict" (on the Material of Audio Description for Films and TV Series) GORBUNOVA K. A.	47
Study of the Associative Field <i>Cmpax / Fear / Angst</i> DOLINSKY V. A., ELISEYEVA A. D.	55
Conceptualization of (Un-)Friendly Relationships in German-Language Virtual Space IVANOVA M. A.	62
Expressing Aggression Through Emoji (based on Internet Comments) KATERMINA V. V., VULFOVICH B. G.	68
Cognitive Metaphor in German Scientific Ecological Discourse KLINOVSKAYA A. A.	75
Linguistic Representation of Hidden Emotional States in Literary Narrative (analysis of 'A Day's Wait' by E. Hemingway) KOSICHENKO E. F., VOVK M. V.	82
Proper Names in the Corpora of Chinese Electronic Media (English and Chinese) KRASIKOVA E. A.	90
Gradual Character of Greatness in German Comparative Constructions With Anthroponyms KULIKOVA V. A.	98

CONTENTS

Verbalization of Visual Metaphor in Victor Pelevin's novel "Journey to Eleusis" PIMENOVA A. V.	104
Means of Implementation of the Comic in a Modern Sketch (based on the Material of E. Peterfalvis Speeches) STRELTSOVA V. V.	112
System for Integrating Knowledge in Text Format KHARLAMOV A. A.	119
The Actual Content of the Anti-Value „Korruption“ in German Linguoculture KHLOPOVA A. I., SIDOROVA V. P.	126
The Binary Conceptual Opposition "Government – People" in English and German-Language Political Discourse CHABANNAYA A. G., KAMENSKY M. V.	133

LITERARY STUDIES

Scientific Approaches to Autofiction Research BELOGORTSEV A. D.	142
The Space of Memory and Oblivion in the Creative Work of A. Barbusse TSAREVA A. V.	149

CULTUROLOGY

The Originality of the Culture of the People in the Interpretation of S. P. Mamontov: on the 100 th Anniversary of His Birth PEROVA E. YU.	157
The Phenomenon of French Garden Art Through the Prism of Linguoculturology YATSKEVICH A. A.	163

Православный юмористический дискурс: лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты

Е. Е. Анисимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
letanisimova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурного и лингвопрагматического аспектов православного юмористического дискурса. В статье определяется понятие «православный юмористический дискурс», устанавливаются критерии его классификации. Лингвокультурный аспект данного дискурса освещается на примере выявления и описания основных лингвокультурных типажей *старей, батюшка, бабушка* и др. Лингвопрагматический аспект дискурса раскрывается на основе анализа вербальных и креолизованных текстов (интернет-мемов, видеороликов).

Ключевые слова: религиозный дискурс, православный юмористический дискурс, лингвокультурный аспект, лингвопрагматический аспект, креолизованный текст

Для цитирования: Анисимова Е. Е. Православный юмористический дискурс: лингвокультурный и лингвопрагматический аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 9–16.

Original article

Linguocultural and Linguopragmatic Aspects of the Orthodox Christian Comedic Discourse

Elena E. Anisimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
letanisimova@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the study of linguocultural and linguopragmatic aspects of the Orthodox Christian comedic discourse. The article defines the concept of “Orthodox Christian comedic discourse”, and identifies the criteria for its classification. The linguocultural aspect of Orthodox Christian comedic discourse is illustrated by establishing and describing its main linguocultural archetypes *elder, father, grandmother*, etc. The linguopragmatic aspect of Orthodox Christian comedic discourse is based on the analysis of verbal and creolized texts (Internet memes and videos).

Keywords: religious discourse, Orthodox Christian comedic discourse, linguocultural aspect, linguopragmatic aspect, creolized text

For citation: Anisimova, E. E. (2024). Linguocultural and Linguopragmatic aspects of the Orthodox Christian comedic discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Юмор как особый способ осмысления, интерпретации и описания действительности охватывает различные сферы человеческого бытия, в частности, религиозную жизнь. Дискуссионный вопрос о допустимости смеха, шуток в церкви уже давно положительно решается большинством служителей православной церкви, выступающих в медиапространстве печатных СМИ и Интернета. Архимандрит Савва (Мажуко), автор многочисленных юмористических историй, отмечает: «Людам, ищущим мудрости, без юмора никак не справиться, а христиане – это именно те люди, которые призваны к мудрости, значит им без смеха не обойтись, в том числе над собой и прежде всего над собой» [Архимандрит Савва, (Мажуко), 2019, с. 8].

Интерес к юмору в среде верующих наблюдался еще в дореволюционной России, что нашло отражение в классической русской литературе в произведении Н. С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» [Лесков, 1880], содержащем курьезные истории, бытовые зарисовки из жизни духовных владык. В них шуточно, иронично, но всегда доброжелательно описывались слабости российских архиереев (гневливость, крутой нрав, неуживчивость и др.), комичные ситуации, возникающие из-за их не всегда безоблачных отношений с клириками, мирянами, светскими властями. Традиции Н. С. Лескова в описании смешных сторон жизни верующих были продолжены во второй половине XX века в книге протоиерея Михаила Ардова «Мелочи архи ... прото ... и просто иерейской жизни (картинки с натуры)» [Ардов, 1995]. В ней автор, опираясь на собственный опыт священника, взглядом «изнутри» очертил круг тем, сюжетов, характерных для смеховой картины мира православных верующих. В книге, содержащей исторический экскурс церковного юмора в дореволюционной и советской России, значительное место отводится забавным историям, связанным с профессиональной деятельностью священника (проповедь, исповедь, крестины, отпевание, оговорки во время службы, чтения записок и др.); с пребыванием верующих в религиозных учебных заведениях (юмор семинаристов, слушателей духовной академии); с отношениями клириков со священноначалием; образом женщины в церкви, то комичным и даже гротескным (женщина – церковная староста при социализме, женщина – партработник в церкви), то трогательным, вызывающим уважение за проявленную «белыми платочками» стойкость в годы антиклерикальных гонений.

Изменение государственно-церковных отношений в России с начала «перестройки» (1985–1991), усиление влияния церкви в обществе, стремительный рост числа верующих способствовали повышенному общественному интересу не только к религиозным вопросам, но и различным сторонам церковной жизни, в частности, церковному юмору. В последние годы о популярности православного юмора свидетельствуют изданные сборники юмористических историй из жизни священников и мирян¹, художественные юмористические произведения, многочисленные православные сайты, представляющие разнообразную вербальную и видеовербальную продукцию, посвященную смеху в церковной среде.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Православный юмористический дискурс (ПЮД) представляет собой совокупность текстов комического содержания, соотносимых с денотативной областью «религия, русская православная церковь», целью которых является мягко высмеять недолжные явления в среде верующих (грехи, слабости человека, изъяны в церковной жизни и т. п.), вызвать смеховую реакцию у адресата и тем самым способствовать исправлению существующих недостатков.

Классификация ПЮД может осуществляться по ряду признаков:

1. Характер адресанта. Адресантом ПЮД, в котором находит выражение народное смеховое начало, обычно является анонимный коллективный автор. Вместе с тем в последнее время в печатных СМИ и Интернете широкое распространение получил «авторский», «именной» ПЮД, о чем сигнализируют рубрики «Анекдоты от священников и прихожан», «Подслушано в церкви: смешные истории из священнической жизни», где авторами, собирателями, рассказчиками смешных историй выступают конкретные люди. О том, что подобный юмористический дискурс востребован у православных, свидетельствуют объявления, например: «Дорогие отцы, братья и сестры, присылайте ваши приходские анекдоты на почту editor@prav.ru». Особый вид авторского ПЮД представляет художественный

¹Улыбнись! Смешные истории из жизни священников и мирян. М.: Новая мысль, 2018; Смеяться, право, не грешно ... Юмор православных священников и мирян. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2022; Улыбнись, обнимая ежика. Смешные истории из приходской жизни и не только. М.: Новая мысль, 2020.

юмористический дискурс, в нем его создатели, обычно священнослужители, облачают свой замысел, комизм некоторых жизненных ситуаций верующего в художественную форму, примером могут служить произведения архимандрита Саввы (Мажуко) «О пользе вреда» [Архимандрит Савва, 2019], «Сахарные старушки» [Архимандрит Савва, 2020], иеромонаха Феодорита (Сеньчукова) «Поп на мерсе» [Иеромонах Феодорит, 2020].

2. Характер акторов. Обычно актором ПЮД выступает собирательный (безымянный) персонаж, встречающийся в православной действительности. Однако актором может являться и конкретное лицо, прежде всего церковно-историческое, если речь идет о биографических забавных историях. Примером может служить книга «Дела житейские и духовные. Мудрость, доброта и юмор духовников и старцев XIX–XX веков» [Дела житейские и духовные ... 2020]. В ней собраны рассказы о радостном восприятии жизни, шутках, мудром юморе, находчивости православных подвижников от прославленных в лике Святых (митрополите Филарете Дроздове, преподобном Амвросии Оптинском, патриархе Тихоне и др.) до недавно почивших известных служителях церкви (архимандрите Павле Груздеве, протоиерее Николае Гурьянове и др.).

3. Жанр ПЮД отличается разнообразием, он использует традиционные жанры юмористической коммуникации, например, анекдот, шутку, комический афоризм, байку и др., и имитируемые жанры, которые служат выражению и заострению передаваемого в них комического содержания. К ним относятся «собственные» жанры религиозной коммуникации: молитва, заповедь, исповедь, притча и др. (например, *Притча о Великом Атеисте*), а также жанры других сфер коммуникации: инструкция, протокол, объявление, дневник и т. п. (например, *Дневник религиозно-благочестивой девицы*).

4. Способ продуцирования и распространения. ПЮД включает три разновидности: устный ПЮД, используемый в устной коммуникации верующих между собой; письменный (печатный) ПЮД; зафиксированный и передаваемый электронными средствами интернет-ПЮД.

5. Поликодовость. В зависимости от используемых семиотических кодов в ПЮД выделяются вербальные тексты (применяются средства вербального кода) и креолизованные тексты (наряду с вербальными средствами применяются средства других семиотических кодов).

Своеобразие ПЮД определяется воздействием различных факторов: исторических, религиозных, культурных, социальных, этнических, ситуативных. В нем находят отражение ценности, представления, ментальность, привычные модели поведения,

особенности языкового выражения православно-го человека. Лингвокультурные особенности ПЮД проявляются в наличии в нем лингвокультурных типажей – обобщенных типов личности [Карасик, Ярмахова, 2006], выделяемых на основе социокультурных и этнокультурных стереотипов, в существовании объектов осмеяния, специфичных для православной церковной среды.

Рассмотрим некоторые из типажей. Источником мудрого юмора в ПЮД выступает лингвокультурный типаж *старец*, отличающийся смиренномудрием, высокой духовностью, большим жизненным опытом. В веселых историях он обычно изображается в окружении своих учеников, монахов, реже мирян, которым он изрекает истину в виде оригинальных афоризмов-сентенций, имеющих глубокий назидательный смысл:

Один молодой монах спросил у старца:

- Отче, должен ли я теперь полностью отречься от мира?
- Не беспокойся, – отвечал старец, – если твоя жизнь действительно будет христианской, мир немедленно сам от тебя отречется.

Ключевым для ПЮД является лингвокультурный типаж *батюшка*, воплощающий наиболее типичные характеристики православных священников, независимо от их возраста, семейного положения, места служения, индивидуальных черт и др. К ним относятся доброжелательность, забота о своих неразумных чадах, чувство юмора, находчивость, умение постоять за себя во всех жизненных ситуациях. Именно в репликах батюшки в общении с мирянами, как правило, заложена «соль» шутки, анекдота, раскрываемая в метких остроумных вопросах, ответах:

- А покропите нам, батюшка, квартиру святой водичкой, чтобы все грешное ушло.
- А сами-то где жить будете?

На исповеди

- Грешна, батюшка: пила, чревоугодила, блудила...
- Знаю, чадо мое.
- Откуда?!
- Подписан на твой Instagram¹.

В семинарской среде сформировался лингвокультурный типаж церковный *псевдоученый-невежда*, приводящий в изумление окружающих своим неадекватным поведением и нелепыми изречениями, подающий наглядные примеры того, как не следует проповедовать, читать богословские

¹Instagram – запрещенная на территории Российской Федерации социальная сеть.

лекции, вести миссионерскую деятельность. Истории об Икаре Макарыче, герое фольклора церковной учащейся молодежи, вызывают смеховую реакцию из-за несоответствия его благих намерений реальному положению вещей (абсурдность ситуации), путаницы в его мыслях и словоупотреблении [Икар Макарыч представляет ... 2001]. Примером может служить анекдот о безуспешных потугах проповедника обратить загорающих на пляже в христианскую веру:

Где только не проводились евангелизации. И в клубах, и в кинотеатрах, и на улицах. Но Икар Макарыч шагнул еще дальше и решил провести евангелизацию ... на пляже: «Граждане отдыхающие, если вы еще не сгорели, то обязательно сгорите, если не придете на проповедь об Иисусе в кинотеатр “Звездный”».

Речь героя полна смысловых алогизмов (мазмов), языковых ошибок. Приведем в качестве примера один из таких «перлов»:

Ну как описать любовь Христа к любимому ученику Иоанну?

Икар Макарыч сумел это сделать: «Христос подошел к лежащему у Него на груди Иоанну».

Колоритным в среде мирян является лингвокультурный типаж **бабушка**, обозначаемый в ПЮД антропонимами: *старушка, бабушка, бабулька, бабуся, бабуленька, бабулечка*. Как правило, этот типаж представлен в двух вариантах: доброжелательная бабушка, часто по-детски доверчивая и наивная, например, *богомольная бабушка, старушка-паломница, благодарная бабуля, бабуля-одуванчик, старушка-божий одуванчик*; и злобная старуха, постоянно поучающая окружающих и «качающая свои права», например, *бабка, шустрая бабулечка, всезнающая бабуля, бабушка, которая знает все*. В историях, где актором выступает этот персонаж, нередко высмеиваются суеверия представительниц пожилого поколения, их боязнь нарушить церковные установления. Например:

Бабушка на исповеди у пожилого мудрого, опытного священника, имеющего к тому же тонкое чувство юмора:

– Батюшка, каюсь, волосы постригла!
– ???

– Ну как же, в церкви тут говорили, что надо длинные волосы иметь – тогда после смерти ангел за косу схватит и из ада вытащит.

Батюшка охватывает обеими руками свою облысевшую голову.

– Горе мне!!!

Нередко бабушка является героиней историй, где высмеивается фарисейство (внешнее благочестие), злословие, злопамятность. При этом наряду с формулами религиозного речевого этикета обычно используются просторечные речевые формулы, стилистически сниженная лексика, носителями которых являются пожилые люди, имеющие низкий образовательный и культурный уровень:

Две бабушки встретились у церкви после крупной ссоры, и одна другой говорит:

– Прости меня, Марфа, что тебя назвала дурой злой за то, что ты моей дочке кости перемывала и завидовала, и кривлялась, и в церкви со мной по-фарисейски лобызалась. Прости, Марфа!

– Прощаю тебя, Евфросиния, что ты меня дурой называла и тайно мстила мне за мою доброту, что я ради тебя ничего не жалела, а ты на меня столько грязи вылила и сейчас припомнила мне и то, чего никогда не было. Так вот, я тебя прощаю! Но запомни: НИКОГДА ТЕБЕ ЭТОГО НЕ ЗАБУДУ!

К достаточно распространенному типуажу в ПЮД относится лингвокультурный типаж **православная жена** – собирательный образ женщины, позиционирующей себя истинной, благочестивой христианкой, которая строго бдит за исполнением всех правил и установлений, проявляя при этом лишь внешнее благообразие. Приведем пример:

Беседуют две христианки:

– Дома платок носишь?
– Зачем?
– В знак смирения перед мужем.
– Моему мужу не нравится, когда я в платке.
– Что значит «не нравится»? Пусть смиряется!

Шутливому разоблачению «смирненного» поведения православной жены, собирающейся пойти на исповедь в церковь, служит ироническое замечание ее мужа в следующем анекдоте:

Говорю мужу:

– В воскресенье схожу в церковь, исповедуюсь.

Муж:

– Валидол возьми ... вдруг батюшку прихватит ...

Среди мужских персонажей в ПЮД встречается лингвокультурный типаж **простоватый мужичок** – человек из народа, считающий себя православным, но лишь внешне соблюдающий церковные правила и потакающий своим слабостям и вредным привычкам, например:

Есть у меня славный мужичок. Он каждое первое воскресенье Великого поста приходит на исповедь. На мой вопрос: В чем каетесь? Всегда отвечает: «Пока все нормально».

Простоватый мужичок часто подвержен извечному греху русского человека – пьянству. В отношении к своему недугу он, нередко используя аллюзии на молитвы, Священное Писание, выражает:

- пьяное раскаяние, например, в истории о стороже, который любил выпить:

Однажды настоятель после вечерней службы за чем-то вернулся и видит нетрезвого сторожа, который лежит посреди храма и слезно повторяет: «Господи! Прости меня, zde лежащего и повсюду православного».

- *самооправдание*, например:

Священник спрашивает у прихожанина:

- Почему вы все-таки употребляете вино? Вино – это враг человека!
- Так ведь, батюшка, и заповедь-то какова: «Возлюбил врага своего» ...

Изменение отношения государства и общества к религии во время «перестройки» и в последующие годы обусловило приток в церковь людей как искренне ищущих веру, так и случайных («захажан»), имеющих весьма смутное представление о церковной жизни. Этим объясняется то, что излюбленным объектом для шуток и иронии в ПЮР стало невежество современных мирян в вопросах религии. Осмеянию подвергается:

а) непонимание человеком сути христианской жизни, необходимости покаяния в своих грехах. Например, в следующем анекдоте:

После службы женщина подходит к священнику:

- Спасибо вам, отец. Вы сегодня сказали такую замечательную проповедь. Там все прямо про моих соседей.

б) непонимание сакральной сущности церковных обрядов, например:

Приходят муж с женой в храм что-то освятить. К ним батюшка вышел, освятил, а они ему:

- О, раз мы уже в церкви, то, может быть, и повенчаться сразу, ну что несколько раз ходить?

Батюшка им:

- А может, вас заодно и отпеть? Чтоб по несколько раз не ходили?

в) незнание церковной истории, например:

Мужчина в церковной лавке долго-долго просматривал книги, потом не выдержал и спросил:

- Я тут прочитал Новый Завет, очень мне понравилась книга Деяний, такая интересная! А есть ли продолжение? Так хочется узнать, что там дальше с ними, апостолами, было!

г) искажение названий церковных реалий, например, названий икон:

- Батюшка, а где здесь икона «Забери мои проблемы»?
- Может, икона «Утоли мои печали»?
- Батюшка, зачем мне ваши печали?

д) «перевод» названий религиозных понятий на мирской бытовой язык, например, употребление: вместо *таинство Соборования маслицем помазать*; вместо *Тело и Кровь Христовы кагорчиком напоить*; вместо *Таинства церковные процедуры*; вместо *пожертвование ценник*.

е) внесение в церковную жизнь обращений, моделей речевого поведения светской коммуникации, например:

Вот как в одном соборе обращаются прихожане, когда освящают на Пасху снесь: «Молодой человек, побрызгайте на нас!»; «Мальчики, на нас не попало!»; «Зайки мои, еще!»

В то время как в вербальных текстах ПЮД прагматическое воздействие на адресата осуществляется за счет использования вербальных средств, в креолизованных текстах комический эффект возникает в результате взаимодействия средств разных семиотических кодов, что наиболее ярко проявляется в интернет-коммуникации.

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В ИНТЕРНЕТ-ПЮД

Широкое распространение в интернет-дискурсе юмористических креолизованных текстов обусловлено, по мнению исследователей, такими свойствами этого типа общения, как глобальность, виртуальность, повышенная скорость распространения, наличие обратной связи, гипертекстуальность, креолизованность, мультимедийность [Гладкая, 2018; Щурина, 2015]. К преимуществам интернет-коммуникации можно отнести то, что она соответствует клиповому типу мышления современного человека, при котором информация воспринимается фрагментарно с помощью ярких, сменяющих друг друга образов; что она способствует свободе

Рис. 1. Мем «Чудо о пяти хлебах и двух рыбах»

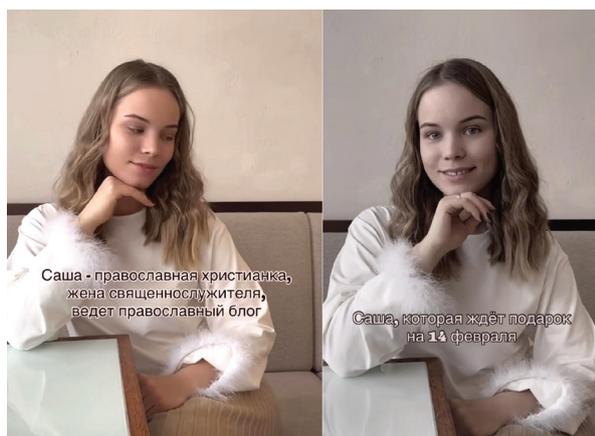

Рис. 2. Видеоролик 1

самовыражения и открывает новые возможности для креативности и творчества.

Появление и увеличение юмористического православного контента в Интернете в значительной мере объясняется тем, что молодое поколение верующих активно использует социальные сети, блоги для общения между собой и с окружающим миром. При этом обращенность к массовому адресату расширяет функциональный спектр ПЮД, который выполняет в Интернет-пространстве наряду с прочими миссионерскую функцию – служит разрушению стереотипов относительно мрачности, замкнутости христиан, призван вызвать интерес к жизни верующих, вопросам религии. Основными жанрами креолизованных текстов в ПЮД являются интернет-мем и видеоролик.

Под интернет-мемом мы понимаем культурно значимую информационную единицу, созданную электронными средствами, представляющую собой поликодовое образование, состоящее из иконической части (картинка) и вербальной части. Рассмотрим мем¹, отсылающий нас к событию Библейской истории, известному как «Чудо о пяти хлебах и двух рыбах» (Мф. 14: 13–21, Мк. 6:31–41, Лк. 9:10–17, Ин. 6: 5–15) (рис. 1).

На картинке изображен Господь на фоне ясно-го безоблачного неба с рыбой и хлебом в руках, дарящего их хмурым, недовольным людям, высказывающим претензии по поводу предлагаемой им пищи: *Я это не ем, я веган; А эту рыбу проверяли на ртуть? Этот хлеб без глютена?* Объектом осмеяния в интернет-меме является неблагодарность Творцу современного человека, погрязшего в праздности, привередливого и фанатично заикленного на проблемах своего здоровья.

Видеоролик – это короткое видео, размещенное на YouTubeShorts, TikTok, VK клипах, Дзене и в других социальных сетях. С лингвистической точки зрения видеоролик представляет собой сложное поликодовое образование, в котором задействованы средства разных семиотических кодов (вербальные, видеосредства, аудиосредства, графические средства и др.), комплексно воздействующие на адресата и поэтапно (по кадрам) раскрывающие содержание определенного сюжета. Рассмотрим два видеоролика ПЮД.

Видеоролик 1. На первом кадре мы видим молодую улыбающуюся женщину (она же автор и блогер) и вербальное сопровождение в виде надписи: *Саша – православная христианка, жена священнослужителя, ведет православный блог* (рис. 2).

Эффект самоиронии возникает при прочтении следующей надписи: *Саша, которая ждёт подарок на 14 февраля*. Он обусловлен противоречием между тем, как героиня позиционирует себя в глазах общественности (образцовая православная жена), и тем, что она представляет собой на самом деле. Как обычная женщина матушка Александра совсем не склонна к аскезе, каким-либо самоограничениям, она мечтает о подарках, к тому же, на день Святого Валентина (*день всех влюбленных*), не одобряемого и даже осуждаемого Православной Церковью. Данное «разоблачающее» несоответствие между внешним положением дел и внутренним состоянием человека усиливается в видеоролике благодаря музыкальному аудиосопровождению. Оно отсылает к популярному среди современной молодежи фильму «Слово пацана».

¹В статье использованы видеоматериалы, представленные магистрантом факультета немецкого языка МГЛУ Л. Пустовойтовой.

Этому же служит стоп-кадр из фильма в черно-белом формате, где указывается дата смерти героя фильма, что сигнализирует контраст между видимой «успешностью» пацана и его реальной трагической судьбой.

Видеоролик 2. На первом кадре изображена влюбленная пара, остановившаяся перед церковью. Предложение девушки зайти внутрь ставит молодого человека в тупик, об этом сигнализируют тревожная музыка и его слова: *Ээээ ... Да не, ну там мы это...* Далее в видеоролике предлагаются два сценария развития событий. Первый, неблагоприятный, связан с отрицательным опытом посещения юношей церкви в прошлом: на него набрасываются бабки – блюстительницы церковных порядков с грубыми окриками: *Посмотри на него! Ему сказали не топтать, он топчет. Молодой человек, быстрее! Я ему сказала, он не понимает. Куда по газону?* (рис. 3).

Комический эффект возникает благодаря узнаваемости подобных ситуаций в церкви по отношению к новоначальным прихожанам и в связи с применением графических спецэффектов: для создания устрашающего вида церковной бабули, превращающейся на глазах в ведьму, из ее глаз исходят потоки адского огня, она извергает гром и молнии.

Второй сценарий, благоприятный, соответствует реальному посещению молодыми людьми церкви в настоящем (рис. 4).

Войдя в церковь, пара находит теплый прием, знакомится с приветливыми бабушками, сидящими за накрытым столом. В результате юноша кардинально меняет свое мнение о церковных старушках и заключает: *Наши бабушки – самые милые! Угостят вас вкусными соленьями и чаем с печеньками.* Так видеоролик помогает преодолеть у молодых людей страх, предубеждение о недоброжелательном отношении к ним со стороны пожилых верующих.

Таким образом, юмор, шутка являются одной из составляющих бытия православного человека. В отличие от светского юмористического дискурса, нацеленного исключительно на развлечение (смех

Рис. 3. Видеоролик 2 (неблагоприятный сценарий)

Рис. 4. Видеоролик 2 (благоприятный сценарий)

ради смеха), ПЮД имеет воспитательное предназначение. В условиях развития современных коммуникационных технологий он служит популяризации православной церковной жизни в массовом сознании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архимандрит Савва (Мажуко). О пользе вреда. М.: Никея, 2019. Сахарные старушки. М.: Никея, 2020.
2. Лесков Н. С. Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры). Санкт-Петербург: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1880.
3. Ардов М. Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни (картинки с натуры). М.: Изд-во имени Собашикова, 1995.
4. Архимандрит Савва (Мажуко). Сахарные старушки. М.: Никея, 2020.
5. Иеромонах Феодорит (Сеньчуков). Поп на мерсе. М.: Экспо, 2020.

6. Дела житейские и духовные. Мудрость, доброта и юмор духовников и старцев XIX–XX веков. М.: Вольный странник, 2020.
7. Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.
8. Икар Макарыч представляет... М.: Руфь, 2001.
9. Гладкая Н. В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2018.
10. Щурина Ю. В. Речевые жанры комического в массовой коммуникации: монография. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015.

REFERENCE

1. Arkhimandrit Savva (Mazhuko). (2019). O pol'zevreda = On the benefits of harm. Moscow: Nikeya. (In Russ.)
2. Leskov, N. S. (1880). Melochi arkhiejskoj zhizni (kartinki s natury) = The mundanities of eparchial life (pictures from life). St.Petersburg: Izdanie kinoprodavca I. L. Tulozova. (In Russ.)
3. Ardiv M. (1995). Melochiarkhi ..., proto ... i prosto lerejskoj zhizni (kartinki s natury) = The little things about the life of bishops, archpriests and priests (pictures from life) Moscow: Izdatel'stvo imeni Sobashnikova. (In Russ.)
4. Arkhimandrit Savva (Mazhuko). (2020). Sakarnye starushki. = Sugar caster grannies. Moscow: Nikeya. (In Russ.)
5. Ieromonah Feodorit (Sen'chukov) (2020). Pop na merse = Pop in a Mercedes. Moscow: Expo. (In Russ.)
6. Dela zhitejskie i dukhovnye. Mudrost', dobrota i yumor duchovnikov i starcev (2020) = Spiritual and worldly matters. Wisdom, kindness and humor of confessors and elders of the XIX–XX centuries. Moscow: Vol'nyj strannik. (In Russ.)
7. Karasik, V., Jarmaхова, E. (2006). Lingvokulturny' tipazh "anglijskij chudak" = "The Eccentric Englishman": a linguistic and cultural archetype. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Ikar Makarych predstavlyaet ... (2001). = Icar Makarych presents. Moscow: Ruf. (In Russ)
9. Gladkaya, N. V. (2018). Komicheskie rechevye zhanry v internet-discourse = Comedic speech genres in Internet discourse: abstract of Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Schurina, Yu. V. (2015). Rechevye zhanry komicheskogo v Massovoj kommunikacii = Comedic speech genres in mass communication: monograph. Chita: Zabajkal'skij gosudarstvennyi universitet. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Елена Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
 факультета немецкого языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Elena Evgenievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Grammar and History of the German Language
 Faculty of the German Language
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

02.07.2024
 30.07.2024
 06.08.2024

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Языковая специфика вербализации эмоций в немецкоязычной и русскоязычной аудиодескрипции

А. В. Анищенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
allan031@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются языковые способы объективации эмоций и чувств действующих персонажей художественных фильмов в тифлокомментарии (аудиодескрипции). Тифлокомментарий рассматривается как механизм, компенсирующий отсутствие доступа реципиентов с нарушениями зрения к визуальной информации. Анализ проводится на материале русскоязычных и немецкоязычных художественных фильмов в жанрах «лирическая комедия» и «драма». Определяется, что на лексико-стилистическом и грамматико-синтаксическом уровнях немецкоязычные и русскоязычные комментарии обнаруживают различия; выделяются модели представления эмотивной информации в тифлокомментариях.

Ключевые слова: аудиодескрипция, вербализация эмоций, инклюзивная коммуникация, художественный фильм

Для цитирования: Анищенко А. В. Языковая специфика вербализации эмоций в немецкоязычной и русскоязычной аудиодескрипции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 17–24.

Original article

Linguistic Specific Features of Verbalisation of Emotions in the German-Language and Russian-Language Audio Description for Feature Films

Alla V. Anishchenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
allan031@yandex.ru

Abstract. The article analyses the linguistic ways of objectifying emotions and feelings of the characters in feature films in audio description, which is considered as a mechanism compensating for the lack of access to visual information for recipients with visual impairments. The analysis is carried out on the material of Russian- and German-language feature films in the genre of “lyrical comedy” and “drama.” As a result of the analysis, it was found that German- and Russian-language audio description texts differ on the lexical-stylistic and grammatical-syntactic levels. The models of conveying emotive information in audio description are identified as well.

Keywords: audio-description, verbalization of emotions, inclusive communication, feature film

For citation: Anishchenko, A. V. (2024). Linguistic specific features of verbalisation of emotions in the German- and Russian-language audio description for feature films. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 17–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья посвящена языковым аспектам инклюзивной коммуникации, а именно аудиодескрипции (тифлокомментированию) – активно развивающейся в последние годы социально значимой услуге, обеспечивающей доступ людей с ограниченными возможностями зрения к визуальной информации. Оптимальным фактором обеспечения информационной доступности для людей с ограничениями по зрению можно считать кино- и телепродукцию различных художественных жанров. Будучи рассчитанными на массового реципиента, кино- и телеформаты охватывают многочисленную аудиторию и позволяют даже реципиентам с ограниченной мобильностью полноценно участвовать в жизни общества и обогащать свой культурный и эмоциональный опыт.

Кроме того, тифлокомментирование художественных кино- и телефильмов представляет собой хоть и творческий, но заранее подготовленный процесс, который может быть алгоритмизирован и оптимизирован, не только технически, но и содержательно. Речь идет о создании специализированных тематических глоссариев, в том числе многоязычных, предназначенных для разработки текстов тифлоописаний различных статических и динамических объектов. Необходимость углубления исследований в области тифлокомментирования / аудиодескрипции для лингвистического обеспечения инклюзивной коммуникации обуславливает актуальность данной работы.

Изучение специализированных описаний для людей с ограничениями по зрению, разработанных на разных языках, представляется теоретически и практически целесообразным в силу большей разработанности данной области за рубежом, где накоплен значительный опыт создания и внедрения аудиодескрипции в сфере массовой коммуникации и культуры. Результаты анализа аудиодескриптивных текстов в сравнительном аспекте могут быть полезны для компаративной лингвистики, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации.

Целью предлагаемого исследования является установление языковых особенностей вербализации эмоций в немецкоязычных и русскоязычных тифлокомментариях к художественным фильмам. Поскольку значительная часть эмотивной информации воспринимается зрительно, через визуальный канал, именно изучение и разработка адекватных способов адаптации визуальной эмотивной информации представляет научный и практический интерес.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом предлагаемого исследования выступают немецкоязычные и русскоязычные вербальные тексты специализированных комментирующих описаний, которые предназначены для реципиентов с нарушением зрительной функции и интегрированы в художественные фильмы в качестве особой звуковой дорожки. Необходимо отметить, что относительно таких текстов в России традиционно используется термин «тифлокомментарий», введенный С. Н. Ваньшиным и закрепленный государственным стандартом¹. За рубежом используется термин «аудиодескрипция» (*англ.* audio description; *нем.* Audiodeskription). Этот термин представляется более корректным с точки зрения инклюзивности, так как он не акцентирует внимание на сенсорных особенностях целевой группы данной услуги – незрячих и слабовидящих реципиентах. В дальнейшем в статье оба термина используются как равнозначные.

Материалом исследования послужили художественные фильмы на русском и немецком языках в жанре «лирическая комедия» и «драма»: «Летят журавли» (1957), «Служебный роман» (1977), «Landgericht – Geschichte einer Familie» (2017), «Von Erholung war nie die Rede» (2016). Выбор обусловлен жанровыми характеристиками анализируемых фильмов. Лирическая комедия как жанр кинематографа соединяет в себе юмор и психологизм, проявляющиеся в отражении психологического состояния и чувств персонажей. Особой концентрацией на внутреннем мире героев, их поведении и эмоциональных реакциях в условиях социального, эмоционального или других типов конфликта характеризуется драма. При этом эмоциональное состояние действующих персонажей передается в художественном фильме не только вербальными средствами в диалогах и монологах действующих лиц, но и посредством кинематографических приемов (технологическими приемами монтажа, положением камеры, звуковым и музыкальным сопровождением и др.). Экранные образы могут получать добавочные, часто символические и метафорические значения [Лотман, 1973]. Анализ двух различных киножанров обеспечил возможность включения в исследовательский корпус текстов аудиокомментариев к эмотивным видеофрагментам, где представлен достаточно широкий спектр положительных и отрицательных эмотивных проявлений.

В ходе исследования предприняты следующие шаги:

¹ГОСТ Р 57891-2017 Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/77348/>.

- произведена селекция тифлокомментариев к эмотивным видеоконтекстам в русскоязычных и немецкоязычных художественных фильмах;
- систематизированы эмотивные тифлокомментарии в соответствии с базовыми эмоциями;
- выделены и систематизированы языковые средства манифестации эмоциональных состояний в текстах тифлокомментариев;
- проведен сравнительный анализ языковых средств в русскоязычных и немецкоязычных тифлокомментариях.

Относительно лингвистической квалификации тифлокомментирования / аудиодескрипции в настоящее время еще ведутся дискуссии. Определяя аудиодескрипцию как выполняющую фатическую и поэтическую функции повествование, основанное на принципах интерсемиотического перевода, И. С. Борщевский предлагает применять концепцию психологического синтаксиса, разрабатывающуюся вслед за Паулем основателем Московской лингвистической (формальной) школы Ф. Ф. Фортунатовым. В соответствии с этой концепцией один из «членов суждения <...> дается не в представлении слова, а в другом представлении предмета мысли», [цит. по: Интеракция семиотических систем в языке и речи, 2024, с. 46], т. е. может быть выражен неязыковыми средствами. Такой подход позволяет рассматривать тифлокомментарий как результат взаимодействия и взаимовлияния вербальных и визуальных элементов.

О целостном единстве исходного текста (*Ausgangskommunikat*) и акустической информации комментария, выполняющего функцию паратекста, пишет И. Мазур. Текст аудиодескрипции возникает как результат переноса интермодальных связей между визуальным рядом, звуком и репликами персонажей в интермодальные связи между звуком и аудиокomentarием и путем создания необходимых интрамодальных вербальных связей между репликами персонажей и аудиокomentarием [Mazur, 2020]. Передачу эмотивных смыслов в художественном фильме с тифлокомментарием можно рассматривать как процесс взаимодействия элементов фильма-оригинала и учитывающего сенсорные особенности реципиента тифлокомментария. Таким образом, эмотивный контекст фильма с аудиодескрипцией формируется в результате взаимодействия таких элементов как художественно смонтированного видеоряда, репрезентирующего эмоциональную ситуацию, вербальное и паравербальное оформление этой ситуации, звуковое сопровождение, так и аудиокomentarия, описывающего значимые невербальные элементы эмоциональной ситуации. При этом вербализация эмоции

в тифлокомментарии происходит в соответствии с ее концептуальной моделью, которая обладает культурной спецификой и усваивается индивидом в процессе социализации [Анищенко, 2020]. Испытывая одни и те же базовые эмоции, члены разных культурных сообществ по-разному их распознают, регулируют, выражают вербально и невербально.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку одним из исходных положений исследования является тезис о вербализации базовых эмоций в соответствии с их концептуальной моделью, в ходе анализа в текстах тифлокомментариев были выделены и тематически систематизированы языковые средства описания эмоциональных состояний в соответствии с базовыми эмоциями (радость, интерес, удивление, грусть, страх, гнев, стыд, отвращение). Первичная идентификация модальности эмотивных фрагментов проводилась на основе эксплицитных характеристик – наличия в тексте тифлокомментария вербального маркера эмоции:

- (1) *Verwundert* betrachtet Gerald sein Gesicht im Spiegel (эмоция удивления).
- (2) *Erschrocken* blickt Riccarda zu ihnen (эмоция страха).
- (3) *Freudig* wendet sich seine Schwester ihm zu, er lächelt sie an (эмоция радости).

В качестве вербальных маркеров модальности эмоционального состояния в немецкоязычных аудиокomentarиях преобладают наречия и / или причастия, выполняющие в предложении функцию обстоятельства образа действия: *überrascht, verwirrt, ratlos, entnervt, irritiert*. Такая форма экспликации эмоций хоть и встречается в русскоязычных тифлокомментариях (4), однако по численности такие контексты значительно уступают немецкоязычным.

- (4) Марк *стыдливо* прячет глаза (эмоция стыда).

Особенностью русского языка является возможность использовать свои отличительные грамматико-синтаксические ресурсы. Так, для описания эмоционально маркированного действия, сопровождающего основное действие, в русском тифлокомментарии встречается использование деепричастий или деепричастных оборотов, также выполняющих в предложении функцию обстоятельства образа действия. Использование отглагольных форм, характерных для стиля художественной литературы, не только придает описанию динамичность

и наглядность, но и позволяет сохранять в искусственно созданном тексте тифлокомментария общую стилистику художественного произведения:

- (5) Одарив Самохвалова коротким красноречивым взглядом, Калугина продолжает писать (*эмоция гнева*).
- (6) Застыв с приоткрытым ртом, тот опускает взгляд (*эмоция неприятного удивления*).
- (7) Улыбаясь, проскальзывает мимо них на цыпочках в свою комнату (*эмоция радости*).

Одинокое деепричастие или деепричастный оборот могут четко указывать на модальность эмоционального состояния действующего персонажа или только сигнализировать о том, что герой фильма находится в состоянии волнения, давая возможность незрячему реципиенту самостоятельно, учитывая широкий контекст и развитие сюжета фильма, сделать вывод о какой эмоции идет речь. И, если в тексте тифлокомментария (7) эмоциональное состояние может быть однозначно дифференцировано как радость, то для распознавания чувств Федора Бородина, узнавшего случайно, что его племянник Марк получил бронь незаконным способом (8), необходимо привлечение развернутого контекста, поскольку эмотивная кинема «поджать губы» может означать широкий спектр негативных эмоциональных проявлений; узкий контекст тифлокомментария к данному видеофрагменту также не способствует однозначной идентификации эмоции.

- (8) Федор подходит к вешалке, *поджав губы*. Одевает шапку на голову Чернова. Вручает ему пальто. Чернов ничего не понимает. С виноватым видом уходит.

Только тифлокомментарий к следующему видеофрагменту, демонстрирующему нелегкую сцену объяснения разочарованного в племяннике Федора и совершившего моральный проступок Марка, которого Федор принимает как родного сына, содержит номинанты эмоций «горечь» и «обида» (табл. 1). Это, по мнению автора тифлокомментария, те эмоции, которые необходимо сообщить незрячему реципиенту, потому что именно эти эмоции в аналогичной ситуации предписано испытывать отцу, узнавшему о непопорочности сына и разочаровавшегося в нем.

В отдельных случаях и в немецкоязычных, и в русскоязычных комментариях эмоциональное состояние персонажа маркируется лексемой, обозначающей физиологическую реакцию, сопровождающую эмоциональные состояния (*zittern, schlucken, nach Luft schnappen; сглотнуть, поперхнуться, задрожать, заплакать*). Как правило, автор комментария прибегает к таким лексемам, чтобы не только подчеркнуть высокую степень эмоционального напряжения действующего персонажа, но и обратить внимание реципиента на попытку героя справиться с нахлынувшим чувством:

- (9) Sie starrt auf den Frühstückstisch. Dann schaut sie abwechselnd von der Puppe zu ihrem Mann. Richard lächelt und *schluckt*.
- (10) Sie *holt tief Luft* und nestelt nervös an ihrem Blusenkragen.
- (11) Das Kinn des Angeklagten *bebt*.
- (12) Бабушка *глотает комок в горле* и с трудом сдерживает слезы.

Помимо четко маркированных при помощи вербальных средств групп базовых эмоций может быть выделена тематическая группа,

Таблица 1

ФРАГМЕНТ ИЗ ТИФЛОКОММЕНТАРИЯ К ФИЛЬМУ «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ» (1957)

Видеоряд фильма	Текст оригинального фильма	Текст тифлокомментария
В кадре Марк и Федор, смотрят друг на друга.	Федор: <i>Закрой дверь!</i>	Марк закрывает дверь в комнату. Федор не спускает с него глаз. Подходит к нему близко. Вероника поднимается по лестнице, но Федор касанием руки останавливает ее. ...
В кадре крупным планом лицо Федора. На заднем плане видны силуэты Ирины и Вероники.	Федор: <i>Ты думаешь, кому-нибудь сына на войну отправлять хочется?</i> Марк: <i>Ты о чем?</i>	Лицо Федора освещено искусственным светом. Марк находится в тени. На глазах Федора слезы.
Крупным планом лицо Федора.	Федор: <i>Или ты считаешь, за твое благополучие, за твою жизнь...</i>	
	Федор: <i>...кто-то должен терять руки, ноги, глаза, челюсти, жизни!</i>	Он смотрит с горечью и обидой .

ФРАГМЕНТ ИЗ ТИФЛОКОММЕНТАРИЯ К ФИЛЬМУ «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ» (1957)

Видеоряд фильма	Текст оригинального фильма	Текст тифлокомментария
В кадре Марк и Федор, смотрят друг на друга.	Федор: <i>Закрой дверь!</i>	Марк закрывает дверь в комнату. Федор не спускает с него глаз. Подходит к нему близко. Вероника поднимается по лестнице, но Федор касанием руки останавливает ее. ...
В кадре крупным планом лицо Федора. На заднем плане видны силуэты Ирины и Вероники.	Федор: <i>Ты думаешь, кому-нибудь сына на войну отправлять хочется?</i> Марк: <i>Ты о чем?</i>	Лицо Федора освещено искусственным светом. Марк находится в тени. На глазах Федора слезы.
Крупным планом лицо Федора.	Федор: <i>Или ты считаешь, за твое благополучие, за твою жизнь...</i>	
	Федор: <i>...кто-то должен терять руки, ноги, глаза, челюсти, жизни!</i>	Он смотрит с горечью и обидой .

объединяющая амбивалентные единицы, не называющие модальность эмоционального проявления, а сигнализирующие о его наличии. Нельзя не отметить значительное преобладание среди немецкоязычных единиц данной группы эмотивных вербальных средств, описывающих различные способы и тонкости зрительной коммуникации: особенности фиксации взгляда, направление взгляда, уход от зрительного контакта и т. п.

- (13) Gundula beobachtet sie bewegt.
- (14) Angespant sieht er wieder zu Richard, der erhebt zögernd den Blick.
- (15) Singer schaut ihm fest in die Augen.

Если в немецком языке, располагающем богатыми словообразовательными ресурсами, основным средством выражения зрительной семантики выступает обширный синонимический ряд глаголов зрительного восприятия (*(an)sehen, (an)schauen, nachsehen, sich umsehen, blicken, (an)starren, fixieren, vor sich hinsehen, betrachten* и др.), то в русских тифлокомментариях, содержащихся в исследовательском корпусе, преобладают именные и глагольные словосочетания с компонентами «взгляд» и «глаза» (*опустить взгляд, прикрыть глаза, не сводить взгляда, полные страдания глаза, с презрением щурить глаза, стыдливо опустить глаза* и др.). Взгляд в русскоязычном тифлокомментарии приобретает различные характеристики: он может быть *холодным, грустным, взволнованным, растерянным, недовольным* и т. п. Он становится инструментом, при помощи которого можно *уничтожить* или *одарить* собеседника. Кроме того,

можно говорить об актуализации в тифлокомментарии концептуальной метафоры «глаза – зеркало души» и метафорической модели «взгляд – вместилище / контейнер»:

- (16) Во взгляде Бориса боль и тоска.
- (17) В глазах Вероники отчаяние.
- (18) Она открывает полные страдания глаза.

Немецкоязычная часть исследовательского корпуса также содержит некоторые примеры метафорического употребления лексемы «Blick». Взгляд представляется как живой объект, способный к перемещению в пространстве. Он может *бродить, блуждать, скользить в пространстве, следовать за кем-то*:

- (19) Unruhig wandert ihr Blick über die zerstörte Einrichtung
- (20) Sein Blick schweift zu einer Frau und zwei Soldaten
- (21) Ihr ernster Blick folgt den Kindern.

Использование олицетворений и метафор привносит в текст комментария динамичность и экспрессивность:

- (22) Улыбка сходит с ее лица.
- (23) Сквозь ее (Олину) милую улыбку проступает грусть.

Герой фильма, пребывающий в состоянии отрешенности, погруженный в свои переживания, сосредоточенный на своих мыслях и не

воспринимающий происходящее вокруг, описывается в немецкоязычном комментарии как *смотрящий в пустоту* (нем. *ins Leere stieren / starren*). Дословный эквивалент, хоть и понятный для русскоговорящего реципиента, в соответствующих русскоязычных контекстах не встретился. В качестве аналога можно назвать выражения *смотреть вдаль, смотреть мимо, смотреть в пространство*:

- (24) Dessen Blick *verliert sich ins Leere*.
- (25) Rauchend sieht Claire zum Gepäck, dreht sich zum Fenster und *stiert ins Leere*.
- (26) Боря *смотрит вдаль* серьезно и напряженно.
- (27) Она *смотрит в пространство*. На глазах наворачиваются слезы.

В качестве еще одного частного и многозначного вербального маркера эмоционального состояния в немецкоязычных аудиокomentarиях можно назвать немецкий глагол *lächeln* (рус. *улыбаться*), который может выступать в эмотивной, контактоустанавливающей и этикетной функциях:

- (28) Der junge Mann Nino *lächelt flirtend*.
- (29) Gerührt *lächelt* Gundula ihren Vater an.
- (30) Er schiebt ihren Stuhl an den Tisch und setzt sich *lächelnd* daneben.

Такая улыбка всегда социальна, она имеет своего адресата. Призванная выполнять социальные функции, она не всегда является сигналом непосредственной эмоциональной реакции, а может быть наигранной или неискренней:

- (31) Er *lächelt* verkrampft.
- (32) Die Pflegemutter bemüht sich um ein *Lächeln*.
- (33) Чернов хитро улыбается.

Проведенный анализ не позволил выделить существенное преобладание средств вербализации той или иной эмоции, но дал возможность сделать однозначный вывод о количественном и качественном преобладании описаний негативных эмоциональных проявлений. Что касается вариативности языковых средств описания эмоционального состояния, выделяется тематическая группа «удивление», представленная вербализациями многочисленных эмотивных кинем. Проиллюстрируем сказанное фрагментом из фильма, который можно назвать немой сценой удивления (к/ф «Служебный роман»). Речь идет о появлении на рабочем месте преобразившейся Калугиной, неожиданно превратившейся из немолодой «мымры» в модную и ухоженную успешную женщину, способную вызвать восхищение:

- (34) Из лифта выходит Калугина. На ней платье в синюю мелкую клетку с отложным воротником, крупными белыми пуговицами. Пышная прическа. На лице макияж. Подойдя к зеркалу, поправляет прическу. Перед зеркалом стоит молодая девушка. Увидев Калугину, *широко ей улыбается*. Провожает ее *взглядом*. Все сотрудники *поворачивают головы* в сторону Калугиной. Многие выходят в проход между столами.

Несмотря на отсутствие вербального сопровождения сцены в оригинальном фильме, зритель уже на основе визуального ряда однозначно квалифицирует эту сцену как фурор, всеобщее удивление и восхищение. Зритель видит многочисленных подчиненных Калугиной, провожающих ее обескураженными, полными изумления глазами, покинувших рабочие места, чтобы разглядеть все произошедшие в начальнице изменения. Реципиент с нарушением зрения при восприятии оригинального фильма слышит только фоновое музыкальное сопровождение. Для обеспечения адекватного восприятия сцены незрячим реципиентом тифлокомментатор прибегает к различным языковым средствам, чтобы максимально разнообразно, с указанием на все возможные невербальные сигналы (элементы окулесики, мимики, движения тела) описать эмоцию удивления.

- (35) В проход выглядывает Оля. *Удивленно вскидывает брови*. Двое мужчин курят около лестницы. Один хлопает другого по плечу. *Открыв роты*, мужчины провожают Калугину *взглядами*. Шура *замерла* с оранжевым вымпелом в руках.

Таким образом, различные языки по-разному кодируют эмоциональную сферу, что обусловлено социокультурными факторами. Это своеобразие, в свою очередь, находит отражение в текстах специализированных описаний, предназначенных для незрячих и слабовидящих.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭМОТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ АУДИОДЕСКРИПЦИИ

Для определения структурных особенностей немецкоязычных и русскоязычных комментариев была предпринята попытка выделения синтаксических моделей кодирования в них эмотивной информации. В немецкоязычных аудиокomentarиях были выделены следующие синтаксические модели:

- Модель 1. Adv / adj – Vf – N1 / Pron – N2... / Pron (примеры 34, 35)

Модель 2. N1/ Pron – Vf – N2... / Pron (Adv / adj)
(см. примеры 36, 37)

Модель 3. N1 / Pron – Vf – Adv (примеры 38, 39)

N1 – существительное в именительном падеже,
N2 ... – существительное в косвенных падежах,
Pron – местоимение, Vf – изменяемая часть глагола,
Adv / adj – наречие / прилагательное.

- (36) Traurig sieht er Claire nach.
- (37) Lächelnd nickt sie ihrem Mann zu.
- (38) Claire wendet den Blick ab.
- (39) Sie fixiert das Kind.
- (40) Merry lächelt verkrampft.
- (41) Er lächelt bewegt.

Модификация модели 1 характерна и для русскоязычных тифлокомментариев. В русскоязычной конструкции в таких случаях в предложении может быть пропущено подлежащее, что недопустимо в немецком языке:

Модель 1*. Adv / adj – Vf – N2... / Pron.

Как в русских, так и в немецких текстах обстоятельство образа действия сигнализирует модальность эмоционального состояния, а сказуемое выражает нейтральное действие, как правило, при помощи глагола зрительного восприятия:

- (42) Вздвонно *смотрит* на него.
- (43) Удивленно и пристально *глядит* на Бориса.

Русскоязычный тифлокомментарий характеризуется номинативным стилем, что выражается наличием большого числа оценочных номинативных предложений, а также использованием номинантов эмоции при описании эмоционального состояния:

(42) У Вероники потрясенное выражение лица.

(43) Лицо Вероники крупным планом. В глазах ужас.

Такие лаконичные изображения внутреннего состояния человека запечатлевают отдельный эмоционально насыщенный фрагмент действия фильма и обращают внимание реципиента на важность этого фрагмента. Такие предложения экспрессивны, образны и содержательно емки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задачей художественного фильма является создание эстетического и эмоционального впечатления у зрителя независимо от его сенсорных возможностей. Полноценное восприятие авторского замысла в условиях инклюзивной коммуникации обеспечивается дополнительными компенсаторными механизмами, к которым можно отнести аудиодескрипцию / тифлокомментирование.

В специализированном описании объективируется информация об эмоциональном состоянии действующих персонажей, недоступная для непосредственного восприятия реципиентов с сенсорными нарушениями. Таким образом, визуальный ряд при создании аудиокomentarия трансформируется комментатором в дополнительный звуковой ряд.

Сравнительный анализ русскоязычных и немецкоязычных комментариев к художественным фильмам показал, что языковые средства трансляции эмоциональных состояний обнаруживают в зависимости от языка специфику на лексико-стилистическом и грамматико-синтаксическом уровнях, что может быть связано как с системными особенностями языка, так и с принятыми в профессиональном сообществе конвенциями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
2. Интеракция семиотических систем в языке и речи / Е. И. Мальцева, Е.С. Панкратьева, И.С. Борщевский [и др.]. Казань : Бук, 2024.
3. Mazur I. A Functional Approach to Audio Description // Journal of Audiovisual Translation. 2020. 3 (1). 226–245.
4. Анищенко А. В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 9 (838). С. 11–22.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (1973). Semiotika kino i problemy kinoestetiki = Semiotics of cinema and problems of film aesthetics. Tallin: Eesti Raamat. (In Russ.)

2. Interaktsiya semioticheskikh sistem v yazyke i rechi / E. I. Mal'tseva, E. S. Pankrat'eva, I. S. Borshchevskii [i dr.]. Kazan': Buk, 2024. (In Russ.)
3. Mazur, I. (2020). A Functional Approach to Audio Description. *Journal of Audiovisual Translation*, 3(1), 226–245.
4. Anishchenko, A. V. (2020). Simulation of emotive meanings in German-language films with audio description. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(838), 11–22. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анищенко Алла Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anishchenko Alla Valerievna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	30.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Препозитивные атрибутивные определения к детерминативным сложным существительным, образованным по модели «существительное + существительное»

С. А. Волина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fotina-lana01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются типичные для современного немецкого языка способы выражения препозитивных атрибутивных определений к детерминативным сложным существительным, образованным по модели «существительное + существительное», являющимся самым распространенным способом расширения словарного состава немецкого языка и образующим в сочетании с препозитивными атрибутивными определениями единое целое. Проводится анализ структуры, функций, значения препозитивных атрибутивных определений, отмечается их значимость для выразительных и смысловых аспектов текста.

Ключевые слова: современный немецкий язык, детерминативные сложные существительные, способ расширения словарного состава, препозитивные определения к существительным, взаимоотношения сложного существительного и препозитивного атрибутивного определения

Для цитирования: Волина С. А. Препозитивные атрибутивные определения к детерминативным сложным существительным, образованным по модели «существительное + существительное» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 25–32.

Original article

Prepositive Attributive Definitions for Determiner Complex Nouns According to the “Noun + Noun” Model

Svetlana A. Volina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
fotina-lana01@mail.ru

Abstract. The article examines typical ways for the modern German language to express prepositive attributives to determinative compounds formed according to the “noun + noun” model, which is the most common way to expand the vocabulary of the German language and forms a single whole in combination with prepositive attributives. The structure, functions, and meaning of prepositive attributives are analyzed, and their significance for the expressive and semantic aspects of the text is noted.

Keywords: modern German, determiner complex nouns, a way to expand vocabulary, prepositive definitions for nouns, the relationship between a compound noun and a prepositive attributive definition

For citation: Volina, S. A. (2024). Prepositive attributive definitions for determiner complex nouns according to the “noun + noun” model. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 25–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Особое внимание к взаимодействию сложных детерминативных существительных, образованных по модели «существительное + существительное» (*далее S + S*), и разных типов препозитивных атрибутивных определений к ним, а также роль семантического взаимодействия этих явлений для распознавания смысла высказывания и текста в более широком смысле обуславливают научную новизну нашего исследования.

Актуальность темы подтверждается важностью понимания и правильного декодирования сложных синтаксических конструкций, представленных в данной статье словосочетаниями, состоящими из детерминативных сложных существительных, образованных по модели «S + S», с их специфическими отношениями между составляющими компонентами, и препозитивных атрибутивных определений к ним, выраженных единичными адъективными определениями и причастиями, а также распространенными адъективными и причастными группами, что является структурной особенностью немецкого языка и распространенным явлением, особенно в письменной речи.

Целью данной статьи является описание особенностей структур, состоящих из детерминативных сложных существительных, образованных по модели «S + S», и разных типов препозитивных определений к ним, а также особенности перевода таких словосочетаний на русский язык. Поставленная цель достигается за счет решения следующих задач:

1) охарактеризовать семантико-синтаксические отношения между компонентами детерминативных сложных существительных, образованных по модели S + S, отражающих причинно-следственные связи между явлениями действительности и тем самым специфику воссоздания картины мира;

2) продемонстрировать с помощью наглядных примеров особенности детерминативного субстантивного словосложения по модели «S + S» как отражение специфики строя немецкого языка и одного из способов языковой экономии;

3) описать разные типы препозитивных определений к детерминативным сложным существительным, образованным по модели «S + S», и их семантическое взаимодействие;

4) подтвердить коммуникативную значимость словосочетаний, состоящих из детерминативных сложных существительных, образованных по модели «S + S», и разных типов препозитивных определений к ним.

В качестве анализируемых примеров были отобраны лексические единицы из словарей DUDEN

Universal Wörterbuch¹, Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache², Deutsches Wörterbuch³, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache⁴, Das freie Wörterbuch Wiktionary⁵, Die freie Enzyklopädie Wikipedia⁶, а также примеры из художественных и научных профессионально ориентированных тестов.

В работе использовались следующие методы исследования: анализ сложных слов по непосредственно составляющим (НС), трансформационный анализ словообразовательных конструкций, элементы сопоставительного анализа. Практическая значимость исследования заключается в анализе эмпирического материала. Это позволяет использовать его при разработке соответствующих разделов лекций по лексикологии и стилистике немецкого языка, а также при написании учебных пособий по этим дисциплинам.

Как было заявлено выше, рассматривается взаимодействие детерминативных сложных существительных, образованных по модели «S + S» (*далее ДСС*), и препозитивных определений (*далее ОДСС*), их структура, функции, значение и значимость для выразительных и смысловых аспектов текста, а также особенности перевода данных словосочетаний на русский язык. Анализ, нацеленный на понимание структуры словосочетания ОДСС + ДСС, семантических взаимоотношений его компонентов, трактовку / интерпретацию значения, может способствовать пониманию более широкого контекста и правильному переводу таких словосочетаний на русский язык при соблюдении идиоматичности (в широком смысле слова) русского языка. Представляется, что лингвист должен обладать умением провести подобный анализ, проявляя таким образом языковую грамотность.

В. В. Виноградов писал: «Члены предложения – это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе слов и форм словосочетания и отражающие отношения между структурными элементами предложения» [Виноградов, 1972, с. 88]. По традиционной классификации членов предложения определение является второстепенным членом, так как не употребляется самостоятельно, а только в сочетании с другими членами

¹Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002.

²Mater E. Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB, 1970.

³Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1986.

⁴Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.dwds.de/

⁵Das freie Wörterbuch Wiktionary. URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Deutsch>

⁶Die freie Enzyklopädie Wikipedia. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:Hauptseite>

предложения (подлежащим, дополнением, предикативом), выраженными именами существительными. По месту расположения относительно определяемого слова различаются препозитивные и постпозитивные определения.

Детерминативные сложные существительные, образованные по модели «S + S», и препозитивные определения к ним образуют своего рода *единство*, возникающее каждый раз, когда необходимо более точно, ярко и выразительно охарактеризовать предмет, лицо или явление либо указать на их принадлежность к группе предметов, другому лицу или лицам и т. п., в чем и проявляется функция препозитивных определений. Исходя из постулата о единстве ОДСС + ДСС, считаем целесообразным вначале остановиться на краткой характеристике детерминативных сложных существительных, образованных по модели «S + S» в немецком языке, характеризующихся неоднозначными отношениями между их непосредственно составляющими элементами, что влияет на раскрытие значения ДСС и на выявление значения всего словосочетания ОДСС + ДСС.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТЕРМИНАТИВНЫХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО МОДЕЛИ «S + S»

Особенностью ДСС в немецком языке является то, что определяемый компонент определяет грамматические функции (род, тип склонения и образования множественного числа) и категориальное значение всего сложного слова, т. е. обозначает гипероним в семантической иерархии. Первый компонент выполняет конкретизирующую функцию в широком смысле слова.

В немецких сложных ДСС находят свое выражение семантико-синтаксические отношения между их компонентами. Как и в определенных синтаксических конструкциях, сложным детерминативным существительным, образованным по модели «S + S», присуща подчинительная связь, при которой первый компонент определяет второй, ср.: *Berufswahl* и *Wahlberuf*. Например:

- (a) *die Berufswahl* = **die Wahl** eines Berufs: Mit der *Wahl eines Berufes* stellt man entscheidende Weichen für seine Zukunft. *Berufswahl* ist keine momentane Entscheidung.
- (б) **der Wahlberuf** = *der Beruf, den man gewählt hat*: Schließlich will man beim *Wahlberuf* auch auf eine lange Perspektive bauen können.

ДСС являются одним из способов языковой экономии, позволяющим лаконично выразить

содержание без использования пространственных синтаксических конструкций: *Berufsausbildung* вместо *Ausbildung für einen bestimmten Beruf*; *Beschlussfähigkeit* вместо *Fähigkeit, einen Beschluss zu fassen*; *Besichtigungszeit* вместо *Zeit, während der etwas besichtigt werden kann* и т. п. Суть ДСС состоит в конкретизации определенного концепта, например, *Stadt* > *Seestadt*, *Provinzstadt*, *Handelsstadt*, *Millionenstadt*, в то время как синтаксические конструкции прежде всего дают описание предметов или явлений: *Stadt an der Seeküste*; *Stadt in der Provinz*; *Stadt, in der viel Handel getrieben wird*; *Stadt, die mindestens eine Million Einwohner hat*. Сравним следующие примеры:

- (a) 1370 führte Dänemark einen Krieg gegen die hansischen *Seestädte* Rostock, Lübeck, Wismar und Stralsund.
- (б) In vielen *Städten an der Seeküste* sind die Möwen nur tagsüber eine Plage und verschwinden bei Einbruch der Dunkelheit.

В примере (а) ОДСС + ДСС *hansische Seestädte* означает прежде всего статус этих городов, а в примере (б) словосочетание *in vielen Städten an der Seeküste* описывает прежде всего месторасположение (многих подобных) городов.

Во многих случаях можно констатировать варианты интерпретации взаимоотношения между компонентами, что объясняется потенциальной амбивалентностью ДСС, например: *Obsteller* > *ein Teller mit Obst / ein Teller für Obst / ein Teller mit darauf abgebildetem Obst / kleiner Teller, von dem Obst gegessen wird* (DWDS); *Teller, der für Obst vorgesehen oder mit Obst belegt ist* (Wiktionary).

Схожесть значения сложного слова и соответствующего словосочетания дает возможность использовать разные способы выражения одного и того же содержания и избегать однообразия и монотонности в письменной и устной речи. Например:

Was ist *ein kulturelles Gut*? *Kulturgüter* sind Teil des kulturellen Erbes der Menschheit und verbunden mit vielfältigem gesammeltem Wissen, Erfahrungen, Praktiken, Lebensformen und kultureller und heimatlich-naturräumlicher Identität. Werden *Kulturgüter* zerstört, dann wird auch eine Quelle von Wissen und Identität beschädigt (Wikipedia).

Следует заметить, однако, что значения детерминативного сложного слова и соответствующей синтаксической конструкции не обязательно совпадают. Например, в предложении *Als er sich setzte, gab es ein vertuschendes Willilächeln, als hätte ich ihn beim schubweisen Älterwerden ertappt*

(Kronauer B. *Das Taschentuch*)¹. Слово *Willilächeln* означает здесь типичную манеру Вилли улыбаться, в то время как *Willis Lächeln* означало бы его улыбку в данный момент. В случае идиоматизированных сложных существительных замена их на синтаксическую конструкцию вообще исключена, так как это считалось бы абсурдным, например: *Großmutter ≠ die große Mutter*; *Kleinbauer ≠ der kleine Bauer*.

Путем объединения отдельных существительных в качестве компонентов ДСС в одно целое возникает новое смысловое содержание, отражающее:

- причинно-следственные отношения между явлениями действительности (*Wirtschaftsordnung = Art, in der die Wirtschaft eines Landes aufgebaut ist: eine kapitalistische, sozialistische Wirtschaftsordnung*) и т. п.;
- их оценку или отношение к ним, подчеркивание того или иного признака (*Charakter Schwäche = Mangel an Charakterfestigkeit*);
- принадлежность (*Staatsgebiet = durch Grenzen festgelegtes territoriales Gebiet eines Staates*) и т. д.

О разной степени мотивированности словообразовательных структур писали многие исследователи (Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (1995), Stepanova, Fleischer (1985); Fleischer, Barz (1995); Eichinger (2000), Kleine Enzyklopädie – Deutsche Sprache (2001)) и др. Разная степень мотивированности ДСС (прозрачная < *Bergbewohner ← Berg + Bewohner = j-d, der im Gebirge lebt* >, частично затемненная мотивированность < *Blumensprache ← Blume(n) + Sprache = Form der Mitteilung von Gedanken und Empfindungen durch Blumen und deren symbolische Bedeutung* >) позволяют с разной точностью определить значение всего сложного слова, а при полностью затемненной и идиоматичной мотивированности необходимо обращение к словарям. Например, значение слова *Meisterbrief* в предложении: «Den „Meisterbrief in der Tasche“ zu haben ist ein Gütesiegel und häufig die Grundvoraussetzung für eine erfolgreiche Karriere» – можно было бы по аналогии с *Leserbrief* (= *Brief eines Lesers* an die Redaktion einer Zeitung) ошибочно трактовать как *der Brief des Meisters* или *der Brief an den Meister*. В толковом словаре DWDS *Meisterbrief* описывается как *Urkunde über die abgelegte Meisterprüfung (qualifikationstest ammeister / свидетельствование о присвоении звания мастера)*. Ср. также: *der Adelsbrief = Urkunde über die Verleihung des Adels*; *der Briefadel = durch einen Adelsbrief verliehener Adel*.

¹Kronauer B. *Das Taschentuch*. München: Klett-Cotta Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994.

Для определения значения ДСС, характеризующихся прозрачной мотивацией и иногда частично затемненной мотивацией, используется анализ по непосредственно составляющим (НС), который помогает определить компоненты сложного слова и попытаться выявить значение всего слова, имея при этом в виду, что значение сложного слова далеко не всегда есть сумма значений его компонентов и часто определяется, исходя из контекста. Сравним, например, *Blumenfenster < Blume + n + Fenster >*:

- (a) Das große mit Kletterpflanzen dekoriertes *Blumenfenster* sieht sehr schön aus. (Здесь **Blumenfenster** = *mit Blumen geschmücktes Fenster* – окно, украшенное цветами.)
- (b) Wichtig für gesundes Gedeihen der Pflanzen in einem *Blumenfenster* ist die ausreichende Lüftung. (В данном контексте **Blumenfenster** = *speziell für die Kultur von Pflanzen konstruiertes Fenster* – окно, приспособленное для разведения цветов).

В дополнение к анализу по НС для интерпретации значения ДСС используется трансформационный анализ, суть которого заключается в раскрытии значения сложного слова при помощи синтаксических конструкций, например: *Abschiedsbrief = ein Brief zum Abschied*; *Geschäftsbrief = Brief eines Geschäfts / Unternehmens*; *Luftpostbrief = Brief, der mit dem Flugzeug befördert wird* и т. п. Трансформационные структуры описывают значение обозначаемого сложным существительным явления и используются в толковых / одноязычных словарях. Как правило, громоздкие синтаксические конструкции не употребляются в речи. Так, вряд ли скажут / напишут:

Man muss die Vorschriften über Funktion, Art und Form von Korrekturzeichen, die für den Korrektor verbindlich sind, befolgen.

Скорее предпочтут:

Man muss die Korrekturvorschriften befolgen.

Однако, как было сказано выше, во избежание однообразия и монотонности в письменной и устной речи в одном и том же тексте могут быть использованы как сложные слова, так и соответствующие их значению синтаксические конструкции, например:

In einer Gesellschaft ist die Mehrheit bereit, bestimmte Regeln zu akzeptieren, und über gemeinsame Werte und Normen miteinander verbunden ist. Wer das nicht akzeptiert, fällt durch seine *Verhaltensweise*

auf. *Die (Art) und Weise*, wie sich manche hyperaktive Jugendliche *verhalten*, weicht von der Norm ab und kann empören.

Описанные особенности ДСС могут способствовать раскрытию значения словосочетания подобных существительных с препозитивными атрибутивными определениями.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОЗИТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ К ДЕТЕРМИНАТИВНЫМ СЛОЖНЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ, ОБРАЗОВАННЫМ ПО МОДЕЛИ «S + S»

Рассмотрим препозитивные атрибутивные определения к ДСС, с точки зрения их формально-грамматических признаков, их функционального аспекта и содержания, а также в плане их взаимоотношений с компонентами ДСС. По формально-грамматическим признакам препозитивные атрибутивные определения к существительным различаются по сложности структуры: корневые (*gute und schlechte Berufserfahrungen*), производные (*erforderliche Berufserfahrungen*) и сложные прилагательные (*jahrelange Berufserfahrungen*), причастие I и II / (распространенный) причастный оборот (*fehlende Berufserfahrungen; in langen Jahren gesammelte Berufserfahrungen*), числительные (*die ersten Berufserfahrungen*), имена собственные в генитиве (*Pauls Berufserfahrungen*).

Согласно морфосинтаксическим особенностям немецкого языка препозитивные атрибутивные определения в подавляющем большинстве относятся ко второму, т. е. определяемому компоненту (ядру) детерминативного сложного существительного, образованного по модели «S + S», и значит к сложному существительному в целом. Примеры:

- (a) die Herangehensweise <das Herangehen + s + die Weise> = die (Art und) Weise / Methode, ein Problem anzugehen (зд. *angehen* – an dem Problem arbeiten, um eine Lösung zu finden, например: Linguistik untersucht in *verschiedenen* Herangehensweisen die menschliche Sprache.

Ср. также:

- eine *korrekte* / radikale Herangehensweise = eine *korrekte* / radikale (Art und) Weise, etwas anzugehen;
- б) unverwechselbarer, enthüllender Fingerabdruck = *unverwechselbarer, enthüllender Abdruck* eines

Fingers / der Finger; die ersten Lebensjahre = die ersten *Jahre* des Lebens; das aufgehobene Demonstrationsverbot = das aufgehobene *Verbot* von Demonstrationen; ein überflüssiger Beschwichtigungsversuch = ein überflüssiger *Versuch*, j-n zu beschwichtigen; eine hinreichend ausgebildete Fachkompetenz = eine hinreichend ausgebildete *Kompetenz* in einem Fachgebiet *u. m. n.*

В примерах (а) и (б) речь идет о взаимодействии ДСС, обладающих прозрачной мотивированностью, и препозитивных атрибутивных определений к ним. Однако прозрачная мотивированность сложных детерминативных существительных не означает автоматически, что в их сочетании с препозитивными атрибутивными определениями возможна только однозначная интерпретация их взаимодействия. Рассмотрим следующие примеры:

- а) Gab es womöglich unter ihnen solche, die, obwohl Hausbewohner, doch hier ausdrücklich in Straßenkleidung erschienen, mit Lackschuhen, Handschuhen und Täschen, sogar Hut, alles niedlich komplett, um einen für immer verlorenen Gaststatus noch einmal vorzutauschen, sich selbst und *irgendeinem unerfahrenen Augenpaar* (Kronauer B. *Das Taschentuch*).

В словосочетании *irgendein unerfahrenes Augenpaar* (*Auge + n + Paar*) сложное существительное *Augenpaar* следует интерпретировать как метонимическую замену для *Mensch, Person* (pars pro toto), а в словаре «DUDEN Deutsches Universal Wörterbuch» находим для него даже стилистическую помету *gehoben* (возвышенный стиль), поэтому *irgendein unerfahrenes Augenpaar* надо понимать, скорее, не как *unerfahrenes Paar*, а как *unerfahrene Augen* = *unerfahrener Mensch / Beobachter*. Таким образом, в данном случае препозитивное определение следует соотносить с первым компонентом сложного существительного. Можно предложить следующие варианты перевода: *чей-нибудь неопытный взгляд; взгляд неопытного человека / наблюдателя / свидетеля*.

- б) „Willi“, rief ich, rief ihn sogar an, weil er mich in seiner somnambulen Handlungsweise vergessen haben mochte (Kronauer B. *Das Taschentuch*).

Seine somnambule Handlungsweise можно трактовать как *seine somnambule Weise, zu handeln*, но и как *seine Weise, somnambule Handlungen auszuführen*. Предлагаемый перевод: *сомнамбулический образ действий*.

Трактовка взаимоотношений сложного существительного и препозитивного атрибутивного определения может зависеть от семантики последнего. Например:

- (b) Im Fernsehen läuft, wie immer, wenn es mir schlecht geht, *The Way We Were*. Ach, Barbra Streisand, diesen Luxus, dich wegen politischer Meinungsverschiedenheiten von Robert Redford zu trennen, würdest du dir heutzutage nicht mehr leisten können (*Dörrie D. Mitten ins Herz und andere Geschichten*)¹.

Politische Meinungsverschiedenheiten трактуем как *Verschiedenheiten in politischen Meinungen* – разногласия в политических взглядах, т. е. соотносим определение с первым компонентом сложного существительного. Рассмотрим другие примеры из DWDS и «Wiktionary»:

Wir hatten nur *kleine Meinungsverschiedenheiten*.

Nach nur sechs Monaten trennten sich die Partner bereits 1992 wieder wegen »unüberbrückbarer *Meinungsverschiedenheiten*«.

In den meisten Fällen herrscht ein Geist von Kooperation und gegenseitigem Verstehen, und es hat sich eine Art guter Beziehung entwickelt, die gewöhnlich *gravierende Meinungsverschiedenheiten* verhindert.

В данных случаях определения относятся однозначно ко второму компоненту сложного существительного: *kleine / unüberbrückbare / gravierende Verschiedenheiten der Meinungen*, так как *Verschiedenheiten der kleinen / unüberbrückbaren / gravierenden Meinungen* противоречило бы закону семантической сочетаемости в немецком языке.

- (r) Vielleicht wird man eines Tages so sterben, mit einer schönen Erinnerungstäuschung vor den Augen... (*Kronauer B. Das Taschentuch*).

Словосочетание *eine schöne Erinnerungstäuschung* можно интерпретировать как 1) *eine Täuschung, die durch schöne Erinnerungen entsteht* (у персонажа есть о чем приятно вспомнить). Позволим себе здесь небольшое «лирическое» отступление. Ученые выяснили, что приятные моменты люди помнят более детально и даже в неприятных ситуациях пытаются найти что-то положительное. Это подтверждает психологический феномен

¹Dörrie D. *Mitten ins Herz und andere Geschichten*. Zürich: Diogenes, 2007.

«стирания плохих воспоминаний», когда человек смотрит в свое прошлое сквозь розовые очки. Словосочетание *eine schöne Erinnerungstäuschung* можно трактовать и как *eine schöne Täuschung, die durch Erinnerungen entsteht* – вспомним А. С. Пушкина: *Ах, обмануть меня нетрудно! <...> Я сам обманываться рад!* (А. С. Пушкин. *Признание*) – поэтому, на наш взгляд, здесь возможны варианты перевода: заблуждение, порожденное прекрасными воспоминаниями / прекрасное заблуждение, порожденное воспоминаниями / иллюзия, вызванная прекрасными / чудесными воспоминаниями. Таким образом, в данном случае определение следует соотнести с первым компонентом сложного существительного.

Существует ли жесткое правило сочетаемости препозитивных определений и компонентов детерминативных сложных существительных? Если да, то тогда использование препозитивного определения к первому компоненту детерминативного сложного существительного следовало бы считать нарушением или исключением из правила, так как в подавляющем большинстве словосочетаний «ОДСС + ДСС» определение относится ко второму компоненту детерминативного сложного существительного, что соответствует семантико-синтаксическому принципу сочетаемости в немецком языке.

Опираясь на опыт, мы можем свидетельствовать, что случаи, когда препозитивное определение соотносится с первым компонентом ДСС, далеко не единичны и имеют место быть в разных типах текстов: художественных, публицистических, научных и др.

Подтверждение этому можно найти в работах таких исследователей, как В. Штернфельд и К. Майенборн [Sternefeld, 2003; Maienborn, 2020]. Авторы определяют это явление как парадоксальное сочетание препозитивного определения и ДСС (*Klammerparadox / Klammerparadoxie*) и указывают на то, что, по мнению некоторых лингвистов, подобные случаи должны рассматриваться как нарушение логико-семантической связи между элементами целого, классифицироваться как языковые ляпы / стилистические «перлы» (*sprachliche Missgeschicke in Form von Stilblüten*) и являться объектом критики. В то же время Дуден констатирует: «Bestimmte Fügungen dieser Art haben sich jedoch durchgesetzt und sind sprachüblich geworden» (*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*).

В разных статьях находим интересные (и даже забавные) примеры:

vierstöckiger Hausbesitzer, die gekochte Schinkenplatte, der vierköpfige Familienvater, die landwirtschaftliche Maschinenfabrik, erneuerbare Energiequelle,

alkoholfreie Getränkeindustrie, baumwollener Strumpfhändler u др.

Можно предположить, что в таких случаях, ставших уже многочисленными, проявляется стремление к языковой экономии (при помощи малых языковых средств выразить объемное содержание) или стилистические цели (например, выражение иронии и т. п.). Речь идет, однако, о том, насколько подобные словосочетания приемлемы и понятны, чему, кстати, может способствовать более широкий контекст, в котором употреблено подобное словосочетание. Структурно-семантические отношения между ОДСС и ДСС нельзя трактовать однозначно. Представляется, что подобные словосочетания можно распределить по нескольким группам:

а) ОДСС, относящиеся однозначно ко 2-му компоненту ДСС:

Von weitem hatte es gewirkt, als ragte ein aufsehenerregendes Gezweig, bleich und filigran, aus ihren Körpern, die von Hunden festlich umringt wurden, wobei den Hirschen *anmutig gegeneinander geneigte Wasserbögen* aus den Mäulern schossen (*Kronauer B. Das Taschentuch*).

Anmutig gegeneinander geneigte Wasserbögen (водяные арки) = anmutig gegeneinander geneigte Bögen aus Wasser (im Springbrunnen), *m. e.* водяные арки, изящно наклоненные друг к другу.

Или:

Woher willst du das wissen, die langweilen sich womöglich zu Tode, besprechen schwierige Erbschaftsangelegenheiten... (*Kronauer B. Das Taschentuch*).

Schwierige Erbschaftsangelegenheiten = schwierige Angelegenheiten in Sachen Erbschaft, *m. e.* сложные вопросы наследования.

Ср. также:

zielgerichtete Alltagshandlungen = zielgerichtete Handlungen, die man täglich durchführt;

geringe Kopfbewegungen = geringe Bewegungen mit dem Kopf;

gute Sprachkenntnisse = gute Kenntnisse in einer Fremdsprache, *но перемещается в разряд (в)* gute russische Sprachkenntnisse = gute Kenntnisse in russischer Sprache;

б) ОДСС как к первому, так и ко второму компоненту ДСС:

...und erzählte mir, Willis begütigenden Einwand *mit flattrigen Handbewegungen* wegfächelnd, sie habe es nicht leicht mit der Schwiegermutter... (*Kronauer B. Das Taschentuch*).

Flattrige Handbewegungen означает «Bewegungen mit flattrigen Händen или flattrige Bewegungen der Hände» – (сопровождая свой рассказ) порхающими движениями рук или порхающими руками. Например:

...hier, fest verwurzelt in einen fragwürdigen Delikatessen-, Spirituosen- und Süßigkeitengeschäft? (*Kronauer B. Das Taschentuch*).

Что именно является сомнительным:

Delikatessen-, Spirituosen- und Süßigkeiten *или* das Geschäft, das Delikatessen, Spirituosen und Süßigkeiten von fragwürdiger Qualität verkauft?

И то, и другое плохо:

ein fragwürdiges Delikatessen-, Spirituosen- und Süßigkeitengeschäft, *m. e.* не внушающий доверия магазин, торгующий деликатесами, алкоголем и сладостями или магазин, торгующий деликатесами, алкоголем и сладостями сомнительного качества.

Сравним также:

gegenwärtiger Forschungsstand = gegenwärtiger Stand der Forschung / Stand der gegenwärtigen Forschung;

absturzgefährdete Felspartien: absturzgefährdete Partien von Felsen / Partien absturzgefährdeter Felsen.

в) ОДСС однозначно к первому компоненту ДСС:

Ein Fremdsprachenlehrer muss unter anderem über ein psychologisch begründbares Handlungsrepertoire.

Сочетание *ein psychologisch begründbares Handlungsrepertoire* означает «ein Repertoire von psychologisch begründbaren Handlungen». Или:

Eine politische Gesprächskultur entsteht auch im Fernsehen, aber nicht nur dort.

Словосочетание *eine politische Gesprächskultur* следует понимать как *Kultur, Gespräche über politische Themen zu führen*. Сравним также:

eine offene, ehrliche Gesprächskultur in der Familie = Kultur, offene, ehrliche Gespräche zu führen; ein

morsches Ziegeldach = ein Dach aus morschen Ziegeln, *т. е.* гнилая черепичная крыша.

Существуют словосочетания ОДСС + ДСС, в которых препозитивное определение относится не к какому-либо из компонентов сложного слова, а к ДСС как единому целому:

ein alteingesessenes, bodenständiges, holzverarbeitendes, künstlerisches, Handwerk – старинное, практичное, деревообрабатывающее, художественное ремесло

der deutsche Bauernkrieg – Крестьянская война в Германии

zarte Maiglöckchen – нежные ландыши

ein schneller Sportwagen – быстрый спортивный автомобиль

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ словосочетаний, состоящих из детерминативных сложных существительных, образованных по модели S + S, и препозитивных определений к ним показал, что существует несколько видов семантико-синтаксических отношений между препозитивным определением и компонентами детерминативного сложного существительного. Анализ подтвердил также важность правильного декодирования отношений между элементами подобных синтаксических конструкций для понимания смысла высказываний. Можно также сделать вывод о том, что словосочетания ОДСС + ДСС, типичные для современного немецкого языка, являются проявлением закона языковой экономии, а перевод таких словосочетаний на русский язык может представлять собой целые предложения или объемные словосочетания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
2. Sternefeld W. Klammerparadoxien: Gibt es sie wirklich? Vortrag, Universität. Leipzig. 2003.
3. Maienborn C. Wider die Klammerparadoxie: Kombinatorische Illusionen beim Adjektivbezug auf NN-Komposita // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 2020. № 39 (2). S. 149-200. doi.org/10.1515/zfs-2020-2009.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1972). Russkii yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language: (Grammatical doctrine of the word). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
2. Sternefeld, W. (2003). Klammerparadoxien: Gibt es sie wirklich? Vortrag, Universität Leipzig. 2003.
3. Maienborn, C. (2020). Wider die Klammerparadoxie: Kombinatorische Illusionen beim Adjektivbezug auf NN-Komposita. Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 39(2), 149–200. doi.org/10.1515/zfs-2020-2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волина Светлана Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка

факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volina Svetlana Alexandrovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German

Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2024
29.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Смысловая структура лексических единиц со словообразовательной основой *-bürger-* в ранненововерхненемецком языке

Г. Б. Воронина¹, А. В. Кочеткова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹galinavoronina@yahoo.com

²nsurovykh@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье раскрываются значения и смыслы слов со словообразовательной основой *-bürger-* в ранненововерхненемецком языке, прослеживается трансформация их семантики на основе лексикографических источников и корпусных данных. Необходимость изучения семантических трансформаций производных единиц в историческом ключе, анализ лингвистических и экстралингвистических причин, обуславливающих такие изменения, объясняет актуальность статьи.

Ключевые слова: историческая семантика, историко-семантический метод, словообразовательная основа *-bürger-*, ранненововерхненемецкий язык, семантические трансформации

Для цитирования: Воронина Г. Б., Кочеткова А. В. Смысловая структура лексических единиц со словообразовательной основой *-bürger-* в ранненововерхненемецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 891. С. 33–39.

Original article

Semantic Structure of the Lexical Units with the Derivational Basis *-bürger-* in the Early New High German Language

Galina B. Voronina¹, Anastasia V. Kochetkova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹galinavoronina@yahoo.com

²nsurovykh@mail.ru

Abstract. The article reveals the semantic structure of the lexical units with the derivational basis *-bürger-* in the Early New High German language and traces the transformation of their semantics based on lexicographic sources and corpus data. The relevance of the article is determined by the need to study semantic transformations of derived units from the historical perspective and by the analysis of linguistic and extralinguistic reasons thereof.

Keywords: historical semantics, historical-semantic method, word-formation basis *-bürger-*, Early Modern High German, semantic transformations

For citation: Voronina, G. B., Kochetkova, A. V. (2024). Semantic structure of the lexical units with the derivational basis *-bürger-* in the Early Modern High German language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 33–39. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одной из задач исторической семантики является выявление смыслов слова или группы слов на разных этапах развития языка. Историко-семантический метод позволяет проследить изменения в смысловой структуре лексических единиц и их производных в определенный исторический период, выявить причины семантических трансформаций, в том числе через изменения в обществе, социуме и культуре. Истории понятий посвящен ряд работ немецких исследователей, прежде всего Катрин Кольмайер и Райнхарта Козеллека [Kollmeier, 2012; Koselleck, 2006].

Цель настоящей статьи – установить значения и смыслы слов со словообразовательной основой *-bürger-* в ранненововерхненемецком языке с XIV–XVI вв. и проследить трансформацию их семантики на основе лексикографических источников и корпусных данных.

Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения семантических трансформаций производных единиц в историческом ключе, анализа лингвистических и экстралингвистических причин, обуславливающих такие изменения.

Исследуемый корпус был составлен на основе лексем, зафиксированных в романе «Gutenberg. Der Mann, der die Welt veränderte» К.-Р. Мая¹, а также контекстов с этими единицами в словарях «Altdeutsches Wörterbuch», «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache», «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch», «Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm», Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). Современные лингвистические исследования невозможны без корпусных данных, что отмечается в ряде работ, в том числе по изучению семантики [Голубкова, 2019; Bubenhofer, 2009] и изменению значений слов в современном немецком языке [Воронина, 2023]. По этой причине настоящее исследование опирается также на корпус DWDS. Другие лексем со словообразовательной основой *-bürger-*, представленные в указанных словарях и в корпусе, а также синонимические отношения между ними в статье по причине ее ограниченного объема не рассматриваются.

Под производным словом понимается «любая вторичная, т. е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего» [Кубрякова, 1981, с. 5]. Исходя из этого определения Е. С. Кубряковой, производными в статье считаются как сложные слова, так и слова, образованные с помощью

¹Mai K.-R. Gutenberg. Der Mann, der die Welt veränderte. Propyläen Verlag, 2016.

аффиксов, а также любым другим путем, например, сращения, конверсии и т. д.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *BÜRGER* В ИССЛЕДУЕМОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

В указанном произведении К.-Р. Мая лексическая единица *Bürger* зафиксирована 16 раз, частотность производных от нее представлена ниже (в скобках указано количество контекстов):

– сложные существительные с первым компонентом *Bürger* (*Bürgerrecht* (2), *Bürgerstadt* (1), *Bürgerstube* (1), *Bürgertum* (6), *Bürgerschaft* (1) – две последние единицы с точки зрения исторического словообразования являлись композитами;

– прилагательное *bürgerlich* (3) и глагол *sich verbürgerlichen* (1).

Таким образом, в произведении К.-Р. Мая преобладают лексема *Bürger* и сложные слова с этим компонентом (всего 27 контекстов), в отличие от производных прилагательного и глагола.

Далее смысловое содержание этих единиц будет проанализировано на основе указанных во введении исторических и этимологических словарей, корпуса DWDS, а также романа К.-Р. Мая.

Необходимо отметить, что в некоторых этимологических словарях ошибочно указывается на производность слова *Bürger* от *Burg* по причине того, что *Burg* – это слово, состоящее только из корневой морфемы, суффикс *-er* был уже в древненововерхненемецком очень продуктивным для обозначения человека в широком смысле слова. Этимология слова объясняется в Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm², где указывается форма *purgari* в древненововерхненемецком и *burgære* в средневерхненемецком, что свидетельствует о *bürger* не как о производном от *burg* слове.

В словаре Altdeutsches Wörterbuch³ значение лексемы *Burg* определяется как «befestigter Platz; Schloß; Burg; Kastell; Stadt» и как «befestigter Ort oder Wohnsitz» в Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache⁴. В словаре Клуге также зафиксировано значение *Stadt* и указывается, что «Bürger knüpft an die ursprüngliche Bedeutung von Burg als Stadt an». Неслучайно в эпоху расцвета немецких городов старое имя *burg* сохранялось в их названии *Augsburg*, *Magdeburg*, *Regensburg*, *Straßburg* и др. В словаре DWDS⁵ отмечается, что

²URL: <https://www.dwds.de/d/wb-1dwb>

³Schade O. Altdeutsches Wörterbuch. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1882.

⁴Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Neunte durchgesehene Auflage. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1921.

⁵URL: www.dwds.de

исторически *bürger* было сложным словом со значением *Burgverteidiger*, из которого позднее развиваются значения «Bewohner einer Burg, einer Stadt, eines Staates». В словаре братьев Гримм в качестве первоначального значения слова называется житель крепости (замка) в отличие от сельского жителя, позднее – это житель городов, противопоставленный благородным (аристократии / знати) и рыцарям, а также крестьянам или проживающим в сельской местности («burgbewohner, im gegensatz zum land», «dann einwohner der städte, ohne bezug auf die burg, im gegensatz sowol zu den edeln und rittern als den bauern oder landleuten»). Два значения *bürger* приводятся в *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch*¹: 1. Bewohner einer Burg; 2. Bewohner einer Stadt, Stadtbürger.

Таким образом, первоначально слово *Bürger* имело только значение *Burgbewohner*, трансформировавшееся в связи с развитием немецких городов в *Einwohner der Städte*, противопоставленное слову *Bauern* по семе «привязанность к защищенному месту проживания». Эту мысль наиболее емко (*die Mauer scheidet*) передает пословица из словаря братьев Гримм *Bürger und Bauer scheidet nichts als die Mauer* и пословица из *Frühneuhochdeutsches Wörterbuch: Burger heysen wir Deutschen / so inn gemawerten Stedten wonen* (Gilman, Agricola. Sprichw. 1, 190, 27 Hagenau 1534)². В последнем примере вербально выражено защищенное место проживания бюргеров – в окруженных стеной городах.

На основе дефиниционного и контекстного анализа были выделены семы в первоначальном значении *Bürger als Burgbewohner*: лицо; пол; род занятий; привязанность к защищенному месту проживания. В значении *Bürger als Stadtbewohner* (городской житель) эти семы сохраняются, но происходит расширение значения слова. Среди *Einwohner der Städte* были не только *Bürger* (бюргеры). По семе «социальный статус» *Bürger als freies, vollberechtigtes Mitglied einer Stadtgemeinde* противопоставлен, с одной стороны, *Adel* и *Ritter*, с другой, – *Bauern*. Анализ контекстов, в которых *Bürger* стоит в позиции противопоставления другим условиям (*Ritterschaft, Adel, Keiser oder König, Fürsten oder Herren, Bürger oder Pawr*) (*Frühneuhochdeutsches Wörterbuch: Lohmeyer, K. v. Nostitz 131, 2 (preuß., 1578)*; *копнус DWDS: Walther, Melchior: Ein Einfaltiger Vnd Christlicher Sermon oder Leichpredigt. Wittenberg, 1562*), является доказательством наличия семы «социальный статус» в значении слова *Bürger*.

Словосочетания (*Straßburger*) *Bürger sein, Bürger der Stadt werden, die Freiheit der Bürger* как минимальные контексты в книге о Гутенберге

подтверждают в значении лексемы *Bürger* наличие семы «социальный статус», установленное по словарям. Не менее убедительным доказательством наличия этой семы является лексическая единица *Bürgerrecht = Status als Bürger* в словосочетаниях *das Bürgerrecht erhalten, aufgeben*:

Er wurde also den Zünften zugeordnet, gehörte ihnen jedoch nicht an, weil er *kein Straßburger Bürger* war. Johannes Gutenberg hatte niemals versucht, *Bürger der Stadt* zu werden, in der er lebte, hatte niemals *das Mainzer Bürgerrecht* aufgegeben (*Mai K.-R. Gutenberg: Der Mann, der die Welt veränderte*).

В юридическом документе *Bürgerrecht* (гражданство / гражданские права) в немецких городах Средневековья закреплялись права и обязанности бюргеров (*Bürger*). Города Священной Римской империи германской нации имели свои порядки. Канцлер (первый министр) был обычно духовным лицом. Как правило, это был епископ Майнца, о чем говорится также в книге о Гутенберге. Право быть бюргером (*Bürger*) получали претенденты, как правило, на следующих основаниях (которые, правда, могли меняться в зависимости от города): законнорожденные, свободные (в отличие от крепостных), не иностранные подданные и экономически независимые, т. е. имеющие свое дело (*wer eyn werk halden wil*) (*Frühneuhochdeutsches Wörterbuch: Toeppen, Ständetage Preußen 1, 289, 22 (preuß., 1417)*). Кроме того, они обязаны были давать присягу (согласно энциклопедии *Mittelalter-Lexikon*³) и платить своего рода налог / взнос, называемый *Bürgergeld*:

der furbas *burger* werden wil, der sol der stat geben 5 lib. haller (*Frühneuhochdeutsches Wörterbuch: Müller, Nördl. Stadtr. 53, 29 (schwäb., um 1380/5)*).

В современном немецком языке слово *Bürgergeld* имеет совершенно другое значение (социальное пособие), что свидетельствует о семантической трансформации производных от *-bürger-* единиц в последующие исторические периоды.

Таким образом, смысловую структуру единицы *Bürger* в XIV–XV веках определяли следующие семы: лицо, пол, привязанность к защищенному месту проживания, социальный статус; последняя включает также уточняющие ее семы «законнорожденность», «социальная свобода», «экономическая независимость», «подданство», «присяга», «взнос».

Как отмечается в словаре братьев Гримм, с XVI века закрепляется еще одно значение слова

¹URL: fwb-online.de.

²Здесь и далее приводится ссылка на пример(ы) по соответствующему словарю.

³URL: <https://www.mittelalter-lexikon.de/w/index.php?title=B%C3%BCrgerrecht&oldid=5444>

Bürger – все правомочные подданные страны, рейха или государства («alle berechtigten unterthanen oder genossen des landes, reiches, staates»). Перечисленные выше семы не являются определяющими это значение. Ведущей семой здесь является привязанность лица к определенному государству (подданный определенного государства).

Необходимо отметить, что слово *Bürger* обозначало также жителей немецких городов и граждан других стран / государств, что подтверждается данными корпуса за 1530 год («ein samothracischer Bürger»), контекстами из «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch»: «zwen Bürger von Venedig» (*Alberus, Barf. 24, 5 (Wittenb., 1542)*) – и из книги К.-Р. Мая: «Bürger der südfranzösischen Stadt Cahors» (*Mai K.-R. Der Mann, der die Welt veränderte*). В этом случае единицы *Stadtbewohner* и *Staatsbürger* противопоставлены по семам «привязанность лица к городскому месту проживания» / «привязанность лица к определенному государству» соответственно.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ С ОСНОВОЙ *-bürger-* В ИССЛЕДУЕМОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

Все исследуемые сложные слова являются детерминированными композитными единицами. В лексеме *Bürgerschaft* компонент *schaft* исторически был многозначен, имел, в том числе, значения *Beschaffenheit, Ordnung, Plan, Rang*. Значения *Ordnung* (System geregelter Beziehungen) и *Rang* (bestimmte Stellung innerhalb einer Ordnung) определяют значение *Bürgerschaft* как «gesamtheit der bürger», зафиксированное, по данным словаря братьев Гримм, с XIII века:

- (a) die *bürgerschaft* widersetzt sich den eingriffen des adels; jedem abgeordneten aus dem ritterstand sollen zwei aus der *bürgerschaft* beigeordnet werden

и подтверждаемое примером из книги К.-Р. Мая:

- б) Angesichts des zwiespältigen Haltung von Rat und *Bürgerschaft* (*Mai K.-R. Der Mann, der die Welt veränderte*).

Отметим также, что компонент *Bürger* в композите *Bürgerschaft* имеет значение *Stadtbewohner* с определенным социальным статусом, представленном в предыдущем разделе, и что подтверждается также примерами (а) *bürgerschaft* стоит в позиции противопоставления *adel* и *ritterstand* и (б) слово *Bürgerschaft* противопоставлено *Rat*.

Синонимом слова *Bürgerschaft* только в значении «Gesamtheit der Bürger einer Stadt, Gemeinde» является слово *Bürgertum*, появившееся значительно позднее *Bürgerschaft*. По данным словаря Гриммов, первое упоминание слова *Bürgertum* относится к 1516 году, а в ситуациях из книги Мая речь идет как о XV, так и XVI веке.

Первоначальное значение второго словообразовательного компонента *tum* (*Besitz, Macht*) определяет значение композита *Bürgertum* как *Macht der Bürger*, что находит свое подтверждение в таких словосочетаниях, как *Erstarken und Anwachsen des Bürgertums auf politischer und wirtschaftlicher Ebene; ein selbstbewusstes Bürgertum; das gebildete Bürgertum*.

Компонентный анализ значений в этих минимальных контекстах позволяет выделить сопряженные с семой «социальный статус» дополнительные смыслы в лексической единице *Bürgertum* – «образованность» и «самосознание», объясняемые происходящими общественными и социальными изменениями, что вербально выражено в словосочетании *Erstarken und Anwachsen des Bürgertums auf politischer und wirtschaftlicher Ebene*.

Дальнейшая трансформация смыслов и расширение значения этой единицы происходит, однако в XVIII – начале XIX века, что будет представлено в дальнейших публикациях, равно как синонимические отношения между лексемами *Bürgerrecht* и *Bürgerschaft, Bürgerschaft* и *Bürgertum*.

Композит *Bürgerstadt* зафиксирован в книге о Гутенберге и не представлен в словаре братьев Гримм и в «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch»:

<...> denn Straßburg stellte für ihn einen lukrativen Markt dar, wie alle prosperierenden Reichsstädte, wie alle *Bürgerstädte* (*Mai K.-R. Gutenberg: Der Mann, der die Welt veränderte*).

Анализ этого лингвистического контекста, в котором *Bürgerstädte* сопоставляются с *Reichsstädte* (имперский город в Священной Римской империи германской нации, подчиненный непосредственно императору), подтверждает основное содержание композита *Bürgerstadt* – это город-государство (*Stadtstaat*). В современной географической энциклопедии «Lexikon der Geographie»¹ приводится такая дефиниция понятия: «Kulturhistorischer Stadttyp des mittelalterlichen Territorialstaates, der politisch-herrschaftliche Funktion und Marktfunktion in sich vereinte».

Последнее, рассматриваемое в данной статье сложное слово с основой *-bürger-*, – *Bürgerstube*.

¹URL: <https://www.spektrum.de/alias/lexikon/lexikon-der-geographie/587359>

В словаре братьев Гримм приводится такое толкование слова – *versammlungshaus der patrizier* – со ссылкой на: SCHMID schw. id. 108, аналогичное отмечено в «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch»: *Versammlungshaus ratsfähiger Bürger, der Patrizier (deutscher Reichsstädte)*, т. е. дом собраний высших городских слоев, что в примере из книги К.-Р. Мая подчеркивает прилагательное *reich*:

Die Idee <...> von Schöffner, dem strebsamen Schreiber, dem Bauersohn, dem das Glück der Adoption den Weg von ganz unten bis in *die reichen Mainzer Bürgerstuben* öffnete (*Mai K.-R. Gutenberg: Der Mann, der die Welt veränderte*).

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ *BÜRGERLICH* В ИССЛЕДУЕМОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

Расхождения в частотности употребления лексем *Bürger* и *bürgerlich* в историко-биографическом произведении К.-Р. Мая отчасти объясняются исторической эпохой, в которой разворачиваются события в этой книге. Автор, опираясь на объективные исторические документы, повествует о жизни и изобретении Гутенберга в XV веке – эпохе позднего Средневековья / начале Нового времени. Читатель узнает о роли городов и их жителей, что объясняет частотность лексемы *Bürger*. Необходимо также помнить, что прилагательное *bürgerlich*, по данным словарей, появилось почти пять столетий после слова *Bürger* – только в XIV веке как калька латинского *civilis*.

В «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch» приведены два значения прилагательного (*dem Bürgerstand angehörend, entsprechend; den Bürger betreffend*) с несколькими примерами, в которых для настоящего исследования важны словосочетания: *der gemeinen burgerlichen freyheit* (*Maaler 55r, Zürich 1561*); *burgerliche pflicht* (*Bischoff u. a., Steir. u. kärnt. Taid. 385, 36 (m/soobd., 1598)*).

В двух контекстах в книге о Гутенберге автор использует *bürgerlich* в соответствии со значениями в «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch» – «бюргерский / относящийся к бюргерству»:

...einen beträchtlichen Kreis potenzieller *bürgerlicher Käufer* (*Mai K.-R. Der Mann, der die Welt veränderte*).

Viele Töchter des Patriziats und *gehobener bürgerlicher Kreise* traten in die Stadtklöster ein (*Mai K.-R. Gutenberg: Der Mann, der die Welt veränderte*).

Вышеперечисленные словосочетания подтверждают особый социальный статус бюргеров: у них свой бюргерский круг (*bürgerliche Kreise*), свои

покупатели среди бюргеров (*bürgerliche Käufer*), бюргерская свобода (*bürgerliche Freiheit*) и бюргерская обязанность / долг бюргера (*bürgerliche Pflicht*).

Один пример из книги К.-Р. Мая не зафиксирован в вышеперечисленных словарях и свидетельствует о смыслах слова *Bürger*, обусловленных культурно-историческими причинами (своеобразный образ жизни, типичный жизненный уклад бюргеров, проявляющиеся в интерьере дома, в одежде и т. п.). К.-Р. Мая, описывая внешний вид Гутенберга, упоминает бюргерский головной убор:

...in dem Mann (Gutenberg) mit dem langen Bart und *der bürgerlichen Mütze* mit Pelzbesatz ihr Urbild (*Mai K.-R. Gutenberg: Der Mann, der die Welt veränderte*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лишь восьми единиц со словообразовательной основой *-bürger-* в значительном количестве контекстов в ранненововерхненемецком языке позволил выявить ее продуктивность, а также многослойность смыслов и семантические изменения как в структуре *Bürger*, так и производных слов. К первоначальному значению *Burgbewohner* в древневерхненемецком добавляется значение *Stadtbewohner*, при этом не только немецких городов, а любых других. Расширение значения слова объясняется экстралингвистическим фактором – развитием немецких городов. В позднем Средневековье (XIV–XV веках) происходит значительное изменение смысловой структуры слова. *Bürger* являлась единицей с национально-культурным компонентом. *Bürger* были не просто городские жители / горожане / граждане немецких городов, а:

- законнорожденные *свободные* граждане, т. е. противопоставленные *не свободным* (крепостным);
- экономически *свободные* (имевшие свой собственный капитал);
- неиностранные подданные;
- обязанные давать присягу;
- платить *Bürgergeld* (налог / взнос).

Такие уточнения могут быть предложены для словарной дефиниции этой лексической единицы в исторических и толковых словарях, а также в комментариях к художественным произведениям о позднем Средневековье. Когда речь идет о *Bürger* ненемецких городов, то предлагается использовать толкование «городской житель / горожанин / гражданин города». С XVI века за словом закрепляется еще одно значение – *Staatsbürger* (гражданин какого-либо государства / страны),

противопоставляемое *Stadtbürger* (горожанин / городской житель), что окончательно закрепляется в последующие века.

В современной книге К.-Р. Мая исследуемые единицы имеют значения, представленные в «Frühneuhochdeutsches Wörterbuch», кроме глагола *sich verbürgerlichen*, зафиксированного в

словарях позднее исследуемого периода, что свидетельствует о словообразовательном потенциале основы *-bürger-*.

Словообразовательная продуктивность *-bürger-* показана на рисунке 1. Пересекающиеся поля отражают объединяющий их словообразовательный компонент *-bürger-*.

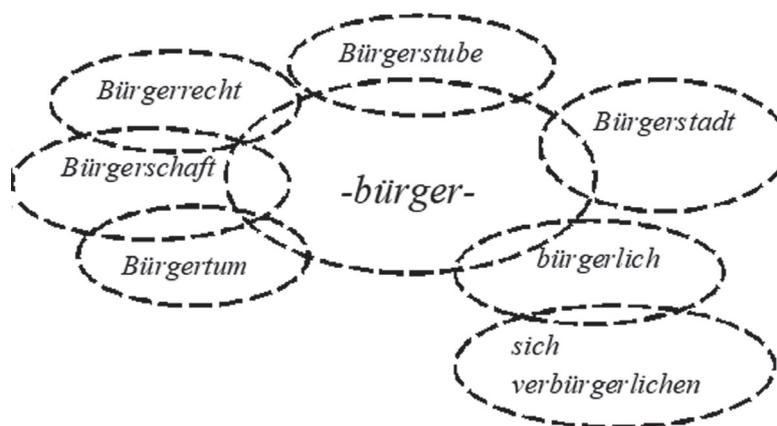

Рис. 1. Словообразовательная продуктивность основы *-bürger-*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kollmeier K. Begriffsgeschichte und Historische Semantik, Version: 2.0 // Docupedia-Zeitgeschichte. 2012. URL: http://docupedia.de/zg/kollmeier_begriffsgeschichte_v2_de_2012 (дата обращения: 19.03.2024).
2. Kosellick G. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache // Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 2006. URL: <https://www.suhrkamp.de/buch/reinhart-koselleck-begriffsgeschichten-t-9783518295267> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2019. С. 39–81.
4. Bubenhofer N. Sprachgebrauchsmuster. Korpuslinguistik als Methode der Diskurs- und Kulturanalyse. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2009.
5. Воронина Г. Б. Об изменениях в лексической системе немецкого языка (возможности данных корпусов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 16–23.
6. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

REFERENCES

1. Kollmeier, K. (2012). Begriffsgeschichte und Historische Semantik. Version: 2.0. Retrieved from: http://docupedia.de/zg/kollmeier_begriffsgeschichte_v2_de_2012
2. Kosellick, G. (2006). Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Retrieved from: <https://www.suhrkamp.de/buch/reinhart-koselleck-begriffsgeschichten-t-9783518295267>.
3. Golubkova, E. E. (2015). Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem = The use of linguistic corpora in semantic research. The methods of cognitive analysis of word semantics: Computer and corpus approach. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. P. 39–80. (In Russ.)

4. Bubenhofer, N. (2009). Sprachgebrauchsmuster. Korpuslinguistik als Methode der Diskurs- und Kulturanalyse. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
5. Voronina, G. B. (2023). On the changes of the Lexical System of the German Language (Corpus Data Capabilities). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 16–23. (In Russ.)
6. Kubryakova, E. S. (1981). Типы языковых значений. Семантика производного-слова = Types of linguistic meanings: Semantics of a derived word. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Галина Борисовна

кандидат филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Кочеткова Анастасия Вячеславовна

преподаватель кафедры фонетики немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Voronina Galina Borisovna

PhD (Philology), Professor
Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Kochetkova Anastasia Vyacheslavovna

Lecturer at the Department of German Phonetics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Особенности понятия «легенда» во франкоязычных географических картах XVI века (на материале карт Андре Теве)

С. Ю. Глазко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
glazckos@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности понятия «легенда» (*legenda*) франкоязычных географических карт XVI века на примере документов Андре Теве. Анализируются текстовые и символические элементы карт, выявляется специфика их лингвистического и культурного содержания. Автор использует метод наблюдения и контекстуального анализа, чтобы показать, как через легенду карт вербализованы географические и социокультурные представления эпохи. Основные выводы подчеркивают роль карт Теве как источников лингвокультурологических данных, раскрывающих менталитет и восприятие окружающего мира французами XVI века.

Ключевые слова: картина мира XVI века, французские географические карты, *legenda*, топоним, диахрония

Для цитирования: Глазко С. Ю. Особенности понятия «легенда» во франкоязычных географических картах XVI века (на материале карт Андре Теве) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 40–46.

Original article

Features of Notion "Legenda" in French Geographical Maps of the 16th Century (based on the Maps of André Thevet)

Semen Iu. Glazko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
glazckos@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of the notion "legenda" of French-language geographical maps of the 16th century using the example of André Thevet's maps. The textual and symbolic elements of the maps are analyzed, and the specifics of their linguistic and cultural content are revealed. The author uses the method of observation and contextual analysis to show how the geographical and sociocultural ideas of the era are manifested through the *legenda* of maps. The main conclusions underline the role of Thevet's maps as sources of linguocultural data that reveal the mentality and perception of the world in France in the 16th century.

Keywords: the picture of the world of the XVI century, French geographical maps, *legenda*, toponym, diachrony

For citation: Glazko, S. Iu. (2024). Features of notion "Legenda" in French geographical maps of the 16th century (based on the maps of André Thevet). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 40–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье изучаются особенности *legenda* во франкоязычных географических картах XVI века. Со времен зарождения картографии, получившей вначале статус «искусства», а затем уже науки, карты играли не только роль документа, отражающего географическое расположение объектов, но и становились важным источником формирования оценочных представлений об окружающей действительности у различных культур и цивилизаций. Любой аутентичный документ, в частности, документ отдаленной исторической эпохи на мертвом языке, является своего рода отражением времени, зачастую более точным, чем художественные произведения, поскольку в них «авторы... более непосредственно выражали свои мысли. В такого рода источниках эпоха могла, скорее, проговориться о себе и о свойственном ей восприятию времени и пространства» [Гуревич, 1984, с. 43].

Актуальность статьи заключается в исследовании дискурса географических карт в диахронии, так как специальных работ по этой тематике в лингвистике не так много. Мы обращаемся к географическим картам XVI века (созданным на французском языке) как к аутентичным документам и уникальным специализированным текстам. Особое внимание уделяется языковым средствам, представленным *legenda*. Под *legenda* нами здесь понимается не только ключ или обозначения на карте, но и вся текстовая информация, которая сопровождает картографические изображения.

Материалом исследования являются французские географические карты XVI века ученого-картографа Андре Теве, которые ранее не подвергались лингвистическому анализу.

Цель работы состоит в попытке выявить специфику восприятия французом XVI века окружающей действительности через анализ языкового и оценочного содержания легенды карт.

Исходя из поставленной цели в статье реализуются следующие задачи:

- изучить и уточнить понятие «легенда» французской географической карты XVI века;
- проанализировать функциональные и информативные аспекты географической карты как специализированного текста и выявить ее специфические черты, отражающие культурные, социальные и языковые контексты времени и места ее создания.

Для достижения поставленных задач в работе используются следующие методы: метод наблюдения, метод описания языковых единиц в тексте с учетом культурно-исторических условий, контекстуальный анализ.

ПОНЯТИЕ «LEGENDA» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КАРТАМ XVI ВЕКА И КРИТЕРИИ ОТБОРА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении истории картографии понятие «легенда» карты использовалось в различных контекстах.

В современном узком понимании термина *legenda* представляет собой совокупность условных обозначений и их ключей, которые помогают читателю разобраться в содержании карты. В основном это символы и цветовые маркировки, используемые для обозначения географических объектов, природных особенностей и других элементов, представленных на карте.

В исследовании мы используем термин, обозначаемый латинским словом *legenda* в более широком понимании, что включает в себя не только условные обозначения, но и любую текстовую информацию, представленную на карте: названия географических объектов, описания территорий, сопутствующие комментарии и пояснения, которые помогают интерпретировать и понять содержание карты в контексте культурного и исторического наследия.

Мы придерживаемся широкого понимания легенды по нескольким причинам:

- учитывается разнообразие текстовой информации на географической карте, включая не только символы и обозначения, но и их контекст и значения;
- предоставляется возможность более полно оценить содержание карты и ее значение в культурном и историческом аспекте.

С точки зрения изображаемой на картах территории, материалом изучения служат исключительно карты, совпадающие с территорией современной России. Это поможет нам выявить степень влияния культурных стереотипов Франции при составлении карт малоизвестных европейцам XVI века территорий и их восприятию французами.

В статье рассматривается легенда карты (*legenda*) как специализированный текст, в котором взаимодействуют различные языковые и графические элементы. В этом контексте особое внимание уделяется следующим ключевым элементам:

- метаданные карты: информация об авторе, годе создания и цели ее создания (если такие данные доступны) предоставляет контекст для анализа культурных и лингвистических фактов, содержащихся на карте;
- структура карты: наличие и содержание информации на полях карты, включая «шапку» карты, легенду и комментарии от автора, которые формируют контекст для

интерпретации текстовой информации на карте;

- содержание карты: наличие географических терминов и топонимов, стилистическая маркировка лексики, а также культурные реалии и другие языковые явления, позволяющие установить особенности создания легенды карт в данный период.

Таким образом, анализ этих элементов позволяет нам понять географическую карту как сложный текст, который не только передает информацию о мире, но и отражает культурные и языковые особенности своего времени.

В рамках нашей статьи мы ограничиваемся временными рамками XVI века. Карты XVI века создавались в эпоху Великих географических открытий, когда мир за пределами западной Европы открывался для европейцев благодаря развитию кораблестроения и мореплавания.

В этот период Европа переживала интенсивный экономический, культурный и политический рост. Европейские державы конкурировали за сферы политического влияния и за контроль над торговыми маршрутами, что отразилось в разнообразии картографических изданий того времени. Однако картография XVI века еще сохраняет типичный еще для Средневековья субъективный взгляд автора и некоторую степень «мифологичности», отражающуюся в терминах и топонимах, например, в образе «Тартарии» на картах России [Gorshenina, 2014].

Необходимо отметить, что изучаемый хронологический период соотносится с разными этапами развития французского языка. Карты XVI века, с одной стороны, принадлежат к периоду среднефранцузского языка (*Le moyen français*), с другой – это эпоха ранненовофранцузского языка и время формирования современного французского языка (*le français moderne*). За одно поколение французский язык претерпевает существенные изменения, связанные с изменениями социума, что может отражаться в наименовании географических объектов на картах данных исторических периодов.

Для исследования были выбраны географические карты из цифровой библиотеки Gallica, предоставленные Национальной библиотекой Франции.

СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЯ «LEGENDA KAPT» АНДРЕ ТЕВЕ

Карты, созданные французскими учеными-картографами XVI века являются не только документами, содержащими географическую информацию, но и свидетельствами исторических событий

и культурных представлений: « les conclusions historiques aident à ... déceler les habitats disparus, les vestiges enfouis, mais dont le souvenir est perpétué par les noms de lieux » [Rostaing, 1992, с. 5] (*Исторические выводы помогают ... обнаружить исчезнувшие места обитания, скрытые следы, память о которых увековечена топонимами*¹). Культурные реалии прошлого находят свое выражение в лексических средствах *legenda* карт.

Исходя из данных сайта библиотеки Gallica, хронологически первыми картами, изображающими территории современной России, являются карты французского монаха-францисканца, исследователя и путешественника Андре Теве (*André Thevet*). Теве совершал путешествия по Средиземноморью, на Восток, а также одним из первых составил описание Нового Света. Одна из его наиболее известных работ « *La cosmographie universelle...* »² была опубликована в 1575 году. В ней Теве описал свои путешествия и наблюдения о различных частях мира: Европе, Азии, Африке и Америке. После выхода в 1557 году своей работы « *Les Singulairitez de la France antarctique...* »³ он был назначен королевским космографом. Нет сведений о том, что сам Андре Теве когда-либо посещал Россию, но в 1586 году им был опубликован «Парижский словарь москвитов» (*Dictionnaire Muscovite*, 1586) – разговорник русского языка XVI века.

Несмотря на достижения в области исследования и картографии, Теве часто подвергался критике за фактические ошибки и преувеличения в своих работах: «всемирная космография Теве особого успеха у современников не имела. Религиозное и политическое противостояние во Франции, а также обвинения в плагиате – всё это способствовало тому, что его тексты были забыты...» [Карпенко, 2013, с. 249]. В частности, он смешивал в своих работах как достоверные, так и вымышленные сведения, часто основанные на мифологическом восприятии мира. Известно также, что многие его труды являются компиляциями более ранних источников: «Его основным источником являются “Записки о Московии” Сигизмунда Герберштейна...» [там же, с. 241]. Именно таким сочетанием реального и вымышленного, стереотипного и индивидуального нам может быть интересен данный автор, поскольку его труды, основанные на традициях средневековой западноевропейской картографии, помогают понять картину мира человека XVI века: «Несмотря на явную вторичность “Космографии” Теве как документа второй половины XVI века о Московии и Сибири, тем не менее,

¹Эд. и далее перевод наш. – С. Г.

²URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109341b>

³URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109516t>

ее текст является важным свидетельством того, как читающие французы могли бы представлять себе этот регион» [там же, с. 241]. Ключ к картине мира XVI века нам дает изучение отобранных Теве лексических единиц: терминов, топонимов и реалий для описания территорий на его картах. Особенный интерес представляют его карты, изображающие территории современной России, а также территории, близкие к современным границам страны. В рамках статьи были выбраны две карты, созданные хронологически в одно время и обозначающие смежные территории – Tartarie Precopspite и прилегающие к ней острова.

На картах Теве были обнаружены уникальные обозначения, не встречающиеся на других географических картах или других источниках. На хронологически первой карте под названием «Partie de Tartarie Precopspite, Isle dicte les carrières d'Achilles»¹, изданной в 1586 году, изображен остров, предположительно находящийся в северном Причерноморье северо-западнее Крыма, который Теве называет «Isle dicte les carriers d'Achilles». Нет единой точки зрения о том, является ли этот остров реально существующим. Предполагается, что на карте изображена современная Тендровская коса, находящаяся на территории Херсонской области. В археологических трудах утверждается, что там находилось святилище Ахилла, а также в древности проводились спортивные и религиозные мероприятия [Русяева, 1975]. В подтверждение этого приводится античное название острова «Дром Ахилла», что этимологически соотносится со словосочетанием «Carrières d'Achilles». «Дром» происходит от греческого δρόμος, что имеет несколько значений: путь, коридор, место для бега»². В свою очередь «Carrière» имеет значение «espace à parcourir dans les courses de chars ou de chevaux ; course à pied ou à cheval, course où l'on a parcouru un espace déterminé»³ (Пространство для пробега или проезда на колесницах или лошадях, пешая или конная гонка, гонка, на которой было преодолено определенное пространство). Таким образом, этимологический анализ французского варианта названия острова подтверждает факт, что речь идет об одном и том же месте. Причастие прошедшего времени ж. р. dicte (совр. dite) – так называемая, указывает на то, что название острова было взято автором из более ранних источников и переведено на французский язык. Остальные топонимы

и наименования на данной карте можно отнести к следующим типам:

1) наименования, выявленные также и в других источниках:

- *Partie de Tartarie precopspite* («Часть Перекопской Тартарии» – типичное название части территорий Северного Причерноморья и Крыма);
- *Goufre de Nigropola* (Каркинитский залив, называемый античными авторами Νεστρούλα или Залив Негрополи);
- *Promontoire de Diane* («Мыс Дианы»);

2) наименования, не имеющие аналогов в других документах, и описательные наименования:

- *Promontoire Sacre* («Святой Мыс»);
- *La trinite* («Троица»). Топоним сопровождается рисунком домов с крестом. Скорее всего обозначает некое религиозное строение;
- *Grans courans* («сильные течения»);
- *Pais desert* («пустынная территория»);
- *Bonne entree* (букв. 'хороший вход');
- *Petites bayes* (букв. 'небольшие / бухты');
- *Bois de sapins* («хвойные леса»);
- *Cleres Montaignes* (букв. 'светлые горы').

Примечательно, что топоним *Promontoire de Diane* (Мыс Дианы), всё же встречается в других, более поздних исторических документах, но применительно к другим реальным географическим территориям. Так, в работе французского историка XIX века Виктора Дюрюи (Victor Duruy) «Histoire des Romains...» топоним *Promontoire de Diane* локализуется в Испании: «Il leur avait ouvert à la pointe la plus avancée de l'Espagne vers l'est, au triple promontoire de Diane, une forteresse qui leur servait de comptoir pour acheter les prisonniers et remiser leurs prises...» [Duruy, 1879, с. 14]. (Он открыл для них в самой передовой точке Испании на востоке, на тройном мысе Дианы, крепость, служившую им торговым постом для покупки пленных и хранения своих трофеев). Данный пример демонстрирует факт, что топонимы и наименования на географических картах, с одной стороны, являются уникальными лексическими единицами, с другой – могут быть интерпретированы при обращении к похожим картам и другим историческим документам. Таким образом, данная карта является типичным примером как авторского видения мира данной исторической эпохи, так и стереотипных легенд географических карт XVI века, где смешиваются правда и вымысел, а в основе номинации лежат как мифологемы эпохи Античности (*Achilles, Diane*), так и христианские названия (*La trinite, Promontoire Sacre*).

На карте присутствуют также описательные комментарии автора, например, *Ny a port ny rade* (совр. *Il n'ya ni ports ni rades*) – Нет ни портов, ни

¹URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530403068?rk=64378;0#>

²Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.

³Godefroy F. Complément du dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. Vol. 9. Paris: Librairie Emile Bouillon. 1895–1902. С. 2.

Рис. 1. Мифическое морское существо

гаваней. Надпись снабжена иллюстрацией, изображающей мифическое морское существо (см. рис. 1).

Данные два компонента (вербальный – комментарий, и невербальный – иллюстрация) образуют единое смысловое целое и могут интерпретироваться как обозначение опасной территории. Такие обозначения имплицитно демонстрируют субъективную оценку автором описываемых территорий и отражают общий картографический узус данного исторического периода.

Вторая анализируемая карта того же автора (1586–1592) имеет название «Tartarie Precospite, Isle de la Rose»¹ (Перекопская Тартария, Остров Розы). Исходя из названия карты, а также части топонимов, присутствующих на ней (Tartarie Precospite «Перекопская Тартария»), можно заключить, что на карте изображен остров Джарылгач, который также находится в северном Причерноморье. На других иноязычных картах этот остров имеет название «Isola rossa» или «insula Rossa» [Фоменко, 2011].

Интересна топонимика данного острова: на карте всего восемь обозначений, которые можно разделить на две категории:

1) традиционные топонимы, известные современным исследователям:

- *Tartarie Precospite* («Перекопская Тартария», название материковой территории);
- *Goufre de Nigropole* (совр. Каркинитский залив);
- *Mer Maior* (лат. Mare Magnum – «Великое Море», традиционное название Черного моря, даваемое европейскими мореходами с XIII века);
- *Isle de la Rose* (совр. *Ile de la Rose* – «Остров Розы». Совр. название – остров Джарылгач). Скорее всего данный вариант названия – перевод заимствованного из итальянских портуланов² названия *Isola rossa*;

2) топонимы, основанные на авторской оценке описываемой территории:

- *Isle aus Oyseaus* (совр. *Ile aux Oiseaux* – «Остров Птиц»);
- *Tamara* (топоним является, по-видимому, обозначением населенного пункта: сопровождается рисунком цитадели со стенами. Нет информации о том, является ли это поселение реально существовавшим или существующим);
- *Port de Goroch* (букв. 'Порт Гороха');
- *Bougnage*.

Отдельный интерес на этой карте представляет топоним *bougnage*, поскольку невозможно точно установить этимологическое происхождение слова: оно отсутствует в словарях старофранцузского, среднефранцузского и современного французского языков.

Также отдельный интерес представляет топоним *Port de Goroch*, который может отсылать к русскому фразеологизму «Царь Горох», тем более, что *Goroch* написано автором с заглавной буквы и обозначает имя или географическое название. По одной из версий, фразеологизм «Царь Горох» восходит к древнему русскому словосочетанию «Царь-Город» от Царьграда, или Константинополя, т. е. относится к периоду существования Византии [Вилинбахова, 2009]. Происхождение и мотивировка употребления *Port de Goroch* доподлинно неизвестны, поскольку он не встречается в других письменных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование особенностей понятия «легенды» на франкоязычных географических картах XVI века позволяет глубже понять восприятие мира европейскими картографами и обществом той эпохи.

¹URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b530403352?rk=85837;2>

²Портулан – «морская карта XIII-XVI в., на которой показана

акватория Средиземного и Черного морей, а также побережье Атлантического океана за Гибралтаром» [Щетников, 2015, с. 24].

Анализ французских карт, особенно тех, которые изображают территории современной России, раскрывает не только географические знания, но и культурные, исторические и ментальные особенности того времени.

Важным аспектом является широкое понимание термина «*legenda*» как совокупности всех текстовых элементов на карте. Такой подход позволяет учитывать разнообразие информации и ее культурный контекст. Карты Андре Теве являются ярким примером этого явления. Несмотря на критические замечания к точности его работ, они остаются ценными источниками для изучения культурных представлений и французского языка XVI века.

В процессе анализа были выявлены уникальные топонимы и описания, не встречающиеся в других источниках, что подчеркивает субъективность и креативность картографа. Примеры

таких топонимов, как *Isle dicte les carriers d'Achilles*, *Bougnage*, *Port de Goroch*, авторские описания (*Ny a port ny rade*), отражают смешение реальности и мифологии, характерное для эпохи Возрождения.

Проведенное исследование подтверждает, что *legenda* на картах не только служили инструментом для навигации, но и передавали оценочные суждения и мировоззренческие установки авторов.

Таким образом, франкоязычные географические карты XVI века представляют собой уникальные документы, которые являются «зеркалом эпохи», ценнейшим языковым и культурным материалом, содержащим информацию о механизме типичного оценочного восприятия действительности человеком...» [Манухина, 2024, с. 50]. Это делает данные документы важным объектом для дальнейших лингвистических и культурологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984.
2. Gorshenina S. L'Invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Genève: Droz, 2014.
3. Rostaing C. Les noms de lieu (QUE SAIS-JE ?). Paris: Presses universitaires de France – PUF, 1992.
4. Карпенко Е. К. Образ Московии и Сибири во «Всемирной космографии» (1575) Андре Теве // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII вв. Контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М.: РОССПЭН, 2013. С. 238-251.
5. Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. С. 174–185.
6. Duruy V. Histoire des Romains, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des barbares. Vol. 3. Paris: Hachette et Cie. 1879.
7. Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. 2-е изд. М.: Индрик, 2011.
8. Щетников А.И. Портуланы – морские карты XIV–XVI вв. Schole. 2015. Vol. 9 (1). С. 24–34.
9. Вилинбахова Е. Л. Сколько лет женщине бальзаковского возраста? // Общее языкознание: материалы XXXVIII Международной филологической конференции, 16–21 марта 2009 г. / под ред. Н. А. Слепокуровой. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 10–16.
10. Манухина А. О. Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» («Manuscript de Rothelin») XIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 46–51.

REFERENCES

1. Gurevich, A. Ya. (1984). Categories of Medieval culture. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Gorshenina, S. (2014). L'Invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie. Genève: Droz
3. Rostaing, C. (1992). Les noms de lieu (QUE SAIS-JE ?). Paris: Presses universitaires de France - PUF.
4. Karpenko, E. K. (2013). Obraz Moskovii i Sibiri vo «Vsemirnoi kosmografii» (1575) Andre Teve = Image of Moscow and Siberia in «The Universal Cosmography» (1575) by André Thevet. In O. F. Kudryavtsev (ed.). Evropeiskoe Vozrozhdenie i russkaya kul'tura XV – serediny XVII vv. Kontakty i vzaimnoe vospriyatie. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
5. Rusyayeva, A. S. (1975). Voprosy razvitiya kul'ta Akhilla v Severnom Prichernomor'e = Issues of development of the cult of Achilles in the Northern Black Sea region. In Skifskii mir, 174-185. (In Russ.)

6. Duruy, V. (1879). Histoire des Romains, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des barbares. Vol. 3. Paris: Hachette et Cie.
7. Fomenko, I. K. (2011). Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII v. = The Image of the World in the Ancient Portolan Charts. Black Sea Region. End of the 13th–17th Centuries. 2nd ed. Moscow: Indrik. (In Russ.)
8. Shchetnikov, A. I. (2015). Portolans – the sea charts from the fourteenth to fifteenth centuries. *Schole*, 9(1), 24–34. (In Russ.)
9. Vilinbakhova, E. L. (2008). Skol'ko let zhenshchine bal'zakovskogo vozrasta? = How old is a woman of the age of Balzac? In Stepokurova, N. A. (Ed.), *Obshchee yazykoznanie* (pp. 10–16): Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii, March, 16–21, 2009. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)
10. Manukhina, A. O. (2024). Specifics of the author's narrative in the Old French "Chronicle of Rothelin" ("Manuscript de Rothelin") of the 13th century. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(882), 46–51. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазко Семен Юрьевич

аспирант кафедры фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка
преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glazko Semen Iur'evich

Post-graduate Student at the Department of Phonetics and Grammar of the French Language
Faculty of the French Language
Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	30.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Моделирование перцептивного образа коммуникативного события «конфликт» (на материале тифлокомментирования к кинофильмам и телесериалам)

К. А. Горбунова

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
kristinagubanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается модель восприятия коммуникативного события «конфликт» в тифлокомментировании. Цель исследования состоит в выявлении различных способов наполнения терминалов-слотов событийного фрейма «конфликт». В ходе работы был проведен эксперимент, направленный на рассмотрение роли тифлокомментирования в построении перцептивного образа коммуникативного события незрячими (слабовидящими) людьми. Основными методами являются метод фреймового моделирования, устный опрос и анкетирование. Результаты исследования показывают важность прагматического подхода к моделированию перцептивного образа коммуникативного события в тифлокомментировании.

Ключевые слова: коммуникативное событие, лингвистическое моделирование, перцептивный образ, фрейм, терминал, слот, конфликт, тифлокомментирование

Для цитирования: Горбунова К. А. Моделирование перцептивного образа коммуникативного события «конфликт» (на материале тифлокомментирования к кинофильмам и телесериалам) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 47–54.

Original article

Modelling of the Perceptual Image of the Communicative Event “Conflict” (on the material of audio description for films and TV series)

Kristina A. Gorbunova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kristinagubanova@inbox.ru*

Abstract. The article considers the model of perception of the communicative event "conflict" in audio description. The aim of the study is to identify different ways of filling terminals and slots of the event frame "conflict". In the course of the work, an experiment was conducted to consider the role of audio description in the construction of the perceptual image of the communicative event by blind (visually impaired) people. The main methods are the method of frame modelling, oral interview and questionnaire. The results of the study show the importance of the pragmatic approach to modelling the perceptual image of a communicative event in audio description.

Keywords: communicative event, linguistic modelling, perceptual image, frame, terminal, slot, conflict, audio description

For citation: Gorbunova, K. A. (2024). Modelling of the perceptual image of the communicative event “conflict” (on the material of audio description for films and TV series). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 47–54. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт как объект исследования имеет междисциплинарный характер, анализом которого продолжительное время занимаются в таких областях знания, как социология, политология и лингвистика. Работы ученых-конфликтологов служат базой для современных исследований природы и структуры конфликта, его источников, динамики и функционирования в различных типах дискурса, а также возможностей управления конфликтами.

Целью данной работы является моделирование перцептивного образа коммуникативного события «конфликт» на материале тифлокомментирования к кинофильмам и телесериалам. Тифлокомментирование представляет собой описание предмета, пространства или действия, которые непонятны незрячему (слабовидящему) без специальных словесных пояснений [Ваньшин, Ваньшина, 2011] и является актуальным материалом для исследования восприятия и понимания конфликтных сцен слепыми (слабовидящими) людьми.

КОНФЛИКТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Конфликт трактуется как «явление, маркирующее отрицательное поле коммуникативного взаимодействия» [Голев, Обелюнас, 2014, с. 279], т. е. является вербально и невербально выраженной формой противоборства сторон. Из данного определения следует вывод, что конфликт предполагает принадлежность к определенному пространству, времени, а также деятельности людей, и может рассматриваться в качестве когнитивной модели коммуникативного события со статичными (состав участников и их характеристики) и динамичными (процесс развертывания конфликтного события во времени и его особенностях) компонентами [Boulding, 1963].

Конфликты реализуются в формате активной или пассивной конфронтации, психологический механизм которой состоит в предшествующем состоянии неудовлетворенности одного из участников коммуникации, которое возникает у человека в ситуации невозможности достижения какой-либо цели [Анохина, 2008]. Стоит отметить, что несмотря на разнообразие мотивов и эмоциональных состояний участников, большинство конфликтов развивается по предсказуемому сценарию. Это дает основания предполагать, что составить общую характеристику конфликта можно посредством метода фреймового анализа события, так как в сознании носителя лингвокультуры типичные способы действий и регламенты поведения в конфликтных отношениях

представлены в виде фреймов-пропозиций, структурирующих знания о событии с помощью обязательных и факультативных терминалов-слотов.

В научной литературе по социологии конфликта динамическая модель конфликтной ситуации включает три стадии [Цой, 2001, с. 126–129]:

- 1) предконфликт, отличающийся постепенно нарастающей напряженностью, и состоящий из зарождения и созревания конфликта, а также инцидента;
- 2) конфликт, представляющий открытое столкновение взаимодействующих участников;
- 3) постконфликт, демонстрирующий развитие и изменение характеристик конфликтной ситуации, а также ее разрушительные или созидательные последствия.

В опоре на данную точку зрения выделим основные компоненты события «конфликт»: предмет конфликта, конфликтующие стороны и их действия, личное восприятие конфликта, социальная среда и условия, динамика события. Из этого следует, что в фрейм «конфликт» могут быть включены такие терминалы, как «причина-повод», «участники», «действия», «эмоции и оценка». Поскольку коммуникативное событие «конфликт» предполагает развитие, возможно также включение в его фреймовую структуру терминалов «временные этапы» и «результат». Моделирование как метод исследования эффективно применяется не только в технических, но и в гуманитарных науках [Горжанов, Гусейнова, Писарик, 2022].

Моделирование коммуникативного события представляет процесс схематичного выстраивания образа объекта действительности посредством вербальных и невербальных кодов, т. е. выявления и сопоставления языковых, визуальных и акустических символов, а также их прагматических значений в отображении коммуникативного события [Поветкина, 2012]. В этой связи аудиовизуальный дискурс, в частности, кинодискурс, может являться объектом исследования особенностей создания и интерпретации модели коммуникативного события [Комалова, Копылова, 2021]. Кинопроизводитель предлагает зрителям художественную модель жизненных процессов, которая направлена на выполнение прагматических задач, т. е. представляет формы взаимодействия в определенном социокультурном контексте.

Согласно положениям Тамбовской научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур» пропозициональная модель фрейма состоит из следующих структурных элементов [Болдырев, 2002]:

1. имя фрейма – может быть вербализовано и не вербализовано;

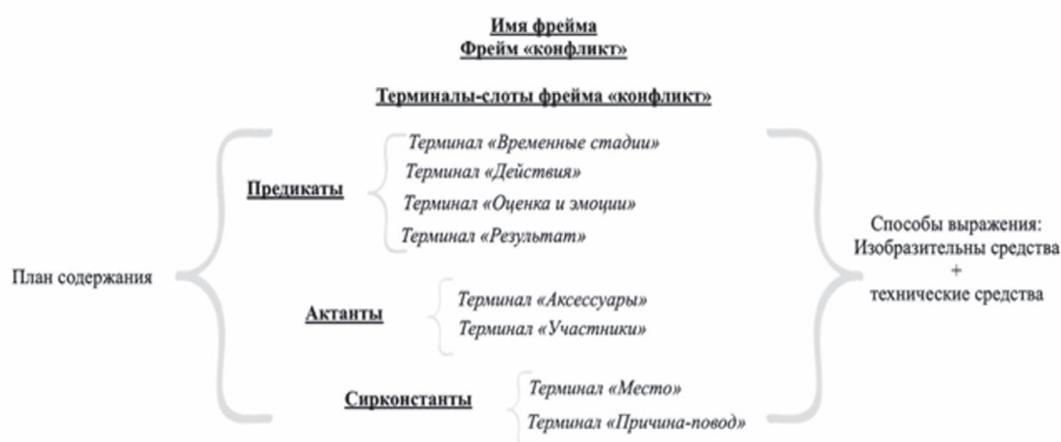

Рис. 1. Структура событийного фрейма «конфликт»

- 1.1. слоты фрейма – отдельные составляющие стереотипной ситуации, способные комбинироваться и организовывать самостоятельные пропозиции;
 - 1.1.1. предикат – статические или динамические характеристики стереотипной ситуации (этапы развития, отношения между субъектами, их действия);
 - 1.1.2. обязательные актаны – субъекты (действующие лица) и объекты (детали стереотипной ситуации);
 - 1.1.3. сирконстанты – добавочные темпоральные и локативные характеристики стереотипной ситуации.

Мы будем придерживаться данной схемы, так как предполагаем, что предложенная структура может быть актуальна и для перцептивного образа событийного фрейма «конфликт», моделируемого в аудиовизуальном произведении (см. рис. 1).

Каждый слот, актуализируемый в рамках аудиовизуального дискурса, обладает общим планом содержания, но различными способами выражения и может быть представлен в невербальных кодах, транслируемых киноязыком (визуальным рядом, жестовым и проксеминым поведением персонажей). Выбранные средства оказывают воздействие на зрителя, влияют на субъективное видение авторской задумки [Петухова, 2015].

Таким образом, можно обозначить специфику фреймов, которую необходимо учитывать при моделировании коммуникативного события в аудиовизуальном дискурсе:

- целостное, полимодальное восприятие фреймов, основанное на взаимодействии фреймовых структурных компонентов и других структур знания;

- возможность обратить внимание зрителя на любой компонент фрейма, который будет интерпретирован разными реципиентами как наиболее важный.

Таким образом, необходим анализ не столько процесса пассивного восприятия и декодирования, сколько анализ процесса создания собственных смыслов и интерпретаций [Горожанов, Губанова, 2022].

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения наиболее важных (коррелирующих с авторской задумкой и общей сюжетной линией) терминалов с последующей их актуализацией в сознании аудитории было проведено экспериментальное исследование. Основной единицей анализа являлась конвергенция изобразительных (кинодиалог, разворачивающееся действие) и технических (постановка изображения, операторская работа, монтаж) средств, которая в их взаимодействии через пропозиционально связанные ассоциации формирует и актуализирует необходимые терминалы-слоты.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что при восприятии фрейма в вербальной или невербальной форме (когда в аудиовизуальном произведении изображена определенная ситуация, актуализирующая в сознании фрейм) происходит процесс семантического конструирования – наполнение незаполненных слотов недостающими элементами знаний.

В качестве материала исследования использовались фрагменты из телесериала «Утреннее шоу» (жанр – драма), телесериала «Последнее, что он

сказал мне» (жанр – детектив), кинофильма «Как отделаться от парня за 10 дней» (жанр – комедия) и кинофильма «Человек-невидимка» (жанр – научная фантастика), дублированные на русском языке (профессиональный многоголосый перевод) и с русскоязычными тифлокомментариями.

За единицу исследования были приняты 1) тифлофрагменты и 2) видеофрагменты с упомянутой выше спецификой. Всего было отобрано десять сцен, каждая длительностью не более пяти минут.

Группа респондентов, принявших участие в исследовании, состояла из 13 незрячих (слабовидящих) людей, имеющих представление об услуге тифлокомментирования. Участники были информированы о целях исследования, а также о своих правах и возможности отказаться от участия.

На первом этапе респондентам предлагалось ответить на вопросы, направленные на выявление у слепых и слабовидящих респондентов опыта взаимодействия в конфликтных ситуациях, а также их восприятия и понимания, и направленные на выявление эффективности тифлокомментирования как языкового материала для моделирования перцептивного образа коммуникативных событий:

- Были ли у вас конфликтные ситуации? Если да, то опишите наиболее запоминающуюся / яркую / значимую для вас.
- По каким характеристикам / маркерам / параметрам вы понимаете, что ситуация конфликтная?
- Оцените то, как вы при просмотре кинофильма или телесериала, снабженного тифлокомментированием, по описанию понимаете, что ситуация в кино / сериале является напряженной, что назревает конфликт: по шкале от 1 до 10, где «1» означает «мне всегда непонятно», «10» означает «мне всегда понятно».
- Какой информации в тифлокомментарии вам не хватает, чтобы представить и понять происходящее в кинофильме / телесериале?

Согласно полученным данным, 90 % участников опроса сталкивались с конфликтными ситуациями и смогли дать достаточно подробные описания происходящего события, что позволило сделать вывод о том, что в сознании слепых и слабовидящих реципиентов существует сформированная когнитивная модель коммуникативного события «конфликт».

Среди ответов на второй вопрос, касающийся наиболее значимых для участников параметров конфликтной ситуации, были отмечены: эмоциональная составляющая разговора, при котором используются способы отрицательного воздействия на того или иного человека; повышение тона голоса; высказывание колкостей; повышение

громкости голоса, вербализация угроз; экспликация плохого настроения собеседника; наличие сарказма; крики, споры; грубые слова; оскорбления; интуитивно, исходя из ситуации; повышенные тона разговора; изменение интонации; использование специфической лексики; выражение негативных эмоций. Большинство обозначенных характеристик относятся к паралингвистическим параметрам коммуникативного события «конфликт», что подтверждает ведущую роль слухового восприятия при взаимодействии у слепых и слабовидящих реципиентов.

Важным результатом опроса также являлось то, что в целом реципиенты положительно относятся к тифлокомментированию и считают его необходимым и полезным. При ответе на третий вопрос около 50 % участников опроса выразили свою поддержку этой практике.

Несмотря на высокую оценку значимости тифлокомментирования при восприятии визуального контента, реципиенты также высказали ряд замечаний относительно его эффективности: не хватает описания мимики; порой могу упустить мысль, приходится переслушивать момент; смена сцен, описание ландшафта, каких-то важных действий персонажа, артикуляции, жестов и всего в таком плане; выражения лиц, без них непонятно, с сарказмом или в шутку говорят или нет; эмоциональной окраски речи говорящего; непосредственно мимики людей, определенных жестов, обстановки происходящего; полного описания ситуации; порой не хватает описания эмоций действующих лиц.

Таким образом, иногда комментарии могут быть недостаточно подробными или непонятными, что затрудняет целостное восприятие визуальной информации. Эти результаты позволяют сделать вывод о необходимости разработки и внедрения более гибких и индивидуальных подходов к тифлокомментированию с языковой точки зрения, чтобы обеспечить максимально комфортное и доступное культурное пространство для слепых и слабовидящих людей.

На втором этапе респондентам предлагалось прослушать несколько фрагментов фильмов и телесериалов, снабженных тифлокомментированием, и ответить на следующие вопросы:

- Представлен ли в отрывке конфликт?
- Если да, то по описанию чего вы это поняли? (Места, действия, мимики, речи ...)
- Какими прилагательными вы можете охарактеризовать голос тифлокомментатора?
- Сила голоса: голос громкий / средний / тихий.
- Тембр голоса: тембр звонкий / глухой, чистый / хриплый, певучий / резкий, мягкий / жесткий, приятный / неприятный...

- Высота голоса: голос низкий / средний / высокий.
Темп речи: темп медленный / умеренный / варьирующийся / быстрый.
Интонация: монотонная / рубленая / скачкообразная / адекватно варьирующаяся.
- Чего, по вашему мнению, в голосе тифлокомментатора не хватало?
- Было ли что-то, что хотелось бы дополнительно описать?

Полученные результаты позволили сделать вывод, что незрячим (слабовидящим) респондентам тифлокомментария вполне достаточно, чтобы понять, что происходит в предложенных фрагментах. В случае с фрагментами, где конфликтная ситуация была представлена и описана, 78,6 % опрошенных отвечали «да» на вопрос «Представлен ли в отрывке конфликт?», 21,4 % опрошенных не распознали конфликт по тифлокомментарию.

Многое становилось ясно из описания действий. Несмотря на это, опрошенным все еще не до конца понятно, в каком эмоциональном состоянии пребывают персонажи, какая у них внешность и что конкретно они делают и как. Так, среди ответов на вопрос «Было ли что-то, что хотелось

бы дополнительно описать?» отмечены следующие: хочется больше описания мимики и эмоций, внешности и выражения лиц персонажей; не хватает описания местности и внешности; описать эмоции героев, внешность; не хватило описания некоторых сцен.

По поводу голосовых характеристик тифлокомментатора респонденты также отмечали, что в тифлокомментарии были продолжительные паузы, которые можно было бы заполнить описанием незначительных, но всё-таки присутствующих в кадре деталей; были частотные повторы одних и тех же интонаций, из-за чего речь казалась монотонной, а также скорость комментирования могла быть слишком быстрой или медленной, что влияло на возможность воспринимать информацию. При этом большинство реципиентов отметили, что такие проблемы редки, а тифлокомментирование в целом является эффективным средством доступа к визуальной информации.

На следующем этапе была предпринята попытка разработки авторских тифлокомментариев с учетом сопоставительных результатов проведенных опросов, компенсирующих недостающую информацию и учитывающих синтез когнитивных способностей

Таблица 1

СКРИПТ АВТОРСКОГО ТИФЛОКОММЕНТАРИЯ

Таймкод	Измененная версия	Оригинал
00:00–00:06	Огорченная Ханна идет по офисному коридору. Из-за угла появляется Митч.	Ханна идет по коридору и видит Митча.
00:11–00:14	Мужчина поправляет очки, бросает взгляд на девушку и проходит мимо нее в гримборную.	Митч проходит мимо нее в свою гримборную.
00:16–00:24	Ханна останавливается, хмурит брови и растерянно оглядывается. Мимо проходят сотрудники.	Ханна в смятении чувств. Ханна хмурится и оглядывается.
00:25–00:35	Девушка нервно теревит в руках билеты, вздрагивает , сжимает губы, опускает руки и кладет билеты в карман пиджака.	Затем ее губы сжимаются, она кладет билеты в карман пиджака.
00:37–00:40	Лицо Ханны выражает смятение. Действие замедляется. Ханна разворачивается и идет по коридору.	Ханна поворачивается и медленно идет по коридору. Судя по выражению лица Ханна приняла какое-то решение.
00:41–00:57	Позади пробегают два сотрудника офиса, но девушка не обращает на них внимание. Она погружена в собственные мысли и смотрит вниз в одну точку.	
1:02–1:14	Ханна направляется к лифту. Проходит мимо постера с Алекс и Митчем. Не оборачиваясь, ждет пока двери лифта откроются. Каждое действие дается ей с трудом.	Она идет к лифту. Позади нее остается постер с Алекс и Митчем.
1:15–1:38	Двери лифта открываются. Девушка входит и нажимает кнопку. Двери закрываются, скрывая нахмуренное лицо Ханны. В глазах у девушки стоят слезы.	Дверь лифта открывается. Она входит и нажимает кнопку. Ее брови нахмурены. Двери закрываются.
1:41–1:51	Ханна вбега ет в пустой коридор. На полу бежевый ковер, на стенах параллельно друг другу деревянные панели. Справа два столика с офисными растениями. Позади остается надпись UBA.	Ханна идет по устланному ковром коридору с деревянными панелями на стенах. Надпись UBA.
1:52–1:57	Сбоку сидит секретарь, Джеймс. Она бросает взгляд на него, проходит мимо и решительно открывает дверь кабинета. Джеймс бежит за ней.	Она бросает взгляд на секретаря и проходит мимо. Она влетает в кабинет. Джеймс вбега
2:18–2:24	Начальник хмурится. Вздвонно встает из-за стола и походит к Ханне.	Фред начинает хмуриться. Фред встает и обходит свой стол.

и языковых знаний в процессе восприятия тифлокомментирования (см. примеры в табл. 1).

Сниженное количество частично и полностью неактуализированных терминалов и слотов в фреймовой модели фрагмента, снабженного авторским тифлокомментарием, дало основание предполагать, что незрячие (слабовидящие) респонденты отметят его как наиболее качественный и удовлетворяющий в информационной и эстетической составляющей.

Для верификации результатов эксперимента незрячим (слабовидящим) респондентам был предложен устный опросник спустя два месяца после проведения первого опроса. Нужно было прослушать, а затем оценить по заданным параметрам тифло-отрывки с авторским комментарием и ответить на вопросы:

- Какая атмосфера представлена в отрывке?
- Можете ли Вы назвать ситуацию конфликтной?
- Какими прилагательными Вы можете охарактеризовать голос тифлокомментатора?
- Сила голоса: голос громкий / средний / тихий.
- Тембр голоса: тембр звонкий / глухой, чистый / хриплый, певучий / резкий, мягкий / жесткий, приятный / неприятный, ...
- Высота голоса: голос низкий / средний / высокий.
- Темп речи: темп медленный / умеренный / варьирующийся / быстрый.
- Интонация: монотонная / рубленая / скачкообразная / адекватно варьирующаяся.
- Было ли что-то, что хотелось бы дополнительно описать? Или информации достаточно?
- Понравился ли Вам данный тифлокомментарий? Если да, то почему? Отметьте, насколько Вы остались удовлетворены качеством описания по шкале от 1 до 10, где «1» означает «совсем не удовлетворен», «10» означает «полностью удовлетворен».

В ходе данного этапа было установлено, что 92,9% респондентов отвечали «да» на вопрос «Представлен ли в отрывке конфликт?» 7,1% ответили «нет» на этот вопрос.

Атмосферу в отрывках с авторским тифлокомментарием опрошенные описывали такими

прилагательными, как «напряженная» (69,7 %), «некомфортная» (21,4 %), «гнетущая» (8,9 %).

В отношении голосовых характеристик также была замечена положительная динамика. Так, около 50 % респондентов охарактеризовали темп речи как варьирующийся, 30 % – как умеренный, и только 20 % – как быстрый. Незрячие (слабовидящие) респонденты также выделили интонационное оформление речи, которое показалось им более живым и эмпатичным, что помогало прочувствовать атмосферу.

Качество авторского тифлокомментария респонденты оценили на 7–10 баллов. Свой выбор опрошенные аргументировали тем, что авторский тифлокомментарий дал более четкое представление о визуальной составляющей: интерьере, технике съемки; более точно передал эмоциональную напряженность и создал эффект постоянной включенности в процесс просмотра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для успешной передачи визуальной информации через аудиодескрипцию необходимо учитывать целостность структуры и динамическую эквивалентность визуального произведения [Губанова, 2023]. Кроме того, важно использовать разнообразные коммуникативные средства, такие, как выбор слов, интонации, ритм и темп речи, чтобы передать настроение, эмоции и другие аспекты визуального содержания.

Результаты экспериментального исследования показали, что авторский тифлокомментарий, разработанный на основе сопоставительного анализа, был хорошо принят респондентами, которые высоко оценили его информационную и эстетическую ценность. Он помог более точно передать визуальную информацию, создавая живой и эмоциональный образ коммуникативного события при восприятии аудиовизуального контента слепыми (незрячими) реципиентами.

Таким образом, исследование показало важность прагматического подхода к аудиодескрипции и потребность в индивидуальных и гибких методах для эффективной передачи визуальной информации слепым и слабовидящим людям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П. Тифлокомментирование, или Словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. М.: Логослов, 2011.
2. Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология // Эффективное общение (базовые компетенции): словарь-справочник / гл. ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2014.
3. Boulding K. E. Conflict and defense: a general theory. New York: Harper, 1963.

4. Анохина В. С. Речевые аспекты семейного конфликта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. Вып. 7. С. 125–130.
5. Цой Л. Н. Практическая конфликтология: Книга первая. М.: Глобус, 2001.
6. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Писарик О. И. Уровневая модель информационной безопасности в условиях виртуального пространства // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2(46). С. 119–131. DOI 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11. EDN EKGOEY.
7. Поветкина Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. Вып. 6(17). С. 132–136.
8. Комалова Л. Р., Копылова Е. А. Перцептивный образ конфликтной ситуации в трагедийном и комедийном кинодискурсе // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. Вып. 4 (48). С. 64–89.
9. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
10. Петухова Т. И. Кинотекст и кинодискурс: к вопросу о дифференциации понятий // Научное мнение. 2015. Вып. 5 (1). С. 56–59.
11. Горожанов А. И., Губанова К. А. Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. Вып. 3(30). С. 98–105.
12. Губанова, К. А. Моделирование визуальных образов в сознании слепых (слабовидящих) людей посредством тифлокомментирования // Журнал высоких гуманитарных технологий. 2023. Вып. 2(2). С. 67–79.

REFERENCES

1. Vanshin, S. N., Van`shina, O. P. (2011). Tiflokommentirovanie, ili Slovesnoe opisaniye dlya slepy`x: instruktivno-metodicheskoye posobie = Typhlocommentation, or verbal description for the blind: an instrumental and methodological guide. Moscow: Logoslov. (In Russ.)
2. Golev, N. D., Obelyunas N. V. (2014). Lingvokonfliktologiya = Linguoconflictology. A. P. Skovorodnikova (ed.) In E`fektivnoye obshheniye (bazovyye kompetentcii): slovar`-spravochnik 2-e izd., pererab. i dop. (In Russ.)
3. Boulding, K. E. (1963). Conflict and defense: a general theory. New York: Harper.
4. Anoxina, V. S. (2008). Speech aspects of family conflict. In Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psixologiya, 7, 125–130. (In Russ.)
5. Czoj, L. N. (2001). Prakticheskaya konfliktologiya: Kniga pervaya = Practical conflictology: The first book. Moscow: Globus. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Pisarik, O. I. (2022). Cyber security model in the E-learning. In MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education, 2(46), 119–131. DOI 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11. EDN EKGOEY. (In Russ.)
7. Povetkina, Yu. V. (2012). Modeling as a method of linguistic research // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki, 6(17), 132–136. (In Russ.)
8. Komalova, L. R., Kopylova, E. A. (2021). The perceptual image of a conflict situation in a tragic and comedic film discourse. In Chelovek: Obraz i sushhnost`. Gumanitarnyye aspekty`, 4(48), 64–89. (In Russ.)
9. Boldyrev, N. N. (2002). Kognitivnaya semantika: kurs lekcij po anglijskoj filologii = Cognitive Semantics: a course of English Philology lessons. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.)
10. Petuxova, T. I. (2015). Film text and film discourse: on the issue of differences in concepts. Nauchnoye mneniye, 5(1), 56–59. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I., Gubanova, K. A. (2022). Associative Synesthesia As An Imaginative Thinking Activator of Visually Impaired People (Based on Audio Description). Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik, 3 (30), 98–105. (In Russ.)
12. Gubanova, K. A. (2023). Modeling of visual images in the minds of blind (visually impaired) people through typhocommentation. In Zhurnal vy`sokix humanitarny`x texnologij, 2(2), 67–79. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунова Кристина Александровна

ведущий специалист

Центра эмерджентных практик

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbunova Kristina Aleksandrovna

Leading Expert

at the Centre of Emerging Practices

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Исследование ассоциативных полей *страх / fear / Angst*

В. А. Долинский¹, А. Д. Елисеева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва

¹vdolinsky@yandex.ru

²arina.eliseyeva@gmail.com

Аннотация. Рассматривается сопоставление ассоциативных полей *страх / fear / Angst* на материале ассоциативных экспериментов, проведенных в 2023 году. Целью исследования является изучение фрагментов русской, немецкой и американской лингвокультур на примере концептов *страх / fear / Angst*. В качестве испытуемых выступили русские, немецкие и американские студенты в возрасте от 18 до 25 лет.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, стимул, реакция, вербализация эмоций

Для цитирования: Долинский В. А., Елисеева А. Д. Исследование ассоциативных полей *страх / fear / Angst* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 55–61.

Original article

Study of the Associative Field *Страх / Fear / Angst*

Vladimir A. Dolinsky¹, Arina D. Eliseyeva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

¹vdolinsky@yandex.ru

²arina.eliseyeva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the comparison of the associative fields *cmpax / fear / Angst* based on the material of associative experiments conducted in 2023. The purpose of the article is to study fragments of Russian, German and American linguocultures on the example of the concepts *cmpax / fear / Angst*. An associative experiment was used as the main research method; the respondents were Russian, German and American students of 18–25 years old.

Keywords: associative experiment, associative field, stimulus, reaction, verbalization of emotions

For citation: Dolinsky, V. A., Eliseyeva, A. D. (2024). Study of the associative field *cmpax / fear / Angst*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 55–61. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Свободный ассоциативный эксперимент (АЭ) – важный инструмент конструктивно-доказательной парадигмы современной лингвистики в исследовании языкового сознания и картины мира носителей языка. Интерес к изучению эмотивной лексики остается неизменным, так как вербальные обозначения эмоций присутствуют в каждой культуре. Вербализация эмоций объединяет механизмы сознания и акты бессознательного, включая спонтанные выражения эмоциональных переживаний.

ПОНЯТИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

Структурообразующим компонентом значения слова является частотность вызываемых им ассоциатов [Долинский, 2022]. Под ассоциативным полем понимают частотно-ранговое распределение ассоциатов, полученных на слово-стимул в АЭ. Ассоциативное поле состоит из следующих структурных компонентов: ядра, которое включает самые распространенные ассоциации, приядерной зоны и периферии. Периферийная зона содержит менее частотные ассоциации. Важные количественные характеристики ассоциативных полей – частота и разнообразие ассоциатов. Частота появления ассоциата в групповом эксперименте указывает на его общеизвестность. Ассортимент ассоциатов, полученных от группы испытуемых, свидетельствует о широте или узости ассоциативных связей слова-стимула с другими словами. Качественный состав ассоциативного поля не измерим с помощью одних лишь количественных параметров, он требует также привлечения логико-дедуктивных (грамматических, семантических и др.) гипотез [Долинский, 2022; Елисеева, 2023].

ЭМОЦИЯ «СТРАХ»

Страх – это рефлекторная эмоциональная реакция на опасность. Эта эмоция проявляется в резком нарушении психического равновесия, возникающем под воздействием фактора, несущего в себе опасность [Баженова, 2003]. Когда человек испытывает страх, его нервная система активизируется следующим образом:

1. человек *воспринимает* или мысленно представляет определенную ситуацию;
2. он *оценивает* эту ситуацию как опасную, что вызывает эмоциональную реакцию. Ситуация может представляться опасной как для самого человека, так и для значимых объектов в его жизни. Л. Свендсен отмечает, что человек боится утратить то, что для него важно (здоровье, свободу,

социальное положение и т. д.). Он переживает не только за себя, но и за близких, и если что-то из этих аспектов находится под угрозой, страх является естественной реакцией [Свендсен, 2010];

3. человек испытывает *неприятное чувство*, вызванное восприятием или оценкой ситуации;

4. это чувство может проявляться в неконтролируемых *физиологических реакциях*, таких как бледность, дрожь и потоотделение.

5. чувство страха также может приводить к *желаниям*, например, спрятаться, убежать или сжаться.

6. желания могут привести к *двигательным действиям*, таким как бегство, или же

7. спровоцировать *речевую активность* [Апресян В., Апресян Ю., 1993].

Разум человека едва ли способен противостоять атаке страха, от страха нельзя избавиться волевым усилием, но можно его подавить или со временем привыкнув к объекту, который его вызывает, или химическим способом (принимая медицинские препараты). Характерной чертой страха является то, что эта эмоция становится тем нагляднее и ошутимей, чем больше человек пытается ее в себе подавить [Баженова, 2003].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТОВ

В ходе исследования были проведены три свободных ассоциативных эксперимента: на русском языке, на английском и на немецком.

Согласно заданию испытуемым следовало на каждый стимул из предъявленных двадцати реагировать только одним словом или словосочетанием. Полученные в результате эксперимента данные были собраны в массив для составления частотно-ранговых распределений ассоциатов и их последующего анализа.

В эксперименте, проведенном в 2022–2023 годах, участвовали 150 человек в возрасте от 18 до 25 лет: 50 русских студентов, 50 американских и 50 немецких. Эксперимент был анонимным. Перед выполнением задания испытуемые заполняли графы «родной язык», «возраст», «пол» и «специальность». Параметры «родной язык» и «возраст» считались основными критериями при отборе анкет. Для получения более однородных и точных результатов был отклонен ряд анкет, в которых был указан иной язык, возраст. Также для дальнейшего анализа не принимались забракованные анкеты (несоответствие правилам ответа, пустые бланки и т. д.) [Елисеева, 2023].

Основным методом исследования был свободный ассоциативный эксперимент (АЭ) с регистрацией первой (и единственной) ассоциации. В каждом опросном листе из 20 стимулов только

РЕАКЦИИ НА СТИМУЛЫ СТРАХ, FEAR, ANGST

Отрицательные эмоции в поле «СТРАХ»	<i>паника 8, волнение 3, ужас 3, ненависть 2, тревога 2, беспокойство 1, гнев 1, разочарование 1.</i>
Отрицательные эмоции в поле «FEAR»	<i>terror 9, horror 4, panic 3, consternation 1, fright 1, hatred 1, uneasiness 1, worry 1.</i>
Отрицательные эмоции в поле «ANGST»	<i>Furcht 8, Panik 4, Schrecken 4, Horror 3, Empörung 2, Unruhe 2, Grauen 1.</i>

4 были связаны с концептом «страх» (для русского языка были отобраны слова-стимулы *страх, ужас, тревога, паника*, для английского – *fear, horror, anxiety, panic*, для немецкого языка – *Angst, Entsetzen, Unruhe, Panik*). Последовательность слов-стимулов в списках (20 стимулов) определена из принципа минимальной семантической связности стимулов-соседей.

На выполнение задания испытуемым было отведено неограниченное время, поскольку эксперимент проводился в онлайн-формате.

ОБРАБОТКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В эксперименте был собран массив реакций-ассоциатов для дальнейшего анализа. Всего было получено 3000 реакций, из которых 600 связаны с полем «СТРАХ». Данные были преобразованы в массив из 12 файлов, каждый из которых представляет собой алфавитно-частотный список ассоциатов на каждое из четырех слов-стимулов для трех языков.

При подсчете словоформ фиксировалась наиболее частотная реакция среди всех зарегистрированных форм данной леммы (например, на стимул СТРАХ дважды зафиксирована реакция *пауки* и однократно – реакция *паук*, в список была включена реакция *пауки* с суммарным частотным индексом три). После подсчета зафиксированных реакций-словоформ и лемматизации полученные ассоциативные поля были подвергнуты анализу и интерпретации.

НОМИНАЦИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ

При обработке и сравнении результатов трех экспериментов были выявлены определенные тенденции. Обнаружено сходство в реакциях испытуемых на стимулы УЖАС, ТРЕВОГА, ПАНИКА и соответствующие им HORROR, ANXIETY, PANIC (в английском языке), а также ENTSETZEN, UNRUHE, PANIK (в немецком языке). Самой популярной реакцией на эти стимулы является *страх, fear, Angst*. Это свидетельствует о том, что слова *страх, fear* и *Angst* образуют ядро ассоциативного поля. Реакция *страх* в русскоязычных опросных листах суммарно

зафиксирована 32 раза, реакция *fear* в англоязычных – 33 раза, *Angst* в немецких – 25 раз.

Часто в качестве реакций на предложенные слова-стимулы испытуемые указывали номинации отрицательных эмоций. Эти реакции (за исключением реакций *страх, fear, Angst*) приведены в таблице 1.

Ассортимент для русскоязычного и американского полей составляет 8 реакций, для поля на немецком языке – 7 реакций. При этом в сумме в немецком поле насчитывается 24 реакции, называющие негативные эмоции (49 реакций, если прибавить реакцию *Angst* с индексом 25). В русскоязычном поле подобных реакций 21 (53 реакции, если добавить к ним реакцию *страх* с индексом 32). И 21 реакция в англоязычном поле (54 реакции вместе с ассоциацией *fear* с индексом 33).

Таким образом, мы наблюдаем следующее:

- с учетом ассоциативных реакций *страх, fear, Angst*, американские студенты на предложенные стимулы реагируют словами, называющими отрицательные эмоции, чаще, чем русские и немецкие студенты;
- если мы не учитываем реакции *страх, fear, Angst*, то наибольшее число реакций, называющих негативные эмоции, будет зафиксировано в ассоциативном поле на немецком языке, несмотря на то, что ассортимент реакций в немецком поле меньше, чем в русском и американском полях.

Это говорит о более высоком уровне стереотипности, распространенности эмоциональных реакций в поле «ANGST», чем в полях «СТРАХ» и «FEAR».

Обратим внимание на реакции *гнев 1, разочарование 1, ненависть 2, hatred 1, Empörung 1*. Испытуемые в каждой языковой группе приводят в качестве реакций эмотивную лексику, которая не выражает эмоцию страха, но относится к группе отрицательных эмоций. Низкая частотность этих реакций говорит о том, что они относятся к периферии ассоциативного поля, однако тот факт, что они встретились во всех трех ассоциативных полях, говорит о том, что эмоциональные стимулы могут вызывать ассоциации, состоящие со стимулами в отношении ко-гипонимии.

Опираясь на вышеприведенные списки эмоциональных слов, мы можем определить, какие из вербальных обозначений эмоций находятся ближе к ядру каждого из ассоциативных полей.

Наиболее частотной эмоциональной реакцией в поле «СТРАХ» (после самой реакции *страх*) является реакция *паника* с частотным индексом 8. Большинство определений «паники» сходится в том, что:

1. следствием паники является потеря контроля;
2. часто паника является массовым явлением (хотя в некоторых случаях может носить и индивидуальный характер).

Эти положения находят свое отражение в древнегреческой мифологии. Слово «паника» восходит к имени покровителя пастухов и скотоводов, древнегреческого Бога дикой природы, пастбищ и лесов, Пана (один из испытуемых даже отреагировал этим именем на стимул ПАНИКА). С этим же именем связан фразеологизм «панический страх». Пан, хотя и отличался веселым нравом и своеобразным добродушием, был безобразен: у него была длинная борода, козлиные ноги и рога. Едва успев родиться, он стал скакать и хохотать, чем так напугал свою мать, что та обратилась в бегство [Кирдяшкина, Фоломеев, 2016]. Вполне узнаваемым в мифологии становится мотив внезапного появления Пана, вызывающего такой ужас у человека, что тот обращался в бегство, «не отдавая себе отчета в том, что само бегство может грозить гибелью» [Дюкова, 2017, с. 21]. В приведенных примерах раскрывается «бесконтрольность», присущая панике. Характер массовости можно проследить в поверьях пастухов, которым приходилось наблюдать, как из-за какого-нибудь незначительного фактора (им мог оказаться подозрительный шум, плохая погода, гром или даже просто шорох) стада выходили из-под контроля, в страхе животные массово могли кинуться в пропасть, в огонь, воду и т. д. Так бессмысленно погибали целые стада. Это явление пастухи объясняли гневом Пана [Кулинкович, Гуменюк, 2013].

Паника упоминается и в ассоциативных полях «FEAR» и «ANGST», но с более низким индексом частотности (*panic* 3, *Panik* 4). В англоязычном ассоциативном поле вторая по частотности эмоциональная реакция после *fear – terror* с частотным индексом 9. Словарь Merriam-Webster определяет *terror* как состояние сильного непреодолимого страха («a state of intense or overwhelming fear» (Merriam-Webster). Схожее определение дано в словаре Cambridge Dictionary: крайняя степень страха (*extreme fear*) (Cambridge dictionary). Американские студенты были склонны давать реакцию, используя слово, синонимичное слову «fear», но отличающееся большей интенсивностью эмоционального напряжения.

В поле «ANGST» наиболее частотной эмоциональной реакцией является существительное *Furcht* с частотным индексом 8. В словаре Duden предлагается следующее определение: страх перед угрозой или опасностью («Angst angesichts einer Bedrohung oder Gefahr») (Duden online). Примечательно, что значение слова «Furcht» вводится словом «Angst», являющимся ядром поля.

В словарной статье «Furcht» немаловажным является дополнительный комментарий: в терминологии философии и психологии существует разница между понятиями «Furcht» и «Angst», которая заключается в том, что «Furcht» является эмоцией, направленной на объект (*objektbezogen*), а «Angst» – необоснованной, не направленной на какой-то определенный объект (*unbegründet, nicht objektbezogen*). Но в языке повседневного общения «Furcht» теряет свое терминологическое значение и употребляется как синоним слова «Angst», приобретая при этом возвышенную окраску.

Реакция *Furcht* четыре раза из восьми была дана на стимул ANGST. Для данного стимула эта реакция становится наиболее частотной.

БОЯЗНЬ ТЕМНОТЫ

На стимул ANGST наиболее часто немецкие респонденты реагировали словом *Furcht*. Наиболее частыми ассоциатами на стимулы СТРАХ и FEAR были реакции *темнота* (зафиксирована семь раз) и *darkness* (зафиксирована пять раз). В ассоциативном поле «СТРАХ» примечательны также ассоциаты, связанные с отсутствием света: *тьма, ночь, темная комната, мрак*. Реакции, связанные с темнотой, встречаются также в ассоциативном поле «ANGST», хотя значительно реже, чем в поле «СТРАХ»: здесь же дважды получена реакция *Dunkelheit* (на слово-стимул ANGST) и дважды – реакция *Nacht* (по одному разу на стимулы ANGST и ENTSETZEN).

Приведенные выше реакции отражают такое явление как «*никтофобия*» (боязнь темноты), которая считается одной из самых распространенных фобий, особенно среди детей. Таким образом, можно сделать вывод, что русские студенты либо чаще, чем американские и немецкие, подвержены боязни темноты, либо же они чаще в процессе поиска ассоциаций обращаются к своему детскому опыту.

Помимо страха темноты испытуемые упоминали ночные кошмары. В поле «СТРАХ» реакция *кошмар* была зафиксирована 1 раз. В поле «FEAR» реакция *nightmare* появляется трижды. В поле «ANGST» реакция *Albtraum* была указана два раза. Реакции *кошмар 1* и *nightmare 3* были вызваны стимулами УЖАС и HORROR (эмоции, которые

СИМПТОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЯХ «СТРАХ», «FEAR», «ANGST»

Симптоматическая лексика в ассоциативном поле «СТРАХ»	<i>крик 2, нервозность 2, паническая атака 2, Aaaaa 1, апатия 1, бег 1, бегство 1, беспокойство 1, все бегут 1, нехватка воздуха 1, округленные глаза 1, ор 1, расширенные зрачки 1, сердце 1, сердцебиение 1, спрятаться 1, тяжесть в груди 1</i>
Симптоматическая лексика в ассоциативном поле «FEAR»	<i>scream 9, run 4, cold 3, tremor 3, nail biting 2, breathing 1, burst into tears 1, difficult breathing 1, gasp for air 1, heart pounds 1, heavy breathing 1, insomnia 1, panic attack 1, scratch 1, shiver 1, to be on edge 1, to make your hair stand on end 1</i>
Симптоматическая лексика в ассоциативном поле «ANGST»	<i>Herzklopfen 4, Schrei 4, Schock 3, zittern 2, Atemnot 1, Haare stehen zu Berge 1, Herz 1, Kribbeln auf der Haut 1, Massenpanik 1, Panikattacke am Telefon 1, schlaflos 1, Schweiß 1, sich verbergen 1, weit geöffnete Augen 1, zappeln 1, Zittern 1</i>

отличаются большей интенсивностью, чем «страх» и «fear»). Реакция *Albtraum* возникла на два стимула – *ANGST* и *ENTSETZEN*. Связь понятий «*Albtraum*» и «*Angst*» можно объяснить тем, что одним из синонимов слова «*Albtraum*» является «*Angsttraum*». Таким образом, можно считать, что связь реакции *Albtraum* и слова-стимула *ANGST* «навязана» лексической системой немецкого языка. А связь *Albtraum* и *ENTSETZEN* по аналогии с реакциями *СТРАХ* – *кошмар* и *HORROR* – *nightmare*, скорее объясняется общекультурной (в контексте нашего исследования трех лингвокультур) тенденцией.

При этом, если мы обратимся только к реакциям на стимулы *УЖАС*, *HORROR* и *ENTSETZEN*, то станет очевидно, что чаще всего это явление упоминали американские студенты.

ПАНИЧЕСКАЯ АТАКА И СИМПТОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Ниже представлена симптоматическая лексика, связанная с процессом активации поведения в момент, когда человек испытывает страх. В таблице 2 приведены ассоциаты, связанные с физиологическими реакциями организма, с желаниями и моторной активностью.

К физиологическим мы относим реакции:

- *крик 1, Aaaaa 1, нехватка воздуха 1, округленные глаза 1, ор 1, расширенные зрачки 1, сердцебиение 1, тяжесть в груди 1*. Мы предполагаем, что к этому ряду ассоциатов можно отнести и *сердце 1*, так как испытуемый мог иметь в виду ускоренное сердцебиение (ассоциативное поле «СТРАХ»);
- *scream 9, cold 3, tremor 3, nail biting 2, burst into tears 1, difficult breathing 1, gasp for air 1, heart pounds 1, heavy breathing 1, scratch 1, shiver 1, to make your hair stand on end 1* (ассоциативное поле «FEAR»);

- *Herzklopfen 4, Schrei 4, zittern 2, Atemnot 1, Haare stehen zu Berge 1, Kribbeln auf der Haut 1, Schweiß 1, weit geöffnete Augen 1, zappeln 1, Zittern 1*. По аналогии с реакцией *сердце 1* в поле «СТРАХ» считаем возможным добавить реакцию *Herz 1* к списку ассоциаций, называющих физиологические реакции (ассоциативное поле «ANGST»).

Следует отметить, что ассоциации *крик 1, Aaaaa 1, ор 1, scream 9, Schrei 4* мы рассматриваем не как речевую деятельность, а как невербальную физиологическую реакцию, поскольку сильно испуганный человек не выражает свои эмоции вербально, а издает произвольный крик.

Ассортимент ассоциаций, связанных с физиологической реакцией организма на страх, на русском и немецком языках (9 различных реакций в каждом из этих двух полей) меньше, чем на английском языке (12 реакций).

К желаниям и к моторной активности (моторная активность запускается желанием) можно отнести реакции *бег 1, бегство 1* и *run 4*, однако подобные реакции отсутствуют в поле «ANGST». В ассоциативных полях «СТРАХ» и «ANGST» присутствуют реакции, связанные не с моторной активностью, но с желаниями: *спрятаться 1, sich verbergen 1*.

Симптоматическая лексика в немецком и американском ассоциативных полях включает ассоциаты:

- Поле «ANGST»: *Haare stehen zu Berge, Zittern, zittern*.
- Поле «FEAR»: *shiver, cold, to make your hair stand on end*.

В этих ассоциатах отражен метафорический подход к описанию эмоций. В статье «Метафора в семантическом представлении эмоций» речь идет о том, что восприятие человеком страха и холода метафоризируются сходным образом, что является закономерностью [Апресян В., Апресян Ю., 1993]. Это предположение подтверждают приведенные выше реакции.

Ассоциации *to make your hair stand on end* и *Haare stehen zu Berge* мы также относим к телесной метафоре, так как оба состояния (холода и страха) вызывают сужение кровеносных сосудов и появление «гусиной кожи», что подтверждается реакциями в полях «FEAR» и «ANGST», хотя это выражение не встречается в поле «СТРАХ».

Многие полученные реакции связаны с явлением «паническая атака» [Крылов, 2023], с которым русскоязычные испытуемые ассоциировали стимулы УЖАС и ТРЕВОГА. На стимулы ПАНИКА, PANIC и PANIK высокочастотными (вторыми по частотности) были реакции *ama 5, attack 4, Attacke 5*. В качестве реакций были также указаны симптомы, характерные для явления панической атаки.

- Поле «СТРАХ»: *тревога 2, нехватка воздуха 1, беспомощность 1*. К той же группе относятся ассоциаты *сердцебиение 1 и сердце 1*.
- Поле «ANGST»: *Atemnot 1, Herz 1, Herzklopfen 1*. Также немецкие студенты указали реакцию *Unruhe 2* (что интересно, поскольку на стимул UNRUHE не зафиксировано ни одной реакции Panik).
- Поле «FEAR»: *anxiety 2, breathing 1, difficult breathing 1, gasp for air 1*.

В исследуемых полях также зафиксированы ассоциаты, связанные с:

1. моментом наступления панической атаки;
2. попыткой предотвратить паническую атаку.

К первой группе мы отнесли синтагматические реакции *seizes 1* и *неминуема 1*, а ко второй – ассоциации *prevent 1, verhindern 1* и *контроль 1*.

Поскольку паническая атака является распространенной патологией, полученные ассоциации могут свидетельствовать с высокой вероятностью о том, что испытуемые трех языковых лингвокультур сталкивались с данным явлением, или имеют представление о нем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Моделирование ассоциативных полей «СТРАХ» основывается на результатах серии ассоциативных

экспериментов, проведенных с группами студентов трех стран. Этот метод позволяет исследовать внутренний лексикон носителей языка и выявлять особенности языковой картины мира однородных групп испытуемых. Основанием для объединения этих групп могут служить различные факторы. Например, общая культура, принадлежность к определенной возрастной категории, родной язык, пол, профессиональная сфера и т. д. Проведенная серия экспериментов показала, как эмотивное поле «страх» реализуется в различных культурах во внутреннем лексиконе студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Принадлежность испытуемых к общей возрастной и социальной группе делает полученный материал более однородным.

Анализ показал, что ассоциации в различных языковых группах отражают специфику языка и культуры. С другой стороны, наблюдалось большое количество сходных тенденций.

Данное явление можно объяснить тем, что страх относится к базовым эмоциям. Каждый человек когда-либо испытывал эту эмоцию, и реакция на страх универсальна. Этим и объясняется сходство ассоциаций в различных языковых группах, в особенности, если речь идет о реакциях, отражающих симптоматику страха. В ходе анализа удалось выяснить, что эмоцию страха у многих людей вызывают совпадающие или сходные объекты, явления, ситуации. Нередко номинации этих объектов, явлений, ситуаций испытуемые дают в качестве ассоциатов. По таким реакциям мы можем определить, что наборы явлений, объектов, ситуаций в исследуемых лингвокультурах, хотя имеют ряд различий, не лишены и определенного сходства.

В дальнейшем исследование может быть продолжено путем расширения объема выборочной совокупности (повышения репрезентативности исследования) и уточнения выводов. Могут быть введены дополнительные параметры при отборе испытуемых (изменение граничных условий в рамках социальных и возрастных групп).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долинский В. А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. СПб.: Алетейя, 2022.
2. Елисеева А. Д. Сопоставительное исследование семантического поля СТРАХ / FEAR (на материале ассоциативных экспериментов) // Collegium Linguisticum. 2023. С. 48–52.
3. Баженова И. С. Эмоции, прагматика, текст. М.: Менеджер, 2003.
4. Свендсен Л. Философия страха / пер. с норв. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
5. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С. 27–35.

6. Кирдяшкина Д. В., Фоломеев А. А. Античные фразеологизмы – с доисторических времен до современности // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. С. 1173–1174.
7. Дюкова Г. М. Панические расстройства в практике невролога // Ремедиум Приволжье. 2017. № 2 (152). С. 21–24.
8. Кулинкович Ю. Ю., Гуменюк О. В. Факторы и механизмы массовой паники при чрезвычайных ситуациях // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2013. № 2 (171). С. 261–267.

REFERENCES

1. Dolinskii, V. A. (2022). Teoriya assotsiativnykh polei v kvantitativnoi lingvistike = Associative field theory in quantitative linguistics. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ).
2. Eliseyeva, A. D. (2023). Sopostavitel'noe issledovanie semanticheskogo polya STRAH / FEAR (na materiale assotsiativnykh eksperimentov) = Comparative study of the semantic field СТРАХ / FEAR (on the material of associative experiments) (pp. 48–52) // Collegium Linguisticum: the digest of articles of a scientific students' conference. (In Russ).
3. Bazhenova, I. S. (2003). Emotsii, pragmatika, tekst = Emotions, pragmatics, text . Moscow: Menedzher. (In Russ).
4. Svendsen, L. (2010) Philosophy of fear / Transl. from Norwegian M.: Progress-Tradition. (In Russ).
5. Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D. (1993). Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii = The role of the metaphor in the semantic representation of emotions. Voprosy jazykoznanija, 3, 27–35. (In Russ).
6. Kirdyashkina, D.V., Folomeev, A.A. (2016). Antichnye frazeologizmy – s doistoricheskikh времен do sovremennosti = Antique idioms – from an antiquity to the present day. Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики: the digest of articles of a scientific conference, 2, 1173–1174 (In Russ).
7. Dyukova, G. M. (2017). Panicheskie rasstroistva v praktike nevrologa = Panic disorders in the practice of a neurologist. Remedium Privolzh'e, 2(152), 21–24. (In Russ).
8. Kulinkovich, Yu. Yu., Gumenyuk, O. V. (2013). Faktory i mekhanizmy massovoi paniki pri chrezvychainykh situatsiyakh = Factors and mechanisms of mass panic in emergencies. St. Petersburg State Polytechnical University Journal, 2(171), 261–267. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долинский Владимир Аркадьевич

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Елисеева Арина Дмитриевна

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dolinsky Vladimir Arkadievich

Doctor of Philology (Dr. habil), Assoc. Prof.
Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics
Moscow State Linguistic University

Eliseyeva Arina Dmitrievna

Postgraduate Student at Applied and Experimental Linguistics Department
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'271:004.946

Концептуализация дружеских и неприязненных взаимоотношений в немецкоязычном виртуальном пространстве

М. А. Иванова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mashaliva@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются языковые средства, объективирующие ядро (понятийную составляющую) и периферию (предметно-образную и ценностную составляющие) концептов NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ, отражающих возникшие в условиях виртуальной коммуникации типы межличностного взаимодействия. Показано, что в немецкоязычной лингвокультуре появились принципиально новые виды дружеских и неприязненных отношений и, как результат, новые способы их концептуализации, что находит отражение и на языковом уровне.

Ключевые слова: концепт, виртуальная коммуникация, социальные сети, межличностные взаимоотношения, дружба, вражда

Для цитирования: Иванова М. А. Концептуализация дружеских и неприязненных взаимоотношений в немецкоязычном виртуальном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 62–67.

Original article

Conceptualization of (Un-)Friendly Relationships in German-Language Virtual Space

Maria A. Ivanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mashaliva@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes the linguistic means objectifying the core (notional component) and periphery (image and value components) of the concepts NETZFREUNDSCHAFT and HASS IM NETZ, presenting the ways of interpersonal interaction that appeared in the virtual communication. It is shown that fundamentally new forms of (un-)friendly relations and, as a result, new ways of their conceptualization have appeared in German-speaking linguoculture, which is reflected at the language level.

Keywords: concept, virtual communication, social networks, interpersonal relationships, friendship, hate

For citation: Ivanova, M. A. (2024). Conceptualization of (un-)friendly relationships in German-language virtual space. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 62–67. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Виртуальная коммуникация (т. е. общение с помощью чатов, мессенджеров, социальных сетей) стала неотъемлемой частью современной жизни, что приводит к серьезным изменениям в обществе, в частности, постепенно меняется речевое поведение субъектов коммуникации. Актуальность данной работы обусловлена высокой степенью влияния социальных сетей на реализацию и концептуализацию базовых межличностных отношений, подтверждение чему можно найти на языковом уровне.

Целью данной работы является выявление языковых особенностей объективации концептов NETZFREUNDSCHAFT (ДРУЖБА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ) и HASS IM NETZ (НЕНАВИСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ) для изучения процессов трансформации базовых для виртуальной коммуникации межличностных отношений. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: обобщить особенности чат-коммуникации, в рамках которой реализуются межличностные отношения, и, опираясь на понятие «концепт» и его структуру в рамках лингвокультурологии, методами контекстуального и концептуального видов анализа определить языковые способы объективации ядра и периферии исследуемых концептов (т. е. их понятийной, предметно-образной и ценностной составляющих).

В теоретическую базу исследования входят труды В. И. Карасика (2003), И. А. Стернина и З. Д. Поповой (2001), в которых анализируется лингвокультурный подход к пониманию концепта и полевой модели концепта, а также работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2003) по когнитивной метафоре.

Материалом исследования служат контексты из немецкоязычных социальных сетей, подростковой литературы и СМИ, содержащие прямые и метафорические реализации рассматриваемых концептов (всего около 1500 контекстов).

ЧАТ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В естественной коммуникации реализуется целый ряд межличностных отношений, отличающихся количеством различных контактов, длительностью, содержанием, способами начала и поддержания отношений. При этом важное место в межличностной коммуникации занимает процесс ритуализации, который служит для обозначения границ взаимодействия коммуникантов, выступая как форма взаимной поддержки или взаимного принятия,

а также как форма защитного поведения. По мнению Ю. В. Монича, ритуализация общения характеризуется регулирующей функцией, которая заключается в подтверждении принадлежности или непринадлежности людей к единой общности [Монич, 2001].

В настоящее время альтернативой непосредственного личного общения стала виртуальная коммуникация. Количество участников, активно задействованных в виртуальном общении, постоянно растет. В виртуальном пространстве формируются социальные сети, которые вырабатывают свои нормы и стратегии общения и формируют новые ценностные приоритеты [Анищенко, 2019]. В современном мире чат-коммуникация становится одной из основных платформ для реализации межличностных отношений, так как количество пользователей социальных сетей постоянно растет, и общение в виртуальном пространстве всё больше похоже на реальную коммуникацию.

Чат-коммуникация трактуется как виртуальная интерактивная среда общения с квазисинхронной формой диалоговой коммуникации [Schlobinski, 2005]. Опосредованность, дистантность и анонимность, текстоцентричность и интермедийность коммуникации в виртуальном пространстве, а также физическая непредставленность коммуникантов отличают виртуальное общение от реального. Основной особенностью чат-коммуникации является концептуальная устность, т. е. она является устной по концепции и письменной по форме реализации. Благодаря этому в чате создается иллюзия непосредственного общения, возникает письменный диалог, происходящий в реальном времени и между находящимися на расстоянии людьми. В результате возникает новая форма языка, характеризующаяся концептуальной устностью, – язык социальных сетей [Иванова, 2020]. При этом язык социальных сетей не просто является отражением в виртуальном пространстве современной молодежной устной коммуникации, но и всё чаще используется при непосредственном устном общении.

Вышеперечисленные особенности виртуальной коммуникации создают в социальных сетях пространство для реализации как дружеских, так и неприязненных взаимоотношений. Иллюзия непосредственного общения и доступность социальных сетей помогают поддерживать связь с друзьями и заводить новые знакомства, в то время как анонимность и дистантность чат-коммуникации позволяют провоцировать других пользователей на негативную реакцию. Вследствие этого наиболее интересными для исследования являются личные, неофициальные отношения.

Отметим, что дружбу и вражду в виртуальном пространстве следует рассматривать как новые виды социального взаимодействия, как прототипы поддерживающих и неприязненных виртуальных взаимоотношений.

ЯДРО КОНЦЕПТОВ NETZFREUNDSCHAFT И HASS IM NETZ

Влияние виртуальной коммуникации на межличностные взаимоотношения изучается в работе посредством концептуального анализа, который является эффективным инструментом лингвокультурологии. В рамках данной работы термин «концепт» трактуется так, как его определяет В. И. Карасик, т. е. как представленная в языковом сознании «многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни» [Карасик, 2004, с. 172]. Культурный концепт включает три составляющие: понятийную, предметно-образную и ценностную.

Основываясь на структурных особенностях концепта, выделяется полевой подход к анализу концепта. И. А. Стернин и З. Д. Попова отмечали, что концепт получает полевое описание в терминах ядра и периферии концептуального поля. «К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее наглядные образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [Попова, Стернин, 2001, с. 60].

Полевая модель описания концепта отражает ранее перечисленные составляющие культурных концептов. Ядро концептуального поля включает понятийную сторону (признаковую и дефиниционную структуру концепта, его информационное содержание, а также семантическую и этимологическую характеристику). К периферии относятся предметно-образная сторона (закрепляющие концепт в сознании концептуальные метафоры, типичные образы и представления) и ценностная сторона (оценка и поведенческие нормы).

Дружеское и неприязненное межличностное взаимодействие в виртуальной коммуникации рассматривается как новые концепты NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ.

В рамках анализа понятийной стороны концепта NETZFREUNDSCHAFT показано, что новое значение лексемы *Freund* (как «контакт в социальных сетях») является ключевой для ядра концепта. Слово *Freund* в этом значении имеет высокую словообразовательную активность в языке

социальных сетей, результатом чего становится большое словообразовательное гнездо с корнем *-freund-*, например, *Überfreundung*, *Face-Freund*, *entfreunden*, *Freundesliste* и т. д. В отличие от естественной коммуникации синонимический и атрибутивный ряды ключевых понятий концепта демонстрируют отсутствие однозначно положительной коннотации.

На понятийном уровне концепта HASS IM NETZ обнаружено использование лексемы *Hass* в менее эмоционально окрашенном значении по сравнению с естественной коммуникацией. Также отмечается активное использование заимствований и появление новых лексем для разновидностей виртуальной вражды (*Trolling*, *Hate Speech*, *Flaming*, *Cybermobbing*) и для негативных комментаторов (*Internettrolle*, *hater*, *Hassredner*, *Internet-Hooligans*). Наблюдается попытка отделить вражду в реальной и виртуальной коммуникации друг от друга на языковом уровне.

Кроме того, для обоих концептов характерным является влияние англоязычной культуры на семантические особенности ключевых лексем. Лексемы *Freund* и *Hass* являются калькой английских *friend* и *hate*, используемых в англоязычном виртуальном пространстве в аналогичном контексте. В английском языке они имеют менее эмоционально окрашенное значение, чем в немецком, что объясняет появление у немецких лексем *Hass* и *Freund* новых, по сравнению с естественной коммуникацией, значений, близких к их английским аналогам.

ПЕРИФЕРИИ КОНЦЕПТОВ NETZFREUNDSCHAFT И HASS IM NETZ

Повседневная концептуальная система в значительной степени конструирует мышление и поведение людей. С. Г. Воркачев утверждает, что «в случае концепта метафора представляет собой “наглядное” моделирование чувственно невоспринимаемых сущностей» [Воркачев, 2004, с. 92]. Дж. Лакофф и М. Джонсон писали о высокой степени метафоричности концептуальной системы человека. Посредством метафорических выражений можно лучше понять образную природу человеческой деятельности, так как они системно соотносены в языке с метафорическими концептами. Благодаря этой системности у людей есть возможность осмысливать аспекты одного концепта в терминах другого [Lakoff, Johnson, 2003].

Виртуальная коммуникация вызывает трансформацию межличностных отношений, что приводит к новому конструированию их в нашем сознании и, как следствие, к новому описанию в языке, в результате чего появляются новые метафорические

модели. Новые метафорические модели, систематизирующие концепты NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ, объективируют образную сторону этих концептов.

В ходе исследования были выявлены четыре метафорические модели, объективирующие концепт NETZFREUNDSCHAFT. В виртуальной коммуникации дружба ассоциируется со списком контактов, что выражает модель NETZFREUNDSCHAFT ALS KONTAKTLISTE (ДРУЖБА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК СПИСОК КОНТАКТОВ), например: *zur Freundesliste hinzufügen; digital organisierte Freundeskreise; Freundesliste verwalten; den Freund löschen; entfolgen* и т. д. Эта метафорическая модель может быть представлена такими характеристиками, как большое количество контактов («друзей») и легкость начала «дружеских» отношений.

Модель NETZFREUNDSCHAFT ALS EINE GROSSE ANZAHL (ДРУЖБА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО) представлена такими языковыми выражениями, как *tausend, hunderte virtuelle Freunde; «Freunde» auf Facebook anhäufen; Überfreundung*.

Модель NETZFREUNDSCHAFT ALS FLÜCHTIGKEIT (ДРУЖБА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК МИМОЛЕТНОСТЬ) – *Freunde, die kommen und gehen; Freundschaften schnell knüpfen; Facebook-Freundschaften kann man meist vom Gegenüber völlig unbemerkt beenden*. Кроме того, виртуальная дружба сопоставляется с враждой, так как «другом» называется любой пользователь из списка контактов, и «другом» может оказаться абсолютно незнакомый человек или даже враг, что выражает модель NETZFREUNDSCHAFT ALS FEINDSCHAFT (ДРУЖБА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ВРАЖДА): *meisten dieser Freunde eigentlich Fremde waren; Freund = Feind; zwei Facebook-Bekannte hassen sich gegenseitig*.

Изменение образной стороны концепта HASS IM NETZ проявляется в появлении новых метафорических моделей. Виртуальная вражда сравнивается с нападением или военной кампанией, которая ведется вербальными атаками и у которой есть свои жертвы (HASS IM NETZ ALS ANGRIF (ВРАЖДА В СЕТИ КАК НАПАДЕНИЕ)): *Verbalattacken in sozialen Netzwerken; organisierte Hasskampagnen im Internet; Betroffene von Hassbotschaften; gegen die Hassattacken wehren*. Также виртуальная вражда ассоциируется с природными катастрофами, что выражается в двух метафорических моделях HASS IM NETZ ALS STROM / ALS FEUER (ВРАЖДА В СЕТИ КАК ПОТОК / КАК ПОЖАР), например: *Flaming; Hass flammt durchs Web; Posts verbreiten sich wie ein Lauffeuer; Hassstrom; Flood im Chat; Hasswelle rollt über einen*. Пользователи, распространяющие

вражду в виртуальном пространстве, сопоставляются с монстрами, которые анонимно нападают на других пользователей, что выражает модель KOMMENTIRENDER INTERNETNUTZER ALS MONSTER (КОМЕНТИРУЮЩИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ КАК МОНСТР). Пишущие негативные комментарии пользователи представляются в образе монстра (тролля), который и сам ведет себя агрессивно, и манипулирует и провоцирует на агрессию остальных пользователей (*hartnäckige Trolle; manipulative und aggressive Internetnutzer; online Raubtiere; Trolls beißen jeden*) [Иванова, 2022].

Рассмотрение ценностной стороны концепта заключается в анализе оценки приведенных выше образов концептов NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ, который показал, что эти образы находят отражение и в СМИ, и в художественной литературе. Последнее демонстрирует социальную важность этих феноменов для немецкоязычной культуры.

В рамках ценностной стороны анализа концепта NETZFREUNDSCHAFT показано, что некоторые аспекты, такие как сопоставление с большим количеством контактов или с врагом, оцениваются пользователями (крайне) негативно из-за невозможности поддерживать дружеские отношения с большим количеством виртуальных контактов и невозможности быть уверенным в личности «друзей», например: *«Auf Internetseiten wie Facebook oder Twitter haben viele Menschen mehr als 200 'angebliche' Freunde»; «Freund = Feind? ... Der – sogenannte – Freund einer Freundin hat mich angeschrieben und gleich wüst beschimpft: „Du Hure“ und so was»*. Сопоставление дружбы и списка контакта оценивается как отрицательно, так и положительно, так как виртуальные друзья противопоставляются настоящим реальным друзьям, но, с другой стороны, для многих разницы между виртуальными и реальными друзьями несуществует или она несущественна, например: *«ich habe auch eine ibf. und es funktioniert sogar mega gut... inzwischen ist sie wie eine Schwester die ich nie hatte»; «Durch das Internet erweitert sich der Raum potenzieller Freundinnen und Freunde jedoch enorm»*. Аспект мимолетности виртуальной дружбы оценивается пользователями нейтрально, например: *«Denn nachzuvollziehen wer einem da von der Freundesliste gesprungen ist – so gut wie unmöglich»*.

В проанализированных контекстах концепта HASS IM NETZ отражается яркая негативная оценка феномена виртуальной вражды в немецкоязычной лингвокультуре. Все образы виртуальной вражды, такие как сопоставление вражды и военной кампании, пользователя, который пишет негативные комментарии, и монстра, вражды

и пагубной природной стихии, имеют яркую негативную окраску и характеризуются отрицательными социально-политическими и общечеловеческими ценностями, например: «...*falsche, verletzende oder demütigende Kommentare in Sekundenschnelle viral und weltweit verbreitet werden können*»; «*Es braucht nur einen Klick, um das Leben eines Kindes zu ruinieren*»; «*Nun ist der Hass wieder da. Er ist deutlich eskaliert – und scheint immer radikaler zu werden*».

Можно утверждать, что в социальных сетях дружба и вражда стали качественно новыми способами межличностного взаимодействия, что привело к формированию новых концептов NETZFREUND-SCHAFT и HASS IM NETZ. Отметим, что их концептуальные поля пересекаются в областях лексем *Feindschaft* и *hate*, что объясняется анонимностью пользователей в виртуальном пространстве, которая может привести к добавлению в «список друзей» незнакомых, даже опасных пользователей.

Так как два новых концепта возникли в немецкой лингвокультуре сравнительно недавно и очень близки концептам FREUNDSCHAFT и HASS, они заимствуют лексическое поле этих концептов. В результате формируются две метафорические модели, которые появляются на базе метафорического переноса из области источника «Freundschaft» / «Hass» (дружба и вражда в естественной коммуникации) на область цели «Netzfreundschaft» / «Hass im Netz» (дружба и вражда в виртуальной коммуникации): INTERNETNUTZER ALS FREUND (Пользователь социальных сетей как друг) и INTERNETNUTZER ALS HATER (Пользователь социальных сетей как хейтер).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в работе показано, что в современном мире социальные сети становятся одной

из основных платформ для реализации дружбы и вражды, которые можно считать прототипами всех поддерживающих и неприязненных межличностных отношений в виртуальной коммуникации. Ввиду особенностей чат-коммуникации дружба и вражда трансформируются, вследствие чего возникают новые способы их концептуализации.

В результате проведенного концептуального анализа можно сделать вывод о том, что в немецкоязычной лингвокультуре на базе заимствования единиц из лексико-семантических полей «Freundschaft» / «Hass» сформировались концепты NETZFREUNDSCHAFT и HASS IM NETZ. Языковая объективация ядра и периферии выявленных концептов демонстрирует эти изменения. Ключевые для концептов лексемы *Freund* / *Freundschaft* и *Hasser* / *Hass* приобретают в рамках виртуальной коммуникации новые значения, что приводит к формированию новых семантических, синонимических и атрибутивных связей. Новые метафорические модели, объективирующие особенности реализации исследуемых межличностных отношений в виртуальном пространстве, демонстрируют появление новых закрепленных в сознании носителя немецкоязычной культуры образов и представлений. Отражение ценностной составляющей концептов в СМИ и в художественной литературе демонстрирует социальную важность новых типов социального взаимодействия для немецкоязычной лингвокультуры.

Таким образом, происходят глобальные изменения в концептуализации дружбы и вражды, вызванные использованием виртуальной коммуникации. Естественно предположить, что под влиянием этого глобального феномена трансформируются и многие другие базовые концепты, что требует дальнейшего лингвистического исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мониц Ю. В. На стыке ритуала и языка: комплексная мотивация в семантической эволюции // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 191–206.
2. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.
3. Schlobinski P. Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven // Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet (Linguistik – Impulse & Tendenzen, Band 10) / (Hrg.) T. Siever, P. Schlobinski, J. Runkehl. Berlin ; New York: Walter de Gruyter, 2005. S. 1–15.
4. Иванова М. А. Концепт Freundschaft (Дружба) в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 99–108.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
7. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

9. Иванова М. А. Языковое выражение концепта HASS (ненависть) в немецкоязычном виртуальном пространстве // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 1 (45). С. 93–101.

REFERENCES

1. Monich, YU. V. (2001). Na styke rituala i yazyka: kompleksnaya motivaciya v semanticheskoj evolyucii = At the intersection of ritual and language: complex motivation in semantic evolution. Yazyk i kul'tura. Fakty i cennosti. K 70-letiyu YU. S. Stepanova. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 191–206. (In Russ.)
2. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(827), 9–19. (In Russ.)
3. Schlobinski, P. (2005). Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven. Websprache.net: Sprache und Kommunikation im Internet (Linguistik – Impulse & Tendenzen, Band 10) / (Hrg) T. Siever, P. Schlobinski, J. Runkehl. Berlin ; New York: Walter de Gruyter, 1–15. (In Germ.)
4. Ivanova, M. A. (2020). Concept “Freundschaft” (“Friendship”) in Virtual Communication. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 19(4), 99–108. (in Russ.)
5. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language Circle: Person, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)
6. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2001). Ocherki po kognitivnoj lingvistike = Essays on Cognitive Linguistics. Voronezh: Istoki. Publ. (In Russ.)
7. Vorkachev, S. G. (2004) Schast'e kak lingvokul'turnyj concept = Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Lakoff, G., Johnson, M. (2003). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.
9. Ivanova, M. A. (2022). Linguistic expression of the concept HASS (hate) in the german-speaking virtual space. Vestnik of the Mari State University, 16, 1, 93–101. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Мария Александровна

старший преподаватель

кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova Maria Alexandrovna

Senior Lecturer

at the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев)

В. В. Катермина¹, Б. Г. Вульфович²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹katermina_v@mail.ru

²justb8888@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является анализ комментариев агрессивного характера с точки зрения используемых в них эмодзи с учетом как контекста такого комментария, так и его социальной и общественной значимости, а также того потенциального резонанса, который он создает в обществе. Актуальность и новизна статьи обусловлены тем, что сфера эмодзи нечасто встречается в лингвистических исследованиях на сегодняшний день, однако с позиции семиотики «смайлик» является знаком, содержащим в себе определенную лингвопрагматическую информацию. Данная сфера, безусловно, порождает интерес для ее дальнейшего исследования.

Ключевые слова: агрессия, комментарии, конфликт, эмодзи, конфликтная ситуация, оскорбление

Для цитирования: Катермина В. В., Вульфович Б. Г. Выражение агрессии посредством эмодзи (на материале интернет-комментариев) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 68–74.

Original article

Expressing Aggression through Emoji (based on Internet comments)

Veronika V. Katermina¹, Boris G. Vulfovich²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹katermina_v@mail.ru

²justb8888@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to analyze comments of an aggressive nature from the point of view of the emoji used in them taking into account both the context of such a comment and its social and public significance as well as the potential resonance that it can create in society. The relevance and novelty of the article are due to the fact that the sphere of emoji is not often found in linguistic research today, however, since from the standpoint of semiotics, a “smiley” is a sign containing certain linguopragmatic information, this sphere certainly generates interest for its further research.

Keywords: aggression, comments, conflict, emoji, conflict situation, insult

For citation: Katermina, V. V., Vulfovich, B. G. (2024). Expressing aggression through emoji (based on internet comments). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 68–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются результаты исследования взаимозависимости информативной нагрузки исходного комментария совместно с применением эмодзи в рамках конфликтного интернет-дискурса. Выбор данного вида дискурса обусловлен тем, что в нем наблюдается наибольшая эмоциональная экспрессия в текстовом эквиваленте. В связи с недостаточной экспрессивностью исключительно текстовых средств выражения эмоций авторы комментариев активно прибегают к использованию эмодзи для эмфатического усиления своего сообщения.

Более того, конфликтогенность сегодня является предметом научных интересов целого ряда ученых, исследующих этот феномен с точки зрения психолингвистики [Балясникова, 2015], креолизации текста [Ворошилова, 2013], юрлингвистики [Голев, 2002; Голев 2007], классификации параметров [Ким, 2017], эксплицитных и имплицитных маркеров [Марченко, 2016], негативной оценочности и создания коннотированного образа [Махина, 2016; Гусейнова, Горожанов, 2023], лингвопрагматики [Burton, 1990; Maluyga, Orlova, 2018; Akhrenova, Zapirova, 2023], что свидетельствует о неснижающемся высоком уровне актуальности исследований в данной области.

Паралингвистические средства коммуникации наряду с экстралингвистическими являются одними из самых важных компонентов современного интернет-текста. Чаще всего среди них используются эмодзи и эмодзи – «невербальные компоненты коммуникации, представленные в форме идеограмм, пиктограмм и смайликов» [Бабук, 2023а, с. 13].

Исследовательское поле концепта «Эмодзи» в настоящее время распространено практически по всему пространству массмедиа, за исключением сферы официальных источников информации. Практически в любом месте, где пользователи могут оставлять комментарии, ими активно используются разного рода паралингвистические способы выражения реакции на полученную информацию.

Поскольку эмодзи и эмодзи с точки зрения семиотики представляют знак (согласно определению Ч. Пирса, знак – это «любое материально-идеальное образование, которое служит для передачи определенной информации» [Гируцкий, 2016, с. 122]), то они могут рассматриваться нами непосредственно как элементы, несущие в себе определенный объем информации, а не просто картинки развлекательного характера, как это может показаться на первый взгляд.

Данные положения позволяют нам говорить об актуальности данного исследования. Антропоцентрическая парадигма в научных лингвистических

исследованиях сегодня акцентирует свое внимание непосредственно на человеке – создателе речевого и / или текстового произведения. Одна из проблем, возникших с появлением интернет-коммуникации, это – лаконичное выражение мыслей. Часто объем возможного комментария в Интернете ограничен количеством допустимых символов. Решение данной проблемы было представлено в виде смайликов, которые открыли новые возможности перед пользователями. Однако сами эмодзи стали обретать больше прагматических значений, чем предполагалось изначально, следовательно, целью нашего исследования является анализ комментариев с их использованием в контексте конфликтного интернет-дискурса.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным источником комментариев являются различные информационные каналы в мессенджере «Телеграм», содержащие в себе элементы конфликтного интернет-дискурса. Отбор комментариев производился в течение января 2024 года; в результате рассматриваемый объем постов с агрессивными комментариями составил порядка двухсот в разных информационных каналах мессенджера «Телеграм», однако при этом следует учитывать тот факт, что общее количество комментариев к данному посту может расти постоянно и бесконечно в силу их присутствия онлайн. Среди методов исследования преобладающим является метод частичной выборки, поскольку выбираются комментарии, содержащие в себе эмодзи и относящиеся к конфликтному дискурсу. Вторым по значимости является метод систематизации полученных результатов, используемый для обобщения материала. Итоговые результаты исследования представлены в виде сводной таблицы. Вспомогательные методы: метод мотивного анализа, в основе которого находится попытка узнать, какой именно мотив является стимулом автору для написания отзыва. Для трактовки и понимания смайликов используется семиотический метод; его употребление обусловлено тем, что смайлик является семиотическим знаком. Интертекстуальный анализ – поскольку комментарий может содержать различные прецедентные тексты, аллюзии и цитаты, данный метод также будет полезен для получения корректного понимания смысла комментария.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Как считает Е. И. Галяшина, эмодзи употребляются для того чтобы «более богато и разнообразно дополнять смысл высказывания, уточнять его

экспрессивно-интонационную окраску, используются вместе с кириллической графикой или латиницей, могут быть включены непосредственно в структуру высказывания, отделяются от единиц высказывания пробелами или запятыми» [Галашина, 2021, с. 120].

А. В. Бабук полагает, что эмодзи могут подразделяться на «положительные, отрицательные и нейтральные» [Бабук, 2023б, с. 15], что коррелирует с нашим отношением к высказыванию.

Рассматривая функции эмотиконов, профессор семиотики и лингвистической антропологии М. Данези выделяет следующие: фатическая (phatic), эмотивная (emotive), функция стандартизации (standardization), двусмысленность (ambiguity), культурное кодирование (culture coding) [Danesi, 2017].

Эти функции, наряду с их семиотическим смыслом, значительно дополняют параметры значения эмотиконов. Например, негативный эмотикон в одной культуре при применении культурного кодирования может стать либо нейтральным, либо положительным, поскольку именно так понятие, изображаемое им, и воспринимается в данной лингвокультуре.

Важно отметить, что в рамках данной работы любой текст, созданный человеком в области конфликтного интернет-дискурса, будет рассматриваться как преднамеренный, поскольку он является письменной формой общения, «которая предоставляет человеку дополнительный запас времени для того, чтобы создать текст сообщения, отредактировать его или даже вовсе удалить, что в целом позволяет современной криминалистике рассматривать совершаемые человеком действия в пространстве интернет-дискурса как преднамеренные» [Бабук, 2023а, с. 16].

Это весьма интересное наблюдение, поскольку если речевое высказывание может носить спонтанный характер (что не уменьшает ответственности говорящего за его слова), то текст, в отличие от него, проходит дополнительное осмысление, и в конце концов его создатель, имея все возможности просмотреть его, принимает решение об открытом опубликовании.

Проиллюстрируем фрагменты использования эмодзи в конфликтном дискурсе. В одном из Краснодарских пабликов в мессенджере «Телеграм» было размещено видеообращение молодой девушки, которая выразила свое мнение о том, что пенсионерам выплачивается слишком большая пенсия, которую можно было бы перераспределить и использовать для создания большего числа развлекательных заведений для молодежи. Безусловно, данный пост вызвал большой общественный резонанс (рис. 1).

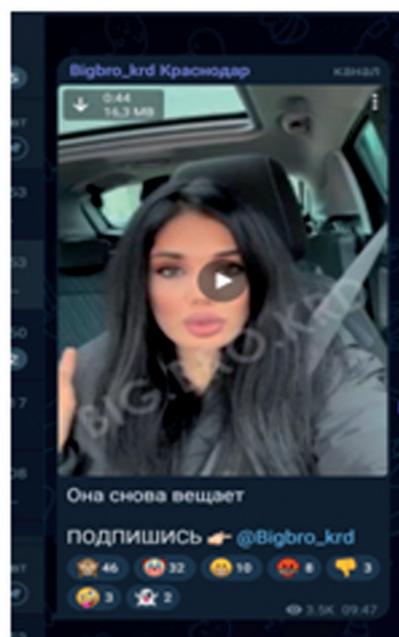

Рис.1. Видеообращение с призывом сократить пенсии

Рассмотрим некоторые реакции в комментариях, в которых использованы эмодзи. Отметим, что сама риторика обращения уже вызывает агрессивные чувства у человека (рис. 2).

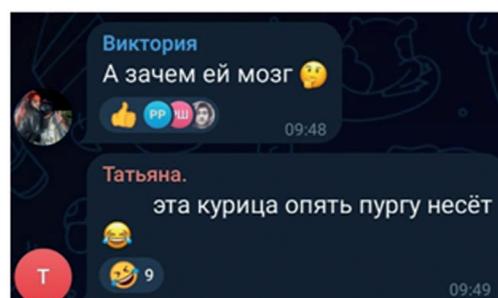

Рис. 2

В данных комментариях агрессивная риторика выражена прежде всего во втором комментарии. Оскорбление «курица» подчеркивает крайне негативное отношение автора к автору видео; однако смеющийся смайлик как знак здесь использован отнюдь не в своей положительной функции: как правило, смеющийся смайлик ассоциируется у людей с шуткой, однако здесь он выражает саркастическое отношение комментатора к автору видео. Первый комментарий не несет в себе такой негативной коннотации, но «задумчивый» эмодзи в своей прагматической функции содержит в себе призыв к людям задуматься о том, что происходит у нее в голове.

Также весьма интересным является эмодзи в виде обычной улыбки, поскольку его функциональный потенциал действительно многообразен – он

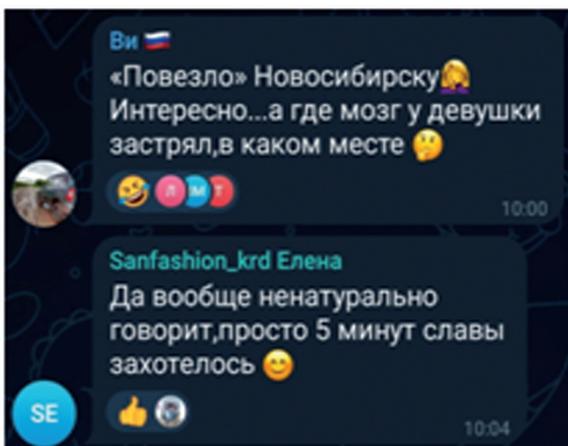

Рис. 3

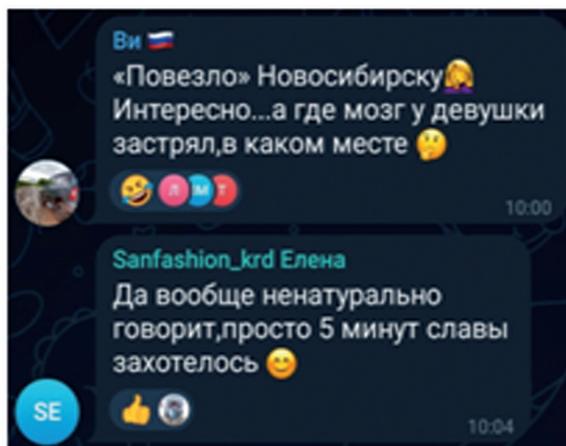

Рис. 4

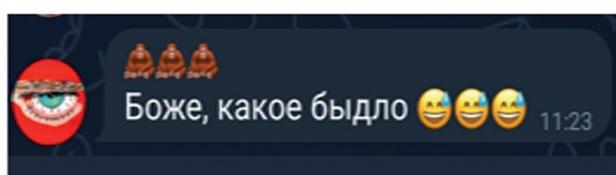
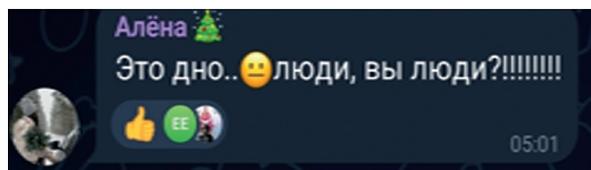

Рис. 5.

может быть использован как в фатической функции, так и в эмотивной, а также и в функции культурного кодирования и стандартизации. Автор комментария, использовавший его, выражает достаточно нейтральную мысль, однако подкрепляет ее данным смайликом. Можно предположить, что несмотря на общий негатив, автор старается сохранить позитивный ход мыслей и показать, что он не хочет напрямую участвовать в агрессивной риторике (рис. 3).

Следующим примером является пост, в котором описывается неуважительное отношение людей к арт-объектам в парке Галицкого в г. Краснодаре. В то время как охрана безуспешно старается призвать людей к порядку, они всё равно продолжают портить инсталляции и устраивать там фотосессии. На эту тему в комментариях под постом также появилась негативная полемика в отношении тех, кто так делает. Рассмотрим использование эмодзи в оставленных комментариях (рис. 4).

Данный комментарий является отрицательным, о чем свидетельствуют исключительно «злые» эмодзи в количестве 6 штук, что усиливает негодование автора. С точки зрения лингвопрагматики данный комментарий однозначен – он лишь указывает на высокую степень недовольства автора происходящими событиями, не несет какой-либо другой смысловой нагрузки.

Рассмотрим еще два комментария к данному посту (рис. 5).

В отличие от предыдущего комментария, где суть его была однозначна, первый комментарий

содержит в себе эмодзи, который может трактоваться по-разному в зависимости от восприятия: безразличие окружающих, ощущение беспомощности и безысходности, непонимание смысла происходящего и т.п. Данный комментарий – благодаря использованию данного смайлика – подчеркивает спектр эмоций, который испытывает автор, и тот факт, что эмоции более чем неоднозначны.

Во втором примере мы наблюдаем некоторое логическое противоречие: с одной стороны, комментарий отрицательный; автор дает свою негативную оценку людям, которые нарушают порядок. Однако эмодзи, используемые в нем, наоборот могут выражать позитивные эмоции, а именно смех. В данном случае эмотикон, согласно его функциональной стороне, выделенной профессором Марселем Данези, использован в функции двусмысленности (ambiguity), и в этом случае его семантическая составляющая заключается в том, что автор саркастически подчеркивает свое отношение к предмету комментирования, отмечая, что ему смешно от того, насколько всё плохо.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее часто встречаемые смайлики в интернет-комментариях. Являясь семиотическим знаком, эмодзи не всегда используются в прямом значении – часто их смысл определяет риторика комментария и контекст. Важно отметить, что комментарии являются непосредственно реакцией на исходный текст и без него они бы не появились вообще; следовательно, комментарий следует интерпретировать

как оценку исходного текста, а не как оценку комментариев по поводу исходного текста, что стало возможным благодаря совокупному использованию методов исследования в данной статье.

Представим полученные данные в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ЭМОДЗИ

Эмодзи	Основное значение	Добавочные значения
	Смех	Ирония, сарказм, насмешка
	Улыбка, приятный настрой	Фатическая / эмотивная функция, нейтральная мысль / идея
	Безразличие, апатия, нет слов	Ощущение беспомощности, непонимание смысла происходящего, молчаливое разочарование
	Задумчивость	Ирония, сарказм, насмешка, логическое противоречие
	Все запущено, все потеряно (гендер женский)	Разочарование, депрессия, безысходность
	Стыд	Провал, отсутствие результата
	Очень плохое / запущенное положение дел	Полное непонимание, отчаяние, распад

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время смайлики активно заполняют многие сферы интернет-дискурса. Они могут выражать как однозначные эмоции, так и быть двусмысленными и даже выражать какие-либо мнения или взгляды. Использование смайликов в современном интернет-сообщении в значительной степени раскрывает потенциал такого общения, так как спектр их значений намного превосходит их «классические трактовки».

В результате проведенного исследования мы констатируем факт, что двойственная природа

смайликов способна быть тройственной – автор может придавать им собственные коннотативные значения, которые будут определены исходя из контекста и ассоциативного ряда, созданного автором комментария. Не исключено, что для понимания некоторых смыслов потребуются некоторые фоновые знания. Предположим, что в будущем мы сможем выделить отдельный вид эмодзи, который будет тождествен идиостилю отдельно взятого человека (однако в таком случае потребуются его деанонимизация и отдельный анализ массива комментариев, принадлежащих непосредственно одному конкретному автору).

Согласно приведенной нами классификации каждый смайлик, являясь семиотическим знаком, способен выполнять как минимум несколько функций: свое «официальное» назначение, коннотативную функцию, а также он может реализовывать те оттенки значения, которые проявят себя только при заранее заданном определенном контексте, т. е. смеющийся смайлик также может обозначать иронию, насмешку и даже сарказм; задумчивый эмодзи может также указывать на глупость; стыдящийся смайлик также может отражать провал и отсутствие результата и т. д.

Проведенный анализ позволил нам выделить две функции смайликов – первичную и вторичную, что позволяет говорить об универсальном характере данных эмодзи – их первичное значение всегда является одинаковым (т. е. смеющийся смайлик так или иначе своей первичной функцией подразумевает смех), следовательно, здесь мы можем описать их с позиции универсальности. В случае контекстуальной девиации от первичной функции употребления данные эмодзи могут приобретать различные вторичные функции, однако в данном случае речь будет идти о частных случаях, а не об общей практике.

В совокупности своих значений – как денотативных, так и коннотативных – эмодзи, являясь одновременно семиотическим знаком и графическим инструментом, обладают обширным лингвопрагматическим потенциалом, который при дальнейшем рассмотрении открывает для филологической отрасли знаний большие перспективы для будущих исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балясникова О. В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтного текста // Вестник Новосибирского гос. унта. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. № 13 (4). С. 22–27.
2. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 177–183.

3. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. С. 110–123.
4. Голев Н. Д. Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск, 2007. С. 20–30.
5. Ким Г. В. Признаки отдельных видов конфликтного текста (на примере материалов региональной судебной практики) // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2017. № 27. С. 100–103.
6. Макаренко Г. С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтности публицистического текста // Вестник Башкирского университета, 2016. № 1 (21). С. 192–195.
7. Махина Л. А. Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтных текстов. *Litera*, 2016. № 4. С. 1–10.
8. Гусейнова, И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
9. Akhrenova N. A., Zaripov R. I. Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 801–817.
10. Burton J. W. *Conflict: Resolution and Prevention*. 1990.
11. Malyuga E. N., Orlova S. N. *Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication*. 2018. Springer.
12. Бабук А. В. Эмотиконы и эмодзи в интернет-коммуникации // Журналистика – медиалогия – наставничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023а. С. 13–17.
13. Гируцкий А. А. *Общее языкознание*. Минск : Вышэйшая школа, 2016.
14. Галяшина Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2. С. 42–48.
15. Danesi M. *The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet*. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 75–78.
16. Бабук А. В. Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы в текстах интернет-коммуникации при проведении судебной лингвистической экспертизы в республике Беларусь. Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам Международной научн.-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка». Москва, 12–13 октября 2023 г. 2023б. С. 16–33.

REFERENCES

1. Balyasnikova, O. V. (2015). Opyt psikholingvisticheskogo issledovaniya znacheniya odnogo iz klyuchevykh slov konfliktogennogo teksta [Journalism – medialogy – mentoring]. *Vestnik Novosibirskogo gos. unta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Novosibirsk State. unta. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 13(4), 22–27. (In Russ.)
2. Voroshilova, M. B. (2013). Kreolizovannyi tekst: printsip tselostnosti ili printsip zamenyaemosti [Creolized text: principle of integrity or principle of replaceability]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 4(46), 177–183. (In Russ.)
3. Golev, N. D. (2002). Pravovoe regulirovanie rechevykh konfliktov i yurilingvisticheskaya ekspertiza konfliktogennykh tekstov [Legal regulation of speech conflicts and legal linguistic examination of conflict-prone texts]. *Pravovaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: obshcheteoreticheskie i istoricheskie aspekty* [Modern philology: current problems, theory and practice] (pp. 110–123). Barnaul. (In Russ.)
4. Golev, N. D. (2007). Yurilingvistika i lingvokonfliktologiya (k tipologii yazykovykh konfliktov) [Jurilinguistics and linguistic conflictology (towards the typology of language conflicts)]. *Sovremennaya filologiya: aktual'nye problemy, teoriya i praktika* [Modern philology: current problems, theory and practice] (pp. 20–30). Krasnoyarsk. (In Russ.)
5. Kim, G. V. (2017). Priznaki otdel'nykh vidov konfliktogennogo teksta (na primere materialov regional'noy sudebnoy praktiki) [Signs of certain types of conflict-prone text (based on the example of materials from regional judicial practice)]. *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole* [Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at universities and schools], 27, 100–103. (In Russ.)

6. Makarenko, G. S. (2016). Eksplitsitnye i implitsitnye markery konfliktogennosti publitsisticheskogo teksta [Explicit and implicit markers of conflict potential of a journalistic text]. Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University], 1(21), 192–195. (In Russ.)
7. Makhina, L. A. (2016). Vyskazyvaniya s negativnoy otsenochnost'yu kak elementy struktury i smysla konfliktogennykh tekstov [Statements with negative evaluation as elements of the structure and meaning of conflict-generating texts]. Litera, 4, 1–10. (In Russ.)
8. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 16(6), 911–920. (In Russ.)
9. Akhrenova, N. A., Zaripov, R. I. (2023). Linguopragmatic Scopes of Modern Media Texts. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 14(3), 801–817.
10. Burton, J. W. (1990). Conflict: Resolution and Prevention.
11. Malyuga, E. N., Orlova, S. N. (2018). Linguistic pragmatics of intercultural professional and business communication (Springer).
12. Babuk, A. V. (2023). Emotikony i emodzi v internet-kommunikatsii = Emoticons and emojis in Internet communication. Journalism – medialogy – mentoring]: materialy mezhdunar. Nauch.-prakt. Konf., posvyashch. Pamyati B. V. Strel'tsova, Minsk. (In Russ.)
13. Girutskiy, A. A. (2017). Obshchee yazykoznanie = General linguistics. Minsk: Vyshnejshaja shkola. (In Russ.)
14. Galyashina, E. I. (2022). Semiotika emotikonov i animatsionnykh kartinok v aspekte sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy = Semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic examination. Bulletin of the University named after O. E. Kutafina (MSAL), 2, 42–48. (In Russ.)
15. Danesi, M. (2017). The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of the internet (pp. 75–78). London: Bloomsbury Academic.
16. Babuk, A. V. (2023). Semiotika emodzi i vyyavlenie verbal'noy ugrozy v tekstakh internet-kommunikatsii pri provedenii sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v respublike Belarus' = Semiotics of emoji and identification of verbal threat in Internet communication texts during forensic linguistic examination in the Republic of Belarus. Modern media text and forensic examination: interdisciplinary connections and expert assessment. Moskva, 12–13 oktyabrya, 16–33. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Катермина Вероника Викторовна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

Вульфович Борис Григорьевич

кандидат филологических наук
доцент кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Katermina Veronika Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of English Philology
Kuban State University

Vulfovich Boris Grigorievich

PhD (Philology)
Associate Prof. at the Department of English Philology
Kuban State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивная метафора в немецком научном экологическом дискурсе

А. А. Клиновская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anna-klinov2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование когнитивных метафор в немецком научном экологическом дискурсе. С позиций когнитивной лингвистики и с опорой на теорию когнитивной метафоры анализируются немецкие научные статьи, посвященные изменению климата. Делается вывод о преобладании артефактных метафор в научном экологическом дискурсе и о преимущественно нейтральном характере актуализируемых метафорических концептов. Климат метафорически представлен как механизм, находящийся в равновесии и способный к саморегуляции.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концептуальная метафора, эколлингвистика, экологический дискурс, научный дискурс

Для цитирования: Клиновская А. А. Когнитивная метафора в немецком научном экологическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 75–81.

Original article

Cognitive Metaphor in German Scientific Ecological Discourse

Anna A. Klinovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anna-klinov2@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the cognitive metaphors functioning in German scientific ecological discourse. Based on the theory of the cognitive metaphor, scientific articles devoted to the climate change are analyzed from the point of view of cognitive linguistics. The author concludes that artefact metaphors dominate the scientific ecological discourse and that most metaphorical concepts under analysis are neutral. The climate is metaphorically represented as a mechanism, which is balanced and self-regulated.

Keywords: cognitive metaphor, conceptual metaphor, ecolinguistics, ecological discourse, scientific discourse

For citation: Klinovskaya, A. A. (2024). Cognitive Metaphor in German Scientific Ecological Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 75–81. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Окружающая среда, по словам Дж. Лакоффа, существует не сама по себе, она тесно связана с другими сферами, такими как экономика, энергетика, питание, здоровье, торговля и безопасность [Lakoff, 2010]. Вопросы экологии в настоящее время обсуждаются не только среди ученых-экологов, они определяют новостную повестку, учитываются при принятии политических решений и влияют на повседневную жизнь современного человека. Появилась новая междисциплинарная область исследований – эколингвистика, занимающаяся изучением различных аспектов соприкосновения языка и экологии.

Цель статьи заключается в выделении когнитивных метафор, функционирующих в научном экологическом дискурсе, и в определении их прагматического потенциала. Теоретико-методологическую базу сформировали работы таких исследователей, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Е. Г. Беляевская, Н. Н. Болдырев, А. П. Чудинов.

Материалом для анализа послужил сборник научных статей под названием «Климат. Эксперимент с планетой Земля»¹, приуроченный к открытию одноименной выставки, которая проводилась в Немецком музее в Мюнхене. В сборнике представлены исследования климатических изменений, осуществляемые в различных научных областях: климатология, метеорология, палеонтология, геология, география, геофизика, физика, биология, химия, экономика, социология, история.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Основоположниками теории когнитивной метафоры считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, опубликовавшие в 1980 году всемирно известную книгу «Метафоры, которыми мы живем». Исходя из того, что мыслительные процессы во многом метафоричны, авторы утверждают следующее: «*Суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида*» (курсив наш. – Дж. Л., С. Дж.) [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 27]. При этом в книге уточняется, что под словом «метафора» подразумевается метафорическое понятие, или метафорический концепт.

Теория метафорических концептов получила развитие в отечественной лингвистике. Говоря о механизмах функционирования когнитивной метафоры, Н. Н. Болдырев обращает внимание на следующие ее особенности: «Приписывая человеку,

¹Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. Hrsg. Walter Hauser. München: Deutsches Museum, Münchener Rückversicherungs-Gesellschaft. 2002. 3д. и далее перевод наш. – А. К.

событию или объекту определенные характеристики с помощью метафоры, мы привлекаем к ним особое внимание и одновременно выделяем их из всего возможного перечня характеристик за счет обращения к другому когнитивному контексту, т. е. к другой концептуальной области. Целью этого выделения может быть также положительная или отрицательная оценка или специальное акцентирование данных характеристик» [Болдырев, 2019, с. 314–315]. Соответственно, автор выделяет три основные функции метафорической интерпретации: селективную, классифицирующую и оценочную.

Е. Г. Беляевская подчеркивает подвижный, динамический характер когнитивной метафоры: «Метафора представляет собой не статичную, жесткую проекцию, но гибкую и подвижную семантическую конструкцию, допускающую разную фокусировку» [Беляевская, 2020, с. 178]. Анализируя метафорические концепты, исследователь отмечает некую «упорядоченность» метафор, относящихся к одной номинативной области, и выдвигает следующую гипотезу: «Концептуально-метафорический номинативный базис представляет собой не простой набор метафорических концептов, но сложную и многомерную систему, определенным образом структурированную» [Беляевская, 2011, с. 21]. Эта система, включающая метафорические концепты, участвует в формировании концептуальной картины мира.

Следует упомянуть, что ученые отмечают высокий воздействующий потенциал когнитивной метафоры. Об этом писали еще в 1980 году Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий. Такие действия будут, конечно, соответствовать метафоре» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 184].

А. П. Чудинов, исследуя функционирование метафорических моделей в сфере политики, приходит к следующему заключению: «Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов... одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени). При таком моделировании обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности» [Чудинов, 2002, с. 299]. Представляется, что данные наблюдения, связанные с эмотивностью и воздействующим потенциалом когнитивной метафоры, можно распространить и на другие виды дискурса, помимо политического.

Дж. Лакофф, размышляя о проблемах экологии, подчеркивал, что ученым не достаточно представить результаты фундаментальных научных исследований окружающей среды, чтобы изменить образ мышления людей. Ученым следует принять положения когнитивной науки и создавать новые фреймы, отражающие реальное положение вещей и необходимые для того, чтобы понять суть экологического кризиса [Lakoff, 2010].

Обратимся к анализу немецкого научного экологического дискурса, чтобы проследить, какие метафорические концепты находят в нем реализацию и происходит ли создание новых фреймов, призванных донести до читателей серьезность экологической ситуации.

КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В качестве сферы-источника в когнитивных метафорах анализируемого дискурса может выступать сама природа (*die Kältewelle* – волна холода, *Wärmeinsel* – островок тепла), созданные человеком артефакты (*die Eiskappe* – ледяная шапка, *die Wolkendecke* – облачный покров, *die Wärmemaschine* – тепловой двигатель), социальные отношения (*der Angriff* – нападение, *das Spiel* – игра), а также терминология других научных областей (*der Katalysator* – катализатор, *die Symbiose* – симбиоз).

В терминологии любой научной сферы присутствуют термины, образованные путем метафорического переноса. В частности, среди экологических терминов можно назвать такие стертые или даже «мертвые» метафоры, как *der Treibhauseffekt* – парниковый эффект, *das Ozonloch* – озоновая дыра, *der Wasserkreislauf* – круговорот воды или *das Magnetfeld* – магнитное поле. Такие метафоры лишены образности и, как правило, стилистически нейтральны. В этой связи следует отметить, что нередко присутствующая в дискурсе средств массовой информации негативная коннотация слова *der Treibhauseffekt* отсутствует в анализируемом фрагменте научного дискурса. Напротив, специалисты подчеркивают, что лишь благодаря наличию парникового эффекта на Земле возможна жизнь:

Die Lufthülle der Erde schafft also durch ihre Strahlungseigenschaften optimale Lebensbedingungen auf der Erde. Nur durch den natürlichen **Treibhauseffekt** ist Leben auf unserem Planeten möglich (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde*. С. 165).

Схожие негативные ассоциации может вызывать и термин *der Klimawandel* – изменение климата, что также связано с освещением экологических

проблем в СМИ. Под климатическими изменениями в медийном дискурсе чаще всего понимается глобальное потепление, влекущее за собой природные катастрофы: наводнения, засухи, ураганы и т. п. Ученые же отмечают, что вся история планеты – это история глобального изменения климата, при этом потепления и похолодания периодически сменяют друг друга. В качестве видовых понятий к термину *der Klimawandel* используются основанные на метафорическом переносе лексемы, такие как *die Klimaschwankungen* – колебания климата, *die Klimaumschwünge* – повороты климата и *die Klimaturbulenzen* – турбулентности климата. В этих нейтральных номинациях благодаря лежащей в основе метафоре подчеркивается периодичность и разнонаправленность климатических изменений, как, например, в следующем контексте:

Die regelmäßig wiederkehrenden **Klimaumschwünge** mit Zeitperioden zwischen 10000 und 1 Million Jahren gehen hingegen auf Änderungen astronomischer Parameter zurück, die mit der Erdrotation und der Umlaufbahn der Erde um die Sonne zu tun haben (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde*. С. 89).

Хотя климат не является чем-то неподвижным, статичным и постоянно меняется, по отношению к климатической системе часто используется метафора равновесия, которая вербализируется при помощи синонимичных лексем *das Gleichgewicht* и *die Balance*.

Та же метафора, представляющая климат как тело, находящееся в равновесии, актуализируется при помощи фразеологизма *aus dem Lot bringen / вывести из равновесия*:

Erst mit der Industrialisierung konnte sich der Mensch immer mehr davon emanzipieren. Möglich wurde dies durch die Nutzung fossiler Energie, die wir heute verdächtigen, **das Klima aus dem Lot zu bringen** (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde*. С. 266).

В приведенном контексте высказывается предположение, что использование ископаемых источников энергии, возможно, нарушает равновесие климата.

Если рассматривать актуализируемые образные метафорические концепты, то самой частотной является модель КЛИМАТ – ЭТО МЕХАНИЗМ. Отдельные природные явления представляются как части этого сложного механизма. Например, значение тропиков в развитии атмосферных процессов характеризуется при помощи метафоры *der Ofen der riesigen Wärmemaschine* – топка огромного теплового двигателя, а теплое течение в Северной

Атлантике Гольфстрим описывается как «эффективное центральное отопление» (*eine wirkungsvolle Zentralheizung*) для стран Западной Европы.

Представление о климате как о механизме вербализируется также при помощи таких лексических единиц, как *der Selbstregulierungsmechanismus* – механизм, способный к саморегуляции; *die irdische Klimamaschine* – земная климатическая машина; *der Thermostat* – термостат; *die Kohlenstoffpumpe* – углеродный насос; *der Hebel* – рычаг; *der Motor* – мотор; *der Klimaantrieb* – двигатель, приводящий климат в движение:

Auch die Strahlung der Sonne, des **energetischen Motors** des Klimasystems, ist zeitlich nicht konstant, sondern unterliegt Schwankungen. Und schließlich zählt der Vulkanismus zu den externen **Antrieben** (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 152*).

В приведенном контексте солнце представляется как «энергетический мотор», приводящий в движение климатическую систему. Еще одним «внешним двигателем» выступает вулканизм. Из контекста явствует, что вовсе не человек управляет таким сложным механизмом, как климат: это самонастраивающаяся система.

Необходимо также упомянуть метафоры со сферой-источником РЕЛИГИЯ, при помощи которых природные катастрофы предстают божественным возмездием, а изображение планеты Земля, полученное со спутника, называется кодифицированной современными словарями метафорической лексемой *die Ikone* – икона:

Der Anblick des blauen Planeten aus dem All ist nicht nur zur **Ikone** unseres globalisierten Zeitalters geworden... (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 55*).

Еще одна широко представленная группа метафор включает примеры персонификации. Так, климат и семантически связанные с ним понятия предстают в образе капризного человека в таких метафорах, как *die Launen der Natur* – капризы природы, *launisches Wetter* – капризная погода, *die Wetterkapriolen* – причуды погоды.

Климат также ассоциируется с больным человеком, о чем свидетельствуют такие лексемы, как *die Klimadiagnose* – климатический диагноз и *sich erholen* – оправиться. Например, в следующем контексте уникальный взгляд на атмосферу и поверхность Земли, получаемый благодаря спутникам на ближних орбитах, представляется как важнейший источник данных для постановки «климатического диагноза»:

Der einzigartige Blick, den uns Instrumente auf Satelliten in erdnahen Umlaufbahnen auf Atmosphäre und Oberfläche der Erde bieten, bildet eine der wichtigsten Datenquellen für Wettervorhersage, Umweltüberwachung und insbesondere **Klimadiagnose** (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 152*).

Растительный и животный мир также олицетворяются и называются в заголовке одной из статей «вестниками изменения климата»:

Pflanzen- und Tierwelt als **Boten des Klimawandels** (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 219*).

В анализируемом фрагменте научного дискурса широко представлены социоморфные метафоры. Одной из сфер-источников, служащих для образного описания климатических изменений, является (ТЕАТРАЛЬНОЕ) ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Этот метафорический концепт реализуется при помощи таких лексем, как *der Akteur* – актер, действующее лицо; *die Arena* – арена; *das Szenario* – сценарий; *die Rolle* – роль.

Так, в статье «Klimawissenschaft als Akteur in der öffentlichen Arena¹», посвященной социальным аспектам экологических проблем, в качестве актеров выступают ученые, политики, представители энергетической отрасли, эко-активисты, журналисты, международные неправительственные организации и избиратели. В той же статье актуализируется метафора азартной игры. Сложность и противоречивость вопроса изменения климата объясняются тем, что «в игре участвуют многочисленные игроки» и «много поставлено на карту»:

Dies liegt daran, dass **viel auf dem Spiel steht**, die **Spieler** zahlreich sind und das Expertenwissen umstritten ist (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 386*).

Метафора карточной игры предполагает неискренность участников дискуссии, посвященной изменению климата, и их стремление к собственной выгоде.

В качестве синонима к лексемам *der Akteur* и *der Spieler* выступает заимствование *der Global Player*, присутствующее, например, в названии следующей статьи:

Die **Global Player** des Klimawissens: Die Herausbildung der internationalen Klimaforschung² (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. C. 123*).

¹Наука о климате – как актер на публичной арене.

²Глобальные игроки в науке о климате: формирование международных климатических исследований.

Значительную группу социоморфных метафор составляют спортивные метафоры, поддерживаемые лексемами *der Wettlauf* – *соревнование* и *der Rekord* – *рекорд*. Последнее слово часто выступает компонентом сложных слов, таких как *das Rekordjahr* – *рекордный год*; *der Rekordwert* – *рекордный показатель*; *der Kälterekord* – *рекордно низкая температура*. Указанная метафора фокусирует внимание читателей на беспрецедентности климатических явлений.

В научном дискурсе также присутствуют метафоры из сферы экономики, такие как *das Konto* – *счет*; *das Budget* – *бюджет*; *netto* – *нетто*; *die Bilanz* – *баланс, итог*:

Die **Nettoenergiebilanz** – also die Differenz aus der von der Sonne stammenden und der vom Planeten Erde reflektierten oder emittierten Strahlung – ist zwar im globalen Mittel, über die ganze Erde gesehen, nahe null, d.h., die Erde ist energetisch nahezu im Gleichgewicht (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. С. 64*).

В приведенном контексте в экономических терминах ученые пытаются понятнее объяснить читателям, как функционирует энергетический обмен. Метафора *die Nettoenergiebilanz* означает при этом разницу между солнечной энергией, попадающей на Землю, и исходящим от Земли или отраженным от нее излучением.

Климатологи имеют возможность восстановить историю климатических изменений благодаря исследованиям ледяного покрова, донных отложений, ископаемых. По отношению к этим источникам информации о климате используется метафорический концепт АРХИВ. Особенно часто эта метафора актуализируется в статье «Klima im Wandel: Lesen in den Archiven der Natur¹», чему способствует целый ряд однокоренных слов: *das Klimaarchiv* – *климатический архив*; *die Archivalien der Natur* – *документы из архивов природы*; *das Eisarchiv* – *ледяной архив*; *archivieren* – *архивировать*, а также лексема *aufzeichnen* – *записывать*. Ученые-палеоклиматологи предстают в образе историков, расшифровывающих «геологические и биологические архивные документы»:

Untersuchungen der geologischen und biologischen «**Archive**» der Natur zeigen: In den vergangenen 600 Millionen Jahren hat ein viermaliger Wechsel von Eiszeitaltern und Warmzeitaltern stattgefunden (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. С. 88*).

¹Климат в движении: как читать в архивах природы.

Представление о том, что история развития климата записывается в природе, также находит отражение в метафоре *die Folie* – *фон для сравнения, пленка*.

Die Veränderlichkeit des Klimas ... bildet die **Folie**, vor der wir den jüngsten, vom Menschen verursachten Klimawandel erst erkennen (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. С. 87*).

Изменчивость климата представлена в контексте как фон, на котором различимо видны последние изменения климата, вызванные деятельностью человека.

Ученые, занимающиеся изучением климата, отмечают, что с середины XIX века с началом эпохи индустриализации все отчетливее заметно вмешательство человека в климатические процессы. Образно результаты этого вмешательства представлены при помощи метафор *der Fingerabdruck des Menschen* – *отпечаток пальца человека* и *die Spuren des Menschen* – *следы человека*:

Der Kohlendioxidgehalt in der Erdatmosphäre steigt. Dies ist nur eine von vielen **Spuren des Menschen** im «System Erde» (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. С. 235*).

В данном контексте указывается, что повышение содержания углекислого газа в атмосфере – лишь один из множества «следов» человека в «системе Земля». Таким образом подчеркивается, что человек невольно влияет на окружающий мир и изменяет его. Ведь, как правило, человек не стремится к тому, чтобы оставить следы и отпечатки пальцев, он это делает неосознанно, когда идет или прикасается к чему-либо.

Другой фрейм используется, когда в научном экологическом дискурсе актуализируется вынесенный в название сборника метафорический концепт ЭКСПЕРИМЕНТ:

Die Menschheit unternimmt derzeit eines ihrer größten **geophysikalischen Experimente**, nicht im Labor und nicht auf leistungsfähigen Parallelrechnern, sondern im «realen» Erdsystem: «Business as usual» von Wirtschaft und Gesellschaft vorausgesetzt, wird die Menschheit mit hoher Wahrscheinlichkeit die Kohlendioxidkonzentration in der Erdatmosphäre bis zum Jahr 2100 gegenüber dem vorindustriellen Niveau mehr als verdoppelt haben (*Klima. Das Experiment mit dem Planeten Erde. С. 372*).

Ученые считают, что мы наблюдаем один из крупнейших геофизических экспериментов

человечества, который проводится не в лаборатории и не на мощных серверах, а в «реальной» экосистеме, в результате чего к 2100 году человечество, вероятно, удвоит концентрацию углекислого газа в атмосфере по сравнению с доиндустриальным показателем. Фрейм ЭКСПЕРИМЕНТ предполагает, что люди проводят его осознанно, имея определенную цель, некий план и определенные ожидания относительно результата. При этом существует вероятность того, что эксперимент будет неудачным. Таким образом, эта метафора поразумевает, что человечество сознательно вмешивается в природные процессы и потому несет ответственность за климатические изменения, вызванные индустриализацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что метафорические концепты широко представлены в немецком научном экологическом дискурсе. При этом актуализируются метафоры различных

видов – артефактные, социоморфные, антропоморфные и природоморфные. Климат чаще всего предстает как некий сложный механизм, динамическая система, способная к саморегуляции, реже актуализируется представление о том, что природа – это человек или божество. Климат представляется как некая система, развивающаяся независимо от людей. Роль человека в основном сводится к изучению истории климатических изменений (он «читает в архивах природы») и к разработке возможных «сценариев» изменения климата. С развитием индустриализации человечество стало заметно влиять на окружающую среду, и, называя человеческую деятельность экспериментом, ученые подчеркивают ответственность людей за климатические изменения.

В анализируемом фрагменте научного дискурса исследователи, занимающиеся изучением климатических изменений, используют уже существующие фреймы, противопоставляя человека природе. При этом оценивающая функция метафоры отходит на задний план, что обусловлено типом анализируемого дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lakoff G. Why it matters how we frame the environment // *Environmental Communication*. 2010. Volю 4. # 1. P. 70–81. DOI: 10.1080/17524030903529749
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019.
4. Беляевская Е. Г. Метафоризация как механизм структурирования образов в языке и тексте // *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сб. науч. ст. к 90-летию проф. В. Н. Телия / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 170–180.*
5. Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // *Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.*
6. Чудинов А. П. Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // *С любовью к языку: сб. науч. тр. посвящается Е. С. Кубряковой. М.; Воронеж: ИЯ РАН : Воронежский государственный университет, 2002. С. 298–310.*

REFERENCES

1. Lakoff, G. (2010). Why it matters how we frame the environment. In *Environmental Communication* (pp. 70–81). DOI: 10.1080/17524030903529749
2. Lakoff, G., Johnson, M. (2008). *Metaphors we live by*. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. (2019). *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (2020). Metaphoric Construal as a Means of Forming Images in the Language and the Text. In *Yazyk, kultura, tvorchestvo: Mirovye praktiki izucheniya = Language, culture, creation: World study practice* (pp. 170–180). Moscow: Gnozis. (In Russ.)
5. Belyaevskaya, E. G. (2011). Nominativnyi potentsial kontseptualnykh metaphor (kontseptualno-metamoricheskaya reprezentatsiya kak ierarkhicheskaya sistema) = Nominative potential of conceptual metaphors (conceptual

- metaphor representation as a hierarchic system). In Aktualnye problemy leksikologii i frazeologii = Actual problems of Lexicology and Phraseology (pp. 13–30). Moscow: IPK MGLU “Rema”. (In Russ.)
6. Tshudinov, A. P. (2002). Metaforicheskoye modelirovanie deistvitelnosti v politicheskom narrative = Metaphorical modeling of the reality in the political narrative. In S lyubovyu k yazyku = With Love for the Language (pp. 298–310). Moscow, Voronezh: IYa RAN, Voronezh State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клиновская Анна Анатольевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klinovskaya Anna Anatolyevna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	30.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Научная статья
УДК 81'42:811.111

Языковая репрезентация скрытых эмоциональных состояний в художественном нарративе: (на материале произведения Э. Хемингуэя «A Day's Wait»)

Е. Ф. Косиченко¹, М. В. Вовк²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

¹ekosichenko@gmail.com

²VovkMV@mpei.ru

Аннотация. В статье анализируется рассказ Э. Хемингуэя «A Day's Wait» с целью продемонстрировать, что так называемый в литературоведении «принцип айсберга» с лингвистической точки зрения может быть рассмотрен как текстовая оппозиция, основанная на противопоставлении эксплицированного центрального события и скрытой эмоциональной реакции некоторого персонажа на это событие. Использование методов структурного и нарративного анализа при работе с внутренним монологом рассказчика и метода контекстуального анализа при работе с диалогической речью позволяет реконструировать состояние внутреннего страха, пережитого главным героем в связи с его болезнью. Подчеркивается, что интерпретация произведений, построенных по «принципу айсберга», предполагает движение по «кругу понимания».

Ключевые слова: нарратив, событие, вербализация эмоций, языковая оппозиция, принцип айсберга, круг понимания

Для цитирования: Косиченко Е. Ф., Вовк М. В. Языковая репрезентация скрытых эмоциональных состояний в художественном нарративе: (на материале произведения Э. Хемингуэя «A Day's Wait») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 82–89.

Original article

Linguistic Representation of Hidden Emotional States in Literary Narrative (analysis of 'A Day's Wait' by E. Hemingway)

Elena F. Kosichenko¹, Marina V. Vovk²

^{1,2}National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia

¹ekosichenko@gmail.com, KosichenkoYF@mpei.ru

²VovkMV@mpei.ru

Abstract. The article sets out to analyze the story "A Day's Wait" by E. Hemingway to show that from a linguistic perspective, the so-called in literary criticism Iceberg story structure can be viewed as a textual opposition based on the contrast between the verbalized central event and a character's hidden emotions about it. Methods of structural and narrative analysis applied to the narrator's inner monologue, and contextual analysis applied to the dialogues, serve to reconstruct the inner fear that the main character experiences as a result of his illness. It is stressed that interpretation of literary works with the Iceberg structure involves the hermeneutic circle approach.

Keywords: narrative, event, verbalization of emotions, linguistic opposition, the Iceberg Theory, hermeneutic circle

For citation: Kosichenko E. F., Vovk M. V. (2024) Linguistic representation of hidden emotional states in literary narrative (analysis of 'A Day's Wait' by E. Hemingway). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 82–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Эрнеста Хемингуэя уже около ста лет привлекает внимание литературоведов и лингвистов, обращающих внимание как на проявления историко-культурных реалий и личных обстоятельств жизни писателя в его работах, так и на неповторимость его идиостиля, особый язык его произведений, который, являясь на первый взгляд простым и незамысловатым, скрывает значительно большее содержание, нежели эксплицирует. Умение писателя создавать произведения, глубина которых становится очевидной только по мере погружения читателя в текст и установления им связей между всеми единицами этого текста, привело к возникновению в литературоведении термина «принцип айсберга». Данный принцип используется не только в литературе, но и в различных видах искусства, и состоит в том, что на поверхности то или иное произведение передает небольшой объем информации, тогда как подлинные мысли, чувства и эмоциональные состояния художника или персонажей открываются реципиенту постепенно в результате многократного обращения к этому произведению.

В настоящем исследовании мы исходим из идеи о том, что «принцип айсберга» представляет собой оппозицию между эксплицированным главным событием и скрытыми переживаниями героем этого события. Понимание произведения, автор которого использовал «принцип айсберга», достигается в результате умения читателя принять во внимание общий контекст при взаимодействии с конкретной репликой персонажа, с одной стороны, и познавать ситуацию в ее целостности на основе каждого произнесенного слова, с другой стороны. Сказанное означает, что распознавание скрытого эмоционального состояния, связанного с центральным событием, требует рассмотрения общего сквозь призму частного и интерпретации частного на основе общего, иными словами, предполагает движение по «кругу понимания».

Актуальность выбранной темы определяется интересом лингвистики к проблеме структурно-семантической организации текстов и к принципам взаимодействия их различных элементов. Рассмотрение «принципа айсберга» как вербализуемой в диалогах текстовой оппозиции, с одной стороны, и опора на герменевтическую теорию «круга понимания» для определения скрытых эмоциональных состояний составляет научную новизну проводимого исследования. Поскольку в своих произведениях Э. Хемингуэй применяет «принцип айсберга» прежде всего при создании диалогов, мы обратились к короткому рассказу «День ожидания» (A Day's Wait), где ремарки главного героя

выступают одновременно средствами экспликации центрального события и сокрытия переживаемого им состояния страха. Таким образом, объектом проводимого исследования является «принцип айсберга», понимаемый как оппозиция между языковыми и контекстуальными значениями языковых единиц в нарративе. Предметом выступают реплики главного героя как средства инициации центрального события и одновременно сокрытия связанных с этим событием внутренних переживаний.

Цель исследования – продемонстрировать, что применение структурного, нарративного и контекстуального анализа диалогов позволяет реконструировать эмоциональное состояние героя по поводу центрального события текста. В нашем случае речь идет о чувстве страха, возникшего у главного героя из-за его болезни, но не высказанного в диалогах. В более широком смысле важно показать, что распознавание скрытого содержания происходит по кругу, когда подлинное значение произнесенных в диалогах слов устанавливается на основе целого текста. Так расширяется его смысловое поле.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическую основу проведенного исследования составили труды Ж. Лакана по проблемам бессознательного, теория интерпретации Ф. Шлейермахера и Г. Гадамера, а также работы отечественных лингвистов, обращавшихся к принципу «айсберга» как способу построения текста. Остановимся на важных для нашего исследования теоретических вопросах более подробно и в первую очередь рассмотрим, в чем именно заключается «принцип айсберга» и как он проявляется в художественном нарративе. Подчеркнем, что в статье мы понимаем нарратив как событийный текст, где следующие друг за другом эпизоды соединены некоторым структурным принципом [Лотман, 2023; Маслов, 2020; Тюпа, 2022]. В нашем случае в качестве такого принципа выступает «принцип айсберга» как оппозиция между тем, что наблюдается на поверхности, и тем, что скрыто за словами главного героя.

Обзор научных работ, где произведения художественной литературы рассматриваются с точки зрения их структурно-смысловой организации, показывает, что термин «принцип айсберга» часто используется применительно к диалогам персонажей. Наши личные наблюдения, сделанные в процессе работы с рассказами Э. Хемингуэя, дают основания полагать, что герои этих рассказов ограничиваются единичными репликами не с целью скрыть некоторую информацию, а, напротив, актуализировать таким образом свое душевное состояние. Данное наблюдение подкрепляется

достаточным числом лингвистических исследований, в которых отмечается, что контекстуальный анализ произносимых героями произведений Э. Хемингуэя фраз позволяет понять их отношения друг к другу, к внешнему миру и к себе самим [Зинченко, 2009; Оттенс, 2012; Евстигнеева, 2019]. Парадоксальным образом, скрытые в построенной по «принципу айсберга» диалогической речи смыслы призваны эксплицировать мироощущения персонажей, поэтому для выявления связи между тем, что вербализуется, и тем, что в действительности с ними происходит, необходимо движение по кругу, в ходе которого каждая реплика анализируется во взаимосвязи с другими единицами и элементами текста и с учетом всего контекста.

Согласно наблюдениям разных авторов, стиль Э. Хемингуэя отличается символичностью, при этом число привлекаемых в его произведениях символов может быть настолько велико, что в них складывается особый символический язык, а душевное состояние героев может передаваться через символическое использование в тексте названий времен года, погодных явлений, животных, предметов и т. д. (осень, жара, дождь, море, кошка, канарейка, окно, поезд, клетка) [Кадачиева, Абдулкадырова, 2020; Косиченко, 2024; Naimanova, Tynchtykbekova, 2022]. В известном смысле построенные по «принципу айсберга» диалоги также представляют собой символические элементы текста, когда реплики персонажей сообщают только о том, что лежит на поверхности, но при этом дают возможность заглянуть во внутренний мир героев и понять причины их вербального и невербального поведения. С этой точки зрения диалоги, построенные по «принципу айсберга», аналогичны речи «другого» в теории бессознательного Ж. Лакана, полагавшего, что анализ высказанного дает основания для предположений о характере протекающих у людей психических процессов и о часто неосознаваемых ими самими причинах, спровоцировавших эти процессы [Лакан, 1995]. Для постижения истинных причин поступков персонажей Э. Хемингуэя через произносимые ими слова необходимо, выражаясь словами Г. Гадамера, которые он использовал для пояснения того, что называют «кругом понимания», уметь, во-первых, «разбираться в чем-то», во-вторых, «вычленять мнение другого, разуметь подразумеваемое им» [Гадамер, 1991, с. 79]. Иными словами, при работе с диалогами в художественном нарративе лингвисту важно правильно выбрать исследовательские методы и чередовать их в процессе перехода от анализа отдельных элементов текста к изучению широкого контекста.

Таким образом, в статье мы исходим из того, что в произведениях Э. Хемингуэя в целом и в анализируемом нами рассказе в частности персонажи изъясняются одновременно на нескольких языках, а именно, на английском языке и на языке символов, где каждая единица имеет свое собственное значение, которое становится доступным по мере прочтения всего рассказа. Важно, что все повествование выстраивается вокруг события болезни главного героя, тогда как связанная с этим событием и активно переживаемая им эмоция страха остается скрытой от непосредственного наблюдения и может быть реконструирована посредством комплексного анализа диалогической речи.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В выбранном нами рассказе повествование ведется от лица участника центрального события, отца главного героя, который либо вступает в диалог с сыном, либо мысленно анализирует происходящее, либо описывает свои собственные действия и действия других участников события, в частности, лечащего врача. Таким образом в повествовании три типа речи: диалогическая речь, внутренний монолог повествователя и несобственно-прямая речь, которую, вслед за отечественными учеными, мы рассматриваем как самостоятельный тип речи и средство актуализации слов третьих лиц [Акимова, 2016; Алимова, 2020].

Ниже рассказ изложен в сокращенном виде на русском языке, диалоги между отцом и сыном приводятся на языке оригинала¹, фразы, принадлежащие мальчику, приводятся в статье без сокращений и выделены жирным шрифтом².

Утром мальчик входит в комнату родителей, которые сразу понимают по его бледному лицу, что он нездоров. На вопрос о том, что случилось, ребенок жалуется на головную боль, но в то же время отказывается ложиться в постель. Имя мальчика не названо в тексте, средством референции к нему выступает немецкое слово *Schatz* (сокровище) и английское слово *boy* (мальчик).

What's the matter, Schatz? – ***I've got a headache.*** – You better go back to bed. – ***No. I'm all right.*** – Что случилось, дорогой? – Голова болит. – Тебе лучше снова лечь. – Нет, все в порядке.

В приведенной цитате обращает на себя внимание необычная для детей девяти лет краткость ответов на вопросы. Категоричность фразы *No. I'm*

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. К., М. В.

²Выделено нами. – Е. К., М. В.

all right уже с первых строк способствует созданию ощущения излишней твердости в поведении ребенка, который как будто пытается убедить родителей и самого себя, что с ним все хорошо. Немного позднее, спустившись вниз, отец застаёт ребенка сидящим у камина полностью одетым. Приложив руку ко лбу мальчика, отец обнаружил, что у ребенка высокая температура. Далее следует диалог, в ходе которого взрослый настаивает на том, чтобы больной лег в кровать, однако снова получает отказ.

– You go up to bed <...> you're sick. – *I'm all right.* – Иди к себе и приляг <...> ты болен. – Я в порядке.

Обратим внимание на то, что в данном эпизоде фраза *I'm all right* произносится заново, но, благодаря отсутствию отрицательного местоимения *no*, высказывание выглядит менее категоричным.

Пришедший врач измеряет температуру тела ребенка, объявляет, что термометр показывает 102 градуса¹, и диагностирует легкую форму гриппа. Для описания визита врача автор рассказа прибегает к несобственно-прямой речи повествователя, выражая некоторую долю иронического отношения к медику, который, будучи вооруженным знаниями, не обратил никакого внимания на душевное состояние ребенка.

He seemed to know everything about influenza and said there was nothing to worry about if the fever didn't go above one hundred and four degrees. – Кажалось, он знал про грипп абсолютно всё, и сказал, что нам не о чем волноваться, если температура не превысит сто четыре градуса.

После ухода врача отец предложил почитать для сына, но тот ответил неопределенно и продолжал лежать неподвижно, едва реагируя на происходящее.

– Do you want me to read to you? – *All right. If you want to* <...> He lay still in the bed and seemed very detached from what was going on. – Хочешь я тебе прочитаю? – Давай, если хочешь <...> Он неподвижно лежал на кровати и казался полностью отрешенным от всего вокруг.

Комментируя данный отрывок, прежде всего обратим внимание на то, что повествователь делает акцент на позе мальчика, который как будто

замер (*lay still*). Также отметим, что, хотя ребенок остается малоподвижным и неразговорчивым, его ответы становятся менее категоричными, в связи с чем создается впечатление, что ребенок теряет уверенность и наблюдаемую ранее твердость.

Почитав немного вслух и поняв, что ребенок его не слушает, отец снова поинтересовался его здоровьем:

How do you feel, Schatz? – *Just the same, so far.* – Как ты себя чувствуешь, дорогой? – Так же пока.

В диалоге привлекает внимание употребление выражения *so far*, актуализирующего идею о непостоянстве некоторой текущей ситуации и вероятности скорых перемен.

Посидев у кровати ребенка еще некоторое время и поняв, что тот так и не собирается спать, отец повторил свой вопрос-предложение, однако вновь получил отрицательный ответ.

Why don't you try to go to sleep? – *I'd rather stay awake.* – Почему бы тебе не попробовать поспать? – Лучше не буду.

Обратим внимание на дальнейшее изменение модальности в репликах ребенка. Наблюдаемый ранее решительный отказ от сна уступает место определенной степени неуверенности, выраженной конструкцией *I'd rather*.

Еще через некоторое время мальчик предлагает отцу уйти:

You don't have to stay in here with me, Papa, if it bothers you. – It doesn't bother me. – *No, I mean you don't have to stay if it's going to bother you.* – Папа, не надо со мной здесь сидеть, если это тебя беспокоит. – Меня это не беспокоит. – Я имею в виду, что ты не должен здесь сидеть, если ты чувствуешь, что тебя это может начать беспокоить.

Английский глагол *bother* выражает разные значения и может быть переведен на русский язык также как *надоедать*, *волновать*, *докучать*, однако, исходя из целого рассказа и с учетом его концовки, наиболее корректным нам представляется использование эквивалента *беспокоить* (в значении «внушать опасения»), указывающего на наличие у главного героя тревоги, связанной с его болезненным состоянием. Двойное употребление модального глагола *have to* в отрицательной форме (*don't have to*) указывает на желание мальчика освободить отца от некоторой ответственности.

¹102 градуса по Фаренгейту = 38,8 градусам по Цельсию.

Отец не обратил должного внимания на эти слова ребенка, подумав, что у него началась легкая форма бреда, дал ему лекарства и отправился на прогулку.

По возвращении отец узнал, что мальчик не выпускает никого в свою комнату. Когда он сам попробовал войти, ребенок предостерег его:

You can't come in. <...> You mustn't get what I have. – Не входи. Ты не должен подхватить то, что у меня.

Использование отрицательной формы модальных глаголов *can* (*нельзя*) и *must* (*не должен*) придает словам ребенка категоричность; в отличие от ранее проявленных негативных реакций, в данном случае содержится некоторое пояснение и становится понятно, что за отказом впускать домочадцев в комнату стоит переживаемый ребенком страх. Свидетельством глубины данной эмоции выступает также описание поведения ребенка:

I <...> found him in exactly the position I had left him. – Он лежал в том же положении, что и до моего ухода.

После того, как отец снова измерил температуру больного, состоялся следующий диалог.

What is it? – Something like a hundred <...> *It was a hundred and two* – Who said so? – *The doctor.* – Your temperature is all right. It's nothing to worry about. – *I don't worry <...> but I can't keep from thinking.* – Don't think. Just take it easy. – *I'm taking it easy <...>* Take this with water. – *Do you think it will do any good?* – Of course it will. – Сколько? – Около ста – Было сто два. – Кто так сказал? – Врач. – У тебя нормальная температура. Не о чем волноваться. – Я не волнуюсь <...>, но не могу об этом не думать. – Не думай, просто успокойся. – Я спокоен. – Прими это, запей. – Думаешь, поможет? – Конечно, поможет.

В данном фрагменте обращают на себя внимание несколько моментов, свидетельствующие о скрытой, но при этом активно переживаемой эмоции. Прежде всего это желание ребенка точно знать свою температуру и референция к авторитетному мнению врача, который назвал число сто два, а не сто, как это сделал отец (*It was a hundred and two*). Не менее важны слова, указывающие на принятие мальчиком ситуации (*I'm taking it easy*), а также признание в том, что он не может не думать о своей температуре (*I can't keep from thinking*). Отметим выражение надежды на то, что температура спадет после приема лекарственного препарата (*Do you think it will do any good?*)

Когда отец снова открыл книгу, чтобы почитать вслух, ребенок перебил его неожиданным и прямым вопросом.

About what time do you think I'm going to die? – What? – *About how long will it be before I die?* – You aren't going to die. What's the matter with you? – *Oh, yes, I am. I heard him say a hundred and two.* – People don't die with a fever of one hundred and two. That's a silly way to talk. – *I know they do. At school in France the boys told me you can't live with forty-four degrees. I've got a hundred and two.* – Как ты думаешь, когда примерно я умру? – Что? – Через сколько я умру? – Ты не умрешь. Что с тобой? – Нет, умру. Я слышал, как он сказал «сто два». – Люди не умирают при такой температуре. Не говори глупости. – Я знаю, что умирают. Во Франции одноклассники говорили, что нельзя жить при температуре сорок четыре градуса. У меня сто два.

Из данного диалога становится понятно, что всё это время мальчик страдал не столько из-за плохого самочувствия, сколько от неизвестности и внутреннего страха смерти. Прямой вопрос о том, когда он умрет (*About what time do you think I'm going to die?*), свидетельствует о невозможности далее сдерживать переживаемую эмоцию. Примечательно, что герой задает вопрос неожиданно, как бы собравшись с силой духа и вопреки желанию успокаивать самого себя путем отрицания того, что кажется ему очевидным. Настойчивость ребенка, выраженная словами *Oh, yes, I am*, свидетельствует о сильном внутреннем дискомфорте, тревоге перед неизвестностью и одновременно о желании услышать опровержение того, что представляется ему неизбежным.

Характерная для маленьких детей потребность в определенности проявляется в уточняющем вопросе *Are you sure?* (*Ты уверен?*), заданном как реакция на объяснение отца о разнице между европейской и американской системами измерения, в том числе температуры тела.

– You poor Schatz <...>. It's like miles and kilometers. You aren't going to die. That's a different thermometer. <...> – Are you sure? – Absolutely <...> – “**Oh,**” he said. – Бедняжка <...> Это как мили и километры. Ты не умрешь. Это просто другой термометр <...> – Ты уверен? – Абсолютно. «Фу», – выдохнул он.

Примечательно, что объяснения о разнице между двумя системами измерения не убеждают мальчика так, как убеждает его утвердительный ответ отца, выраженный словом *absolutely*. Уверенность взрослого тут же передается ребенку,

свидетельством чему местоимение *oh* как средство выражения облегчения. О пережитом ребенком в течение дня страхе говорит также описание его поведения на следующий день, когда он вел себя так, как это характерно для детей его возраста, ослабленных болезнью:

<...> he cried very easily at little things that were of no importance. – Он начинал плакать по поводу каждой мелочи.

Суммируя изложенное, назовем индикаторы эмоционального состояния страха, пережитого персонажем.

1. Отрицание своего внутреннего беспокойства, выраженное словами *No. I'm all right* с последующим повтором второй части фразы.

2. Постепенный переход от отрицания к принятию воображаемой угрозы как неизбежной, где средствами вербализации смирения выступают придаточные условия *If you want to / if it bothers you / if it is going to bother you* и форма сослагательного наклонения *I'd rather*.

3. Состояние крайней степени беспокойства, связанное с дальнейшей невозможностью контролировать свой страх, использование модальных глаголов во фразах *You can't come in / You mustn't get what I have / I don't worry but I can't keep from thinking* с целью пока еще в иносказательной форме сообщить близким о переживаемой эмоции.

4. Вербализация страха посредством прямого вопроса о моменте смерти.

5. Запрос на утешение и возврат больного ребенка к нормальному состоянию, когда дети капризничают.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что средствами выражения переживаемого персонажем рассказа страха являются описания характерных поведенческих особенностей, в частности, скованность движений (*exactly the same position*), эмоциональная зажатость и попытка

избежать ситуацию (*I'm all right*), невозможность отделаться от навязчивых мыслей (*I can't keep from thinking*), паника (*You can't come in / You mustn't get what I have*) и т. д. Необходимым условием понимания подлинного смысла произносимых персонажем слов является прочтение всего рассказа, поскольку вне общего контекста диалоги не раскрывают полностью драматизма ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как художественный прием «принцип айсберга» является предметом научного интереса уже около ста лет. Построенные в соответствии с данным принципом диалоги дают возможность рассматривать каждое произнесенное героями произведения слово как знак глубоких эмоциональных переживаний, и в этом смысле работа лингвиста напоминает работу психоаналитика, стремящегося понять на основе высказанного то, что осталось невербализованным. Основным способом получения знания в данном случае является истолкование частного на основе общего и общего с учетом единичного; исследовательскими методами выступают структурный анализ, позволяющий разложить текст на отдельные части с целью дальнейшего изучения каждого элемента в общем контексте, контекстуальный анализ, способствующий установлению значения языковой единицы в каждом конкретном случае, и нарративный анализ, дающий возможность интерпретировать события с учетом их последовательности.

Таким образом, проведенное исследование вновь констатирует факт, что для одного исторического периода характерна общность научных идей, взглядов и подходов. В частности, структурализм дал жизнь новым направлениям в филологии, литературе и психологии, в связи с чем работа по анализу художественного текста требует интегрирования разных исследовательских методов с целью его более адекватного истолкования и получения достоверного знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023.
2. Маслов Е. С. Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казанского университета, 2020.
3. Тюпа В. И. Ю. М. Лотман и современная нарратология // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 1. С. 55–62.
4. Зинченко В. П. От потока к структуре сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 2. С. 3–36.
5. Оттенс Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 2. № 19. С. 92–99.
6. Евстигнеева Л. В. Синтаксическая структура текстов «потока сознания» как составляющая интерпретационной программы // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 161–162.

7. Кадачиева Х. М., Абдулкадырова Х. М. Текстовые метафоры в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 600–604.
8. Косиченко Е. Ф. Принцип дополнительности семиотических систем в интерпретации события (на материале рассказа Э. Хемингуэя «Канарейку в подарок») // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 1 (53). С. 105–123.
9. Naimanova Ch., Tynchtykbekova A. The Concept of War Through Seasonal Symbolism in Ernest Hemingway's Selected Works // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8. # 12. P. 576–582.
10. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
11. Гадамер Х. Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72–91.
12. Акимова Н. В. Роль внутреннего монолога и несобственно-прямой речи в создании образов героев в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 104–109.
13. Алимova А. Д. Общее определение несобственно-прямой речи с точки зрения гуманитарных наук как предпосылка переводоведческого исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 7 (836). С. 11–21.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (2023). *Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of the artistic text*. Moscow: Ecsmo. (In Russ.)
2. Maslov, E. S. (2020). *Chto takoe narrativ? = What is narrative?* Kazan: Kazanski university publishers. (In Russ.)
3. Туупа, V. I. (2022). Yu. M. Lotman and contemporary narratology. *Philological class*, 27(1), 55–62. (In Russ.)
4. Zinchenko, V. P. (2009). Between the stream of consciousness and the mind structure. *Psychology. Journal of the higher school of economics*, 6(2), 3–36. (In Russ.)
5. Ottens, G. V. (2012). Stream-of-consciousness as a modernist technique in modernist literature. *The Bulletin of Irkutsk state linguistic university*, 2(19), 92–99. (In Russ.)
6. Evstigneeva, L. V. (2019). The syntactic structure of the "stream of consciousness" texts as a component of their program of interpretation. *Studia Linguistica (Sankt Petersburg)*, 28, 161–162. (In Russ.)
7. Kadachieva, H. M., Abdulkadyrova, A. R. (2020). Textual metaphors in E. Hemingway's prose (on the material of "Cat in the Rain"). *Cognitive linguistics investigations*, 2(41), 600–604. (In Russ.)
8. Kosichenko, E. F. (2024). Complementarity of semiotic systems as a principle of interpreting events (based on E. Hemingway's story «A canary for one»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 105–123. (In Russ.)
9. Naimanova, Ch., Tynchtykbekova, A. (2022). The Concept of War Through Seasonal Symbolism in Ernest Hemingway's Selected Works. *Bulletin of Science and Practice*, 8(12), 576–582.
10. Lakan, Zh. (1995). *Funkciya i pole rechi i yazyka v psihoanalize = Function and field of speech and language in psychoanalysis* / Per. A. Chernoglazova. M.: Gnozis. (In Russ.)
11. Gadamer, H. G. *O krughe ponimaniya = Hermeneutic circle. Actuality of the beautiful* (pp. 72–91). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
12. Akimova, N. V. (2016). The role of internal monologue and non-native-direct speech to create images of the characters in f. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". *Scientific notes of Oryol State University*, 3(72). 104–109. (In Russ.)
13. Alimova, A. D. (2020). General definition of free indirect speech from the viewpoint of humanities as a prerequisite for research in translation studies. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(836), 11–21. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Национального исследовательского университета «МЭИ»

Вовк Марина Витальевна

старший преподаватель
кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального исследовательского университета «МЭИ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Vovk Marina Vitalievna

Senior Lecturer
at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Статья поступила в редакцию	04.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Научная статья

УДК 81'33:(811.111=811.581)

Имена собственные в корпусах китайских электронных средств массовой информации (английский и китайский языки)

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

krasikova.liza@mail.ru

Аннотация: Апробируется оригинальный метод компаративного анализа имен собственных в электронных средствах массовой информации Китайской Народной Республики на китайском и английском языках с привлечением технологий искусственного интеллекта. Делается вывод о том, что разработанный метод позволяет с высокой степенью точности установить частотность словоупотреблений имен собственных в текстовом массиве, а также сформировать представление о тематическом наполнении новостного сообщения с последующей интерпретацией его содержания.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, китайский язык, английский язык, корпусный менеджер, имя собственное, лингвистический корпус, средства массовой информации

Для цитирования: Красикова Е. А. Имена собственные в корпусах китайских электронных средств массовой информации (английский и китайский языки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 90–97.

Original article

Proper Names in the Corpora of Chinese Electronic Media (English and Chinese)

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The original method of comparative analysis of proper names in the electronic media of the People's Republic of China in Chinese and English with the use of artificial intelligence technologies is being tested. It is concluded that the developed method allows to establish with a high degree of accuracy the frequency of proper names in a text array, as well as to form an idea of the thematic content of a news message with subsequent interpretation of its content.

Keywords: applied linguistics, Chinese language, English language, corpus manager, proper name, linguistic corpus, Mass media

For citation: Krasikova, E. A. (2024). Proper names in the corpora of Chinese electronic media (English and Chinese). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 90–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – установить отличительные особенности употребления имен собственных (*далее* ИС) в китайских средств массовой информации (*далее* СМИ) на английском языке и в аутентичных китайскоязычных медиатекстах. Для достижения главной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) отобрать лингвистический материал по заданным параметрам: текстовые корпуса китайских СМИ на английском и китайском языках в период с февраля по июнь 2024 года;
- 2) сформировать корпус актуальных текстов англоязычных китайских СМИ, опираясь на информационное агентство China Daily;
- 3) составить аналогичный корпус актуальных текстов аутентичных китайскоязычных СМИ (информационный ресурс 新华 Синьхуа);
- 4) проанализировать сформированные частотные списки имен собственных.

Методы исследования: метод компаративного или сопоставительного анализа; статистический метод, позволяющий анализировать массивы лингвистических данных; метод автоматической обработки данных при помощи программы «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [Gorozhanov, Guseynova, Stepanova, 2024]; классификационный анализ, а также дескриптивный анализ.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью внедрения искусственного интеллекта в обработку больших данных для наиболее точного и объективного анализа текстовых массивов.

Практическая ценность работы заключается в том, что разработанный метод может быть внедрен в исследования массмедийного дискурса для создания представления о качественной и количественной репрезентации передаваемых языковыми явлениями новостных событий.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Имена собственные (или онимы) являются неотъемлемой частью естественного языка. Как отмечает Е. О. Опарина, «имена собственные представляют собой особый пласт лексики, в котором заключены особенности естественного языка – специфика его семантики, структуры, его связей с сознанием и культурой народа» [Опарина, 2021, с. 16]. По нашему мнению, наряду с привлечением оценочной лексики, изменения фокусировок фреймов способны обеспечить объективную

интерпретацию новостного события в медиадискурсе [Беляевская, 2015]. Обзор научной литературы по анализируемой проблематике показал, что имена собственные рассматривались с разных позиций. В отечественной лингвистике активно разрабатывается лингвокультурологический подход к рассмотрению ИС, изучается роль ИС с позиций их общей оценки и культурных коннотаций [Катермина, Гнедаш, 2022; Глинская, 2021], анализируется семантика ИС [Харитончик, 2021; Черняк, 2020], а также когнитивно-семиотические аспекты ономастики [Косиченко, 2018]. Подавляющее большинство работ, посвященных исследованию имен собственных на уровне текста, касаются вопросов употребления и функционирования имен собственных в разных типах дискурса, прежде всего в художественной литературе [Косиченко, 2017; Горожанов, Гусейнова, 2021; Лабунец, Эртнер, 2024], единичные исследования выполнены на материале текстов СМИ [Имя собственное в медиaprостранстве, 2019].

Компаративные исследования также традиционно являются одним из центральных методов лингвистических исследований, в частности для анализа ИС [Кучешева, 2017]. В то же время намечаются научные исследования, направленные на сопоставительное изучение языковых явлений при помощи технологий искусственного интеллекта [Горожанов, 2024; Горожанов, Красикова, 2024], однако научных работ, посвященных изучению ономастики с применением цифровых технологий выявлено не было. Как отмечает А. И. Горожанов, «в гуманитарной сфере ощущается нехватка специализированных программных решений, настроенных на достижение положительного результата в конкретных исследовательских проектах» [Gorozhanov, Guseynova, 2020, с. 23–28]. Настоящее исследование сочетает в себе лингвистическое исследование, проведенное при помощи специализированного программного обеспечения.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Настоящее исследование проводилось в несколько этапов. Первым шагом послужил отбор лингвистического материала и формирование текстовых корпусов электронных СМИ КНР на китайском и английском языках в период с февраля по июнь 2024 года.

Материалом исследования послужили сбалансированные лингвистические корпуса текстов онлайн-версий крупнейших новостных ресурсов КНР (согласно классификации А. И. Горожанова и Д. В. Степановой [Горожанов, Степанова, 2022]). Объем сбалансированного лингвистического корпуса на китайском языке составил 724 предложения или 18341 токен. В качестве источника нами

был выбран один из крупнейших и наиболее авторитетных новостных порталов КНР – информационное агентство 新华 Синьхуа, которое является официальным информационным центром правительства КНР на сегодняшний день.

Корпус англоязычных СМИ КНР объемом 1160 предложений или 35183 токена был сформирован на основе крупнейшего англоязычного портала в Китае China Daily, предоставляющего новостные материалы.

Вторым шагом исследования послужило формирование ряда поисковых запросов к корпусу, в результате которых были получены количественные данные, позволившие установить уровень точности работы модуля. В роли технического инструмента исследования выступило упомянутое выше программное обеспечение для генерации лингвистического корпуса и соответствующий корпусный менеджер, которые были разработаны в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета. В качестве алгоритма поиска была апробирована схема PropN [Gorozhanov, Guseynova, Staranova, 2024].

Автоматическая выгрузка имен собственных из корпуса новостных текстов позволила зафиксировать следующие количественные результаты. В текстовом корпусе 新华 Синьхуа корпусный менеджер идентифицировал 1487 токенов имен собственных (PropN) в 562 предложениях.

В англоязычном корпусе China Daily было зафиксировано 3614 токенов в 913 предложениях. На данном этапе тестирование программного обеспечения включало в себя наиболее «простой» запрос по обычной последовательности списка имен собственных, которые состоят из одной лексемы. Интересно отметить, что в англоязычном корпусе обнаруженные системой ИС состояли только из одной лексической единицы и представляли собой одно слово, в корпусе на китайском языке системой были распознаны ИС, состоящие из нескольких иероглифических знаков (от одного до пяти), при этом представляющие собой также одно слово. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих вышеуказанное положение: Trump (20), Xi (14), Li (12), Campbell (6), WTO (4), Scholz (2).

Из примеров видно, все перечисленные ИС представляют собой одно слово. В текстовом корпусе на китайском языке были зафиксированы ИС, состоящие из двух и более иероглифических знаков: 台湾 Тайвань, 哈马斯 ХАМАС, 哈尔科夫州 Харьковская область.

Отметим, что библиотека spaCy для расширенной обработки естественного языка Natural

Language Processing (NLP) по данному запросу распознала имя собственное, состоящее из семи иероглифических знаков и представляющее собой два слова: 弗拉基米尔 • 普京 Владимир Путин, что оказалось нехарактерным для англоязычного корпуса.

Апробируемая процедура поиска имен собственных позволила выделить список наиболее и наименее употребляемых имен собственных в анализируемых корпусах. В англоязычном лингвистическом корпусе были зафиксированы следующие наиболее частотные ИС: China (364)¹, US (145), BRICS (61), Biden (42), Gaza (30), Japan (29); Azerbaijan (29); Palestine (28); Africa (28); Israel (27); Beijing (25); France (23); Wang (23); ASEAN (22); Ma (18); Asia (18); Philippines (18); Europe (17); Taiwan (16); Russia (16); EU (16); GBA (16); UNRWA (15); Xi (14); India (14); Malaysia (13); UN (12) и т. д.

В то же время было обнаружено 565 наименее употребительных токенов. Например, единичные случаи употребления продемонстрировали следующие ИС: Fudan, INE, Austria, NDCPA, Taishan, Jiangsu, Osaka, Blinken, Nasser, Twitter, Islam, Wuhan, Kazan и др.

В результате обработки корпусных данных на китайском языке были получены следующие количественные результаты. Наиболее частотными оказались следующие ИС: 中国 Китай (104), 美国 США (79), 伊朗 Иран (44), 以色列 Израиль (44), 加沙 Газа (44), 美联储 Федерезерв США (23), 俄罗斯 Россия (22), 乌克兰 Украина (22), 英国 Англия (22), 哈马斯 ХАМАС (20), 日本 Япония (18), 拉法 Рафах (18), 普京 Путин (17), 工党 Лейбористская партия (в Британии) (16), 联合国 ООН (15), 纽约 Нью-Йорк (15), 中东 Ближний Восток (15), 苏纳克 Сунак (15), 特朗普 Трамп (15), 法国 Франция (14), 巴勒斯坦 Палестина (14), 台湾 Тайвань (13), 香港 Гонконг (13), 保守党 Консервативная партия (в Британии) (13), 巴基斯坦 Пакистан (13), 非洲 Африка (11), 习近平 Си Цзиньпин (10), 亚洲 Азия (10), 白俄罗斯 Беларусь (8), 王毅 Ван И (7), 北约 НАТО (6), 李强 Ли Цян (5) и др.

Наименее частотными оказались 215 имен собственных, которые были квалифицированы как единичные случаи словоупотребления:

拉合尔 Лахор, 卡拉奇 Карачи, 绍伊古 Шойгу, 云南省 провинция Юньнань, 五角大楼 Пентагон, 则连斯基 Зеленский, 土耳其 Турция, 卢卡申科 Лукашенко, 挪威 Норвегия, 瑞典 Швеция, 哈尔科夫 Харьков, 欧尔班 Орбан, 北大西洋 Северная Атлантика.

Из данных примеров видно, что ИС иллюстрируют довольно обширный круг проблем, освещаемых в китайских СМИ, поэтому без специального

¹В скобках указано количество словоупотреблений.

анализа затруднительно установить наличие или отсутствие отличительных особенностей употребления ИС анализируемых корпусов. Так, на следующем этапе анализа с целью более точного установления наиболее релевантных проблем, которые имплицитно при помощи ИС в массмедийных китайских источниках, был проведен статистический и классификационный анализ имен собственных.

На первом этапе установим процентное соотношение ИС от общего числа токенов в исследуемых корпусах. Количественные данные показывают, что в медиатекстах на английском языке ИС составляют 10,27 % от общего числа токенов, а в текстовом корпусе на китайском языке 8,1 %.

Далее, было отобрано 440 наиболее употребительных токенов (12 были исключены из списка в качестве погрешности). На основе данного материала было установлено, что 91,36 % ИС в англоязычном корпусе репрезентируют пласт сведений, связанных с международными проблемами. Например, Germany, Trump, Slovenia, Baerbock, EDF, Australia, Delaware, IMF, Jerusalem, Macron, Toyota и т. д. В то же время только 8,64 % ИС в англоязычных медиатекстах активизируют комплекс информационных данных, непосредственно отражающих внутренние вопросы Китая. Например, China, Beijing, Xi, Wang, CPEC, Shenzhen, Huawei, Guangdong, Guangzhou, NEV и т. д.

Проведенный статистический анализ в китайском медиапространстве позволил установить некоторые отличительные особенности употребления ИС от англоязычного новостного корпуса. Так, из отобранных 144 токенов (пять токенов составили погрешность) 83,89 % ИС нацелены на

освещение международной тематики, в то время как 16,11 % ИС функционируют как маркеры, информирующие реципиента о внутрикитайских событиях. Например: 中共 КПК, 丁薛祥 Дин Сюэсян (Член Политбюро и Секретариата ЦК КПК, начальник Канцелярии ЦК КПК), 海天 Хайтянь (самое крупное в Китае предприятие по производству приправ), 江苏 Цзянсу, 刘公岛 остров Люгун, Люгундао (провинция Шаньдун) и т. д.

Статистико-сопоставительный анализ имен собственных в подвергнутых анализу корпусах показал, что китайские СМИ на английском языке ориентированы на новостную информацию, связанную с освещением мировых вопросов. В то же время информационные данные аутентичных китайских текстов на 6,47 % активнее освещают внутригосударственные проблемы Китая.

На первом этапе анализа нам удалось установить, что подавляющее большинство ИС в обоих корпусах указывают на темы, освещающие мировую тематику. Следующим шагом установим наиболее релевантный круг проблем, которые затрагиваются в обоих корпусах. Полученные данные из англоязычного и китайского корпусов можно представить в виде таблиц (табл. 1, 2):

Для наглядности представим все вышеперечисленные количественные результаты в виде схематичных диаграмм (рис. 1 и 2).

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

На следующем этапе исследования проведем оценку результатов полученных данных. В первую очередь отметим, что апробируемое программное

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИС В КИТАЙСКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Географическое положение	Процентное употребление ИС (в %)	Примеры ИС
Международное положение	57,25	WTO, WHO, COVID-19 и т. д.
Китай	8,64	China, Shanghai, Yi, Xu, Mao, Dong и т. д.
Западная Европа	7,94	EU, Starmer, Hampshire, Volkswagen Sunak, Baerbock, Alstom и т. д.
Америка (США, Канада, Мексика)	7,71	California, Musk, Manhattan, FBI, Kirby, GOP, Sheinbaum, Mexico, AMLO, Canada и т. д.
Азиатско-тихоокеанский регион (АТР)	7,01	Asia, Malaysia, KCNA, Razak, ASEAN Singapore, Bangkok и т. д.
Ближний Восток	5,14	Israel, Gaza, Palestine, Abualrob, UNRWA и т. д.
Средний Восток	2,1	Pakistan, CPEC, Afghanistan, Raisi, Bahrain, Naqvi, Sharif и т. д.
Восточная Европа	2,34	Russia, Baku, Tbilisi, COP, Ukraine, Kharkiv и т. д.
Африка	1,17	Zambia, Africa, Hichilema и т. д.
Океания	0,7 %	Woodside, Australian, Australia.

Таблица 2

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИС В КИТАЙСКИХ АУТЕНТИЧНЫХ СМИ

Географическое положение	Процентное употребление ИС (в %)	Примеры ИС
Китай	16,11	中国 Китай, 台湾 Тайвань, 香港 Гонконг и т. д.
Азиатско-тихоокеанский регион (АТР)	14,39	亚洲 Азия, 菲律宾 Филиппины, 印尼 Индонезия, 东盟 АСЕАН и т. д.
США	12,95	白宫 Белый Дом, 特朗 Трамп, 旧金山 Сан-Франциско, 奥巴马 Обама, 民主党 демократическая партия и т. д.
Западная Европа	12,07	苏纳克 Сунак, 欧洲 Европа, 德国 Германия, 伦敦 Лондон и т. д.
Средний Восток	11,3	伊朗 Иран, 莱希 Раиси, 哈梅内伊 Хаменеи, 阿曼 Оман и т. д.
Международное положение	9,19	联合国 ООН, 新冠 коронавирус COVID-19, 奥运会 Олимпийские игры и т. д.
Ближний Восток	7,04	内塔尼亚胡 Нетаньяху, 加沙 Газа, 以色列 Израиль и т. д.
Африка	7,04	非洲 Африка, 几内亚 Гвинея, 利比亚 Ливия, 埃及 Египет и т. д.
Океания	–	–

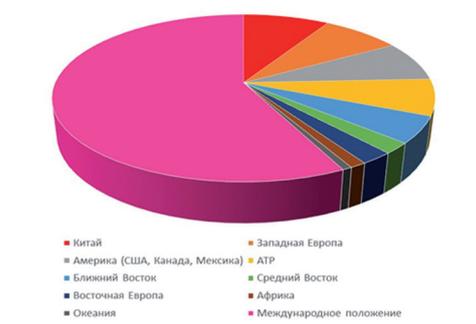

Рис. 1. Употребление ИС в китайских англоязычных СМИ (корпус China Daily)

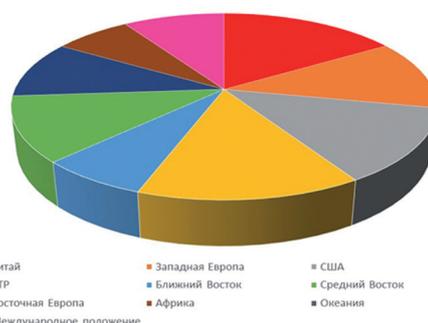

Рис. 2. Употребление ИС в китайских китайязычных СМИ (корпус 新华)

обеспечение показало высокую эффективность и практически не имело ошибок вывода (погрешность составила ок. 7 %). Данное положение свидетельствует о том, что сформированные алгоритмы являются достоверными и практически значимыми, поскольку могут быть использованы для получения представления о характере актуальных китайских СМИ на английском и китайском языках.

На основе подробного рассмотрения вышеприведенных статистических данных были сделаны следующие выводы. Как иллюстрируют количественные результаты, сбалансированные лингвистические корпуса электронных СМИ КНР на английском и китайском языках характеризуются различной частотностью употребления

ИС. *Во-первых*, компаративный анализ показывает, что в медиатекстах на английском языке ИС демонстрируют более частотное употребление (10,27 % от общего числа токенов), чем в текстовом корпусе на китайском языке (8,1 %). *Во-вторых*, в англоязычном корпусе более половины ИС (57,25 %) характеризуют международные проблемы в то время, как в корпусе на китайском языке в первую очередь освещаются события, в которых непосредственную роль играет Китай (16,11 %). В целом заметим, что в текстах на английском языке профилируется западная направленность информационных сообщений (Западная Европа – 7,94 %; Америка, включая США, Канаду и Мексику – 7,71 %), в то время как в китайязычных СМИ

помимо внутригосударственных событий Китая первоочередно активизируется тематика азиатской направленности (АТР – 14,39 %). В отличие от текстового корпуса на английском языке, в электронных СМИ на китайском языке не освещаются вопросы, связанные с материком, Австралией и островами, входящими в Океанию. Полагаясь на вышеуказанные количественные сведения, мы можем утверждать, что ИС в китайских СМИ на китайском языке практически равномерно отражают как внутренние проблемы Китая, так и проблемы тех регионов, географическое или экономическое положение которых тесно связано с КНР, а также в меньшей степени имплицитно указывают на заинтересованность авторов новостных статей в событиях на африканском континенте. В то же время подавляющее большинство ИС потокового контента электронных СМИ на английском языке маркирует мировые события, в меньшей степени отражая информационное поле, связанное с Китаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полученные в ходе данного исследования результаты свидетельствуют о том, что анализ ИС при помощи тестируемого программного обеспечения позволяет представить объективную картину оценки того или иного актуального новостного события, а также сформировать объективный профиль наиболее и наименее релевантных проблем, актуализированных в СМИ для той или иной лингвокультуры. Кроме того, частотные ИС позволяют составить объективное представление о тематическом наполнении информационных сообщений в большом массиве лингвистических данных. Получаемые таким образом сведения могут служить «отправным пунктом» для корпусного и контекстуального анализа больших данных методами обработки естественного языка в различных прикладных целях. В качестве перспективы исследования отметим разработку методов и алгоритмов анализа коннотаций имен собственных в целях определения тональности текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Stepanova D. V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. # 1. P. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.
2. Опарина Е. О. Имена собственные. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2021. № 2. С. 16–29.
3. Беляевская Е. Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 5–13.
4. Катермина В. В., Гнедаш А. А. Сетевой дискурс в отношении британского премьер-министра Бориса Джонсона: положительная vs отрицательная тональность в Twitter // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 59–71. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.4.4. EDN ZCXRNB.
5. Глинская Н. П. Терминологическая эпонимия в социокультурном контексте (на материале англоязычных терминов психологии) // Знаки языка и смыслы культуры: сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. М.: Тамбов, 2021. С. 101–105.
6. Харитончик З. А. Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Знаки языка и смыслы культуры: сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. М.; Тамбов, 2021. С. 140–147.
7. Черняк А. З. Семантика референции и значения собственных имен. М.: Ленанд, 2020.
8. Косиченко Е. Ф. Когнитивно-семиотические аспекты художественной ономастики // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 129–135.
9. Косиченко Е. Ф. Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.
10. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань: БуК, 2021. ISBN 978-5-00118-759-2/ EDN UNZHVK.
11. Лабунец Н. В., Эртнер Е. Н. Лингвосемиотика имени собственного в романе С. В. Лукьяненко «Ночной дозор» // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 9–30.
12. Имя собственное в медиапространстве: монография / Л. И. Гришаева, О. О. Борискина, Н. А. Фененко, В. Н. Абабий, В. Г. Шимко. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019.
13. Кучешева И. А. Анализ компаративных имен на материале английского и немецкого языков с позиции лингвокультурологии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2017. № 3 (59). С. 87–94.

14. Горожанов А. И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 132–138. EDN JTWSIQ.
15. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских сми) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.
16. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. № 4. P. 23–38. EDN ENGZZF.
17. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.
2. Oparina, E. O. (2021). Proper names. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Linguistics*, 6(2), 16–29. (In Russ.)
3. Belyaevskaya, E. G. (2015). Media discourse: cognitive models of event interpretation (based on the material of the English language). *Issues of cognitive linguistics*, 3(44), 5–13. (In Russ.)
4. Katermina, V. V., Gnedash, A. A. (2022). Network Discourse on British Prime Minister Boris Johnson: Positive vs Negative Sentiments on Twitter, 21(4), 59–71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.4>. EDN ZCXRHB. (In Russ.)
5. Glinskaya, N. P. (2021). Terminological eponymy in a socio-cultural context: (Based on the material of English-language terms of psychology). *Signs of language and meanings of culture: a collection of scientific works dedicated to the memorable anniversary of Veronika Nikolaevna Telia* (pp. 101–105). Tambov. (In Russ.)
6. Haritonchik, Z. A. (2021). Semantic ambiguity of proper names, or what does it mean "You are the real Einstein!". *Signs of language and meanings of culture: a collection of scientific works dedicated to the memorable anniversary of Veronika Nikolaevna Telia* (pp. 140–147). Tambov, (In Russ.)
7. Chernyak, A. Z. (2020). *The semantics of reference and the meaning of proper names*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
8. Kosichenko, E. F. (2018). Cognitive-semiotic aspects of artistic onomastics. *Cognitive Studies of Language*, 35, 129–135. (In Russ.)
9. Kosichenko, E. F. (2017) *The linguosemiotic concept of the onomasticon (based on the material of literary texts): abstract of Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2021) *Applied aspects of text analysis and interpretation (based on the material of German and Russian languages)*. Kazan: Buk. ISBN 978-5-00118-759-2/ EDN UNZHVK. (In Russ.)
11. Labunets, N. V., Ertner, E. N. (2024) *Linguosemiotics of the proper name in S. V. Lukyanenko's novel "Night Watch". Scientific dialogue*. Vol. 13. No. 3. pp. 9-30. (In Russ.)
12. *Proper name in the media space: monograph* (2019) L. I. Grishaeva, O. O. Boriskina, N. A. Fenenko, V. N. Ababiy, V. G. Shimko. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
13. Kuchesheva, I. A. (2017). Analysis of comparative names based on the material of English and German languages from the perspective of linguoculturology. *Vestnik Of The North-Eastern Federal University*, 3(59), 87–94. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I. (2024). Algorithms for searching phraseological units in a linguistic corpus with morphological markup (Indo-European languages). *Philology. Theory & Practice*, 17(1), 132–138. EDN JTWSIQ. (In Russ.)
15. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). *Issues of Applied Linguistics*, 54, 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. (In Russ.)
16. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2020). Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. *Training, Language and Culture*, 4(4), P. 23–38. EDN ENGZZF.
17. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Work of fiction interpretation: corpus approach. *Philology. Theory & Practice*, 15(1), 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Alexandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of Training Teachers of Rare Languages

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81

Градуальность признака гениальности в немецких сравнительных конструкциях с антропонимами

В. А. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
val.kulikova@hotmail.com

Аннотация. В статье исследуется функционирование лингвокогнитивных сравнительных конструкций с уникальными антропонимами в немецкоязычных средствах массовой информации. Корпус исследования составили контексты с эксплицитно и имплицитно выраженным сравнением, где основанием сравнения выступает признак гениальности и / или одаренности, а эталоном сравнения служат уникальные антропонимы (например, Einstein). Комплексный анализ установил градуальный характер как общего признака, так и антропонима-эталона.

Ключевые слова: сравнение, градуальность, шкала, эталон, антропоним, сравнительная конструкция

Для цитирования: Куликова В. А. Градуальность признака гениальности в немецких сравнительных конструкциях с антропонимами // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 98–103.

Original article

Gradual Character of Greatness in German Comparative Constructions with Anthroponyms

Valeriya A. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
val.kulikova@hotmail.com

Abstract. The aim of the article is to study the functioning of linguocognitive comparative constructions with unique anthroponyms in German media. The research is based on contexts with explicitly and implicitly expressed comparison, where the basis of comparison is the sign of genius and/or giftedness, and the paragon is the unique anthroponym (for example, Einstein). A comprehensive analysis established the gradual nature of both the general attribute and the anthroponym used as a paragon.

Keywords: comparison, graduality, scale, paragon, anthroponym, linguo-comparative construction

For citation: Kulikova, V. A. (2024). Gradual character of greatness in German comparative constructions with anthroponyms. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 98–103. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях отводится вопросу репрезентации знаний в языке. Поиск ответа на него занимается в том числе и когнитивная лингвистика, которая стремится определить роль языка в формировании и структурировании (со)знания. Специфика познавательных процессов обусловлена их динамическим характером и активной ролью человека в познании, что предопределяет индивидуальность получаемого знания. Индивидуальный характер знания напрямую связан с содержанием этого знания, его оценкой, интерпретацией и способами организации, что свидетельствует о существовании индивидуальной конфигурации некоего коллективного знания [Болдырев, 2016].

Благодаря познавательным процессам человек оказывается связан с миром вокруг и имеет возможность с ним взаимодействовать. Особое место в познавательном процессе традиционно отводится *сравнению*. Сравнивая полученную (ранее или в текущий момент) информацию об объектах, человек выделяет существенные свойства этих объектов и их частей, устанавливает между ними связи, черты сходства и различия. Соотнесение объекта с определенным эталоном рассматривается лингвистами как элемент языковой интерпретации [Болдырев, Блохина, 2022].

Языковая интерпретация же разделяется на первичную (интерпретация мира в целом) и вторичную (интерпретация существующих знаний). Результатом вторичной интерпретации выступает не столько отражение и передача всего многообразия объектов, сколько формирование на основе известного новых знаний, представлений о мире и их оценки с целью воздействия на сознание как отдельного человека, так и общества в целом [Болдырев, 2017]. При этом результат такой интерпретации всегда опирается на типизированные схемы и может быть представлен в языке в виде разного рода категорий и моделей. Настоящее исследование посвящено ряду лингвокогнитивных сравнительных моделей (ЛкСМ), элементом которых выступает уникальный антропоним, относимый к классу талантливых людей.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ С АНТРОПОНИМОМ

В лингвистических работах сравнение описывается как трехчленная структура, состоящая из объекта сравнения, эталона сравнения и основания сравнения, т. е. общего для сравниваемых объектов признака [Гулыга, Шендельс, 1969]. Особый научный интерес представляют ЛкСМ, элементом

которых выступают языковые средства, служащие для выражения понятийной сферы *характеристика и деятельность человека* – антропонимы [там же]. Такое определение позволяет отнести к антропониму все возможные наименования человека, включая личные имена.

С позиции когнитивной лингвистики антропоним, или наименование лица, является особым форматом знания, обладающим ядерно-периферийной структурой и способным на основе внутренних связей объединять различные характеристики и домены, обязательные для адекватного понимания языковой единицы. Ядро антропонима заключает в себе в первую очередь информацию о внешнем виде, характере, умственных качествах, сфере деятельности и системе взглядов его носителя. Преимущественно именно ядерные характеристики антропонима выступают основанием сравнения.

Среди отличительных особенностей антропонима следует отметить его способность участвовать в механизмах дефокусирования и компрессии информации, что освещают в своих исследованиях [Ирисханова, 2014; Brdar, Brdar-Szabó, 2007; Brdar, Brdar-Szabó, 2020; Цветаева, Куликова, 2021; Куликова, 2021; Голубкова, 2022; Athanasiadou, 2023]. Именно эта особенность предопределяет широкое использование антропонима в качестве эталона в сравнении.

Общий признак, или основание сравнения, может присутствовать в ЛкСМ в эксплицитной или имплицитной форме. В случае эксплицитно выраженного общего признака сравнение представляет собой особую структуру, в которой присутствуют основание сравнения и союз *als* или *wie*, а также придаточные предложения так называемого ирреального сравнения с союзами *als*, *als ob*, *wie wenn* [Шендельс, 2006]. Выделение и последующее сравнение общего для двух предметов признака приводит к его шкалированию. Примером шкалирования выступают, как правило, степени сравнения прилагательных и наречий, уменьшительные и увеличительные аффиксы.

В имплицитном сравнении общий признак присутствует, но не имеет формального выражения. Это указывает на происходящие метафтонимические процессы. Антономасия исследуется в работах ученых [Brdar, Brdar-Szabó, 2007; Brdar, Brdar-Szabó, 2020; Цветаева, Куликова, 2021; Athanasiadou, 2023].

ШКАЛИРОВАНИЕ ПРИЗНАКА ГЕНИАЛЬНОСТИ

Способностью к градуированию обладают качественные имена прилагательные, в семантической

структуре которых возможно выделение меры и степени проявления признака. Однако следует отметить, что степень интенсивности на шкале зависит от конкретного признака. Количественные характеристики качества, которое выражает прилагательное, обусловлены, как правило, лингвопрагматикой. Шкалирование общего признака в сравнении подразумевает градуирование или определение степени выраженности (например, низкая, едва заметная, заметная, значительная, высокая и абсолютная) этого признака у объекта сравнения.

Корпус исследования составили контексты с ЛкСМ, где основанием сравнения выступает феномен одаренности и / или гениальности. Измерение степени интеллекта и значимости обычно соотносят со шкалами порядка, т. е. с качественными, нечисловыми шкалами [Тимофеева, 2019]. Шкала состоит из набора делений или ступеней, упорядоченных относительно друг друга в соответствии с параметром признака.

Основание сравнения в таких ЛкСМ выражено эксплицитно при помощи соответствующего прилагательного (например, *talentiert, talentvoll, begabt, hochbegabt, begnadet, genial*) и оператора сравнения (*wie* или *als*). Шкала же в этом случае будет строиться по признаку наличия или отсутствия одаренности / гениальности и степени выраженности этих признаков:

- (1) Sie gewann dieses Jahr den Weltcup, und ihr Trainer Bernd Henneberg sagte der „Welt am Sonntag“: „Antje ist talentierter als Sandra Völker“ (*Berliner Zeitung*, 14.12.1998).

В контексте (1) представлена ЛкСМ **A1 V prE als** A2 с эксплицитно выраженным сравнением, где: A1 – антропоним-объект сравнения; A2 – антропоним-эталон сравнения; V – глагол (*sein, werden, bleiben, scheinen*); prE – предикатив, выраженный именем прилагательным.

По словам тренера, его подопечная Антье Буш-шульте (*нем. Antje Buschschulte*) талантливее Сандры Фёлкер (*нем. Sandra Völker*). Обе спортсменки на тот момент уже олимпийские чемпионки, но эталоном сравнения выступает Сандра Фёлкер. Антье Буш-шульте впоследствии станет единственной немецкой пловчихой, принимавшей участие во всех главных международных соревнованиях года (чемпионат Европы, чемпионат мира, Олимпийские игры) в течение 14 лет подряд (1995–2008) вплоть до завершения спортивной карьеры.

При определении степени выраженности признака следует упомянуть процессы интенсификации и деинтенсификации, под которыми понимается усиление или уменьшение проявления

признака у объекта сравнения. За градуирование степени выраженности признака одаренности и / или гениальности отвечают интенсификаторы разного рода: например, *mindestens so, so, ebenso, (nicht) halb so, fast so, (nicht) ganz so* и т. п. Наличие интенсификатора в составе ЛкСМ будет рассматриваться как модификация изначальной модели:

- (2) Francis Veber, dessen Stück "Der Kontrakt" den Filmen "Die Filzlaus" und "Buddy Buddy" mit Walter Matthau und Jack Lemmon zugrunde lag, beweist in "Dinner für Spinner" eine einfache und menschenfreundliche These: Der dumme kleine Mann ist der Ehrliche, und der erfolgreiche Zyniker nur ein kleiner Hanswurst. So genial wie Matthau und Lemmon sind Christian Wölffer als Brochant und Heinz Renhack als Pignon zwar nicht (*Berliner Zeitung*, 24.08.1996).

Контекст (2) представляет собой эксплицитно выраженное сравнение с интенсификатором: на премьере спектакля «Ужин с придурком» (*нем. Dinner für Spinner, фр. Le dîner de cons*) игра немецких актеров Кристиана Вольффера (*нем. Christian Wölffer*) и Хайнца Реннаха (*нем. Heinz Renhack*) оказывается не такой блестящей (*nicht so genial wie*), как игра обладателей Оскара, американских актеров Уолтера Маттау (*англ. Walter Matthau*) и Джека Леммон (*англ. Jack Lemmon*) в похожих комедиях. Примечательно, что в заметке о премьере в издании *Berliner Kurier* того же времени Хайнца Реннаха называют человеком многих талантов (*нем. Multitalent*), т. е. чрезвычайно разносторонним и умелым человеком.

ЭТАЛОН ГЕНИАЛЬНОСТИ В ИМПЛИЦИТНОМ СРАВНЕНИИ

Поскольку степень проявления признака всегда различна, большую роль играет сама шкала, в которой также должно найти отражение соотношение субъективного и объективного. Обязательным элементом сравнения выступает эталон, и применительно к шкале эталон является некой точкой отсчета. В случае, если основание сравнения опущено, т. е. трехчленная структура сравнения представлена в свернутом виде, то значительная часть информации остается невыраженной и основание сравнения кроется в самом эталоне. Выделение эталонных характеристик антропонима связано со сдвигом референциальной соотнесенности, последующим дефокусированием и компрессией информации, которые сопровождают приобретение антропонимом семы градуальности и формирование особой шкалы.

Это имплицитное сравнение создает иллюзию идентификации объекта и эталона сравнения и представляет собой частную ЛкСМ $A1 = A2 + gX$, построенную на механизме отождествления, где: $A1$ – антропоним-объект сравнения; $A2$ – антропоним-эталон сравнения; gX – определение в форме родительного падежа, указывающее на область деятельности объекта сравнения ($A1$).

В качестве примера приведем антропоним *Mozart*, который с течением времени подвергся деонимизации и стал использоваться в значении символа одаренности и гениальности в целом: например, Астор Пьяццолла считается Моцартом танго (*нем. der Mozart des Tangos*).

При этом антропоним *Mozart* может выступать в роли абсолютного эталона, о чем свидетельствует его использование в междоменном сравнении: австро-немецкого профессора Отто Прокопа, предопределившего развитие криминалистической экспертизы, называют Моцартом судебной медицины (*нем. der Mozart der Gerichtsmedizin*, пересечение доменов Музыка / Медицина). А гонконгского кинорежиссера Джона Во считают Моцартом боевиков (*нем. Mozart des Actionfilms*, пересечение доменов Музыка / Кино) и т. п.

Другим абсолютным эталоном одаренности / гениальности можно назвать Эйнштейна. Использование этого антропонима в большом количестве контекстов с междоменным сравнением свидетельствует об универсальном характере эталона:

- (3) Im Januar wurde das Auditorium eröffnet, das der jetzt 102 Jahre alte *Oscar Niemeyer* entwarf, *der Einstein der Architektur*, ein *Genie der Raumkrümmung*. Sechzehn Meter weit ragt sein 500-Plätze-Bau am Steilhang ungestützt dem Meer entgegen (*Die Zeit*, 29.04.2010).

В контексте (3) представлено сравнение, задействующее домены Архитектура и Физика: известного бразильского архитектора Оскара Нимейера (*нем. Oscar Niemeyer*), которому в 2010 году исполнилось 102 года, называют Эйнштейном архитектуры (*нем. der Einstein der Architektur*). Его считают одним из самых выдающихся архитекторов XX века, по чьим проектам строились здания во всем мире. Оскар Нимейер – гений искривления пространства (*нем. ein Genie der Raumkrümmung*), пионер в области железобетонной архитектуры, именно он является основателем современной самобытной бразильской школы архитектуры. Значимость идей и преобразований Оскара Нимейера в области архитектуры сопоставима с деятельностью Альберта Эйнштейна в области физики так же, как и сопоставим уровень их одаренности.

Среди других эталонных характеристик антропонима *Einstein* можно отметить особое страстное увлечение своей профессией и желание работать до тех пор, пока это позволяет здоровье: Оскар Нимейер работал архитектором с 1930-х годов до глубокой старости. В возрасте 102-х лет архитектор века (*нем. Jahrhundertarchitekt*) спроектировал уникальный концертный зал в стиле авангарда в городе Равелло на побережье Амальфи.

- (4) Immer wieder geht *der hüftlahme Einstein des Tanzes* denselben Weg durchs Greenwich Village, tritt der letzte lebende Klassiker des modernen Balletts unter Schmerzen, aber mit Anmut und Würde vor sein erwartungsvolles Ensemble (*Die Zeit*, 16.04.2009, Nr. 17).

В контексте (4) речь идет о танцоре, последнем живом классике современного балета (*нем. der letzte lebende Klassiker des modernen Balletts*), которого называют хромым Эйнштейном танца (*нем. der hüftlahme Einstein des Tanzes*). Контекст, в котором использовано сравнение, также подчеркивает основание для сравнения – гениальность и величие танцора, преодолевающего боль ради достижения цели.

- (5) Hartmut Moheit über *den Einstein der Formel 1* <...> Am Sonntag hatte *der Einstein der Formel 1* einen seltsamen Auftritt (*Der Tagesspiegel*, 01.07.2003).

В контексте (5) представлено сравнение, в котором пересекаются домены Физика и Спорт / Соревнования: спортивный журналист издания *Der Tagesspiegel*, анализируя причины проигрыша команды на гонке «Формула 1», сравнивает технического директора команды Росса Брауна (*Ross Brawn*) с Эйнштейном (*нем. der Einstein der Formel 1*). Росс Браун, британский инженер и конструктор, с 2017 года занимает должность спортивного директора «Формула-1». Например, в 1994 и 1995 годах Брауну, техническому директору и главному конструктору команды «Бенеттон», вместе с Флавио Бриаторе и Михаэлем Шумахером удалось привести команду к двум чемпионским титулам и Кубку конструкторов. По некоторым данным, только три из 91 победы Шумахера на трассах чемпионата мира были одержаны без участия Росса Брауна. При наличии соответствующих фоновых знаний определить основание сравнения, казалось бы, не вызывает трудности: для поистине успешного участия в гонке «Формула-1» необходимо, чтобы в команде, помимо талантливого гонщика и состоятельного инвестора, был еще специалист не просто высшего

класса, а мирового уровня, способный совершить технический прорыв.

Мы обращаемся к крайне емкому сравнению, где использован абсолютный эталон, не нуждающийся в соотношении с иным классом однородных объектов, и делает стратегию опоры на крайнюю точку шкалы одаренности / гениальности текстообразующей. Выстраивая весь текст статьи вокруг этого сравнения, мы стремились более подробно разъяснить основание сравнения и приводили многочисленные факты из биографии великого физика. Среди фактов есть, например, приписываемое ученому утверждение о том, что в мире существуют только три человека, которые действительно понимают теорию относительности. Это автор обыгрывает вопросом, кто может понять Росса Брауна кроме него самого. В начале статьи автор не без иронии перечисляет, как мало общего у Росса и Эйнштейна: один носит очки, другой никогда не носил; у одного коротко стриженные волосы, у другого – локоны; и то, что Браун пять лет проработал в ядерной лаборатории, едва ли тянет на основание для сравнения. Так, имплицитное сравнение может использоваться

для достижения определенного лингвопрагматического эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что исследованные в статье ЛкСМ с эксплицитно и имплицитно выраженным основанием сравнения *одаренность и / или гениальность* являются, по сути, рекуррентными моделями языковой интерпретации, обладающими большим структурно-семантическим, лингвопрагматическим и лингвокогнитивным потенциалом. Характерными особенностями такой языковой интерпретации выступают в первую очередь субъективность оценки, контекстуальная детерминированность, возможное изменение значимости признака.

Выделенный общий признак имеет градуальный характер, а использование интенсификаторов в сравнении приводит к определенной модификации ЛкСМ. Антропоним же благодаря своему особому устройству способен выступать в качестве абсолютного эталона в междоменных сравнениях, таким образом, градуированию может подвергаться и сама ценность эталона сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2016.
2. Болдырев Н. Н., Блохина Е. Д. Сравнительные конструкции как механизм вторичной интерпретации знаний о мире // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11. С. 1713–1722.
3. Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: монография. Тамбов: Издат. дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2017.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.
5. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
6. Brdar M., Brdar-Szabó R. When Zidane is not simply Zidane, and Bill Gates is not just Bill Gates: Or, Some thoughts on online construction of metaphonymic meanings of proper names. *Aspects of Meaning*. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 125–142.
7. Brdar M., Brdar-Szabó R. The Bruce Willis of sandwiches THE Y OF X IS Y OF Z construction on its journey to a paragon model, as one way of achieving intersubjectivity. *Diadorim*, Rio de Janeiro. 2020. Vol. 22. # 2. Pp. 277–302.
8. Цветаева Е. Н., Куликова В. А. Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении // Русская германистика. М.: Флинта, 2021. Т. 18. С. 474–491.
9. Куликова В. А. Метафтонимические процессы при антропонимах в лингвокогнитивных моделях сравнения в современном немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 199–205.
10. Голубкова Е. Е. Прецедентное имя как способ создания медийного образа во франкоязычных и англоязычных СМИ (корпусный подход) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 16–19.
11. Athanasiadou A. Paragon and Antonomasia: similar but / and different? Elsevier: *Lingua*, 2023.
12. Шендельс Е. И. Избранные труды: к 90-летию со дня рождения. М.: РЕНА, 2006.
13. Тимофеева М. К. Языковые шкалы: направления современных исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 3. С. 5–17.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2016). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Moscow ; Berlin: Direkt-Media. (In Russ)
2. Boldyrev, N. N., Blokhina, H. D. (2022). Comparative Constructions as a Mechanism for Secondary Interpretation of World Knowledge. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 15(11), 1713–1722. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. (2017). Yazyk kak interpretiruyushchiy faktor poznaniya. Interpretatsiya mira v yazyke: monografiya = Language as an Interpreting Factor of Cognition. Interpretation of the World in Language: a Monograph. Tambov: Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.)
4. Gulyga, E. V., Shendel's, E. O. (1969). Grammatiko-leksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke = Grammatical and lexical fields in modern German. M.: Prosveshhenie, 1969. (In Russ.)
5. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. = Focus games in language : Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
6. Brdar M., Brdar-Szabó R. (2007). When Zidane is not simply Zidane, and Bill Gates is not just Bill Gates: Or, Some thoughts on online construction of metaphonymic meanings of proper names. Aspects of Meaning (pp. 125–142) Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
7. Brdar M., Brdar-Szabó R. (2020). The Bruce Willis of sandwiches THE Y OF X IS Y OF Z construction on its journey to a paragon model, as one way of achieving intersubjectivity. Diadorim, Rio de Janeiro, 22, 2, 277–302.
8. Tsvetaeva, E. N., Kulikova, V. A. (2021). Conceptual Integration: Anthroponyms in Antonomasia. Germanic philology in Russia: yearbook of the Russian union of Germanists, 18, 474–491. (In Russ.)
9. Kulikova, V. A. (2021). Metaphonymic processes in linguo-cognitive comparative models with anthroponyms in modern German language. Cognitive Studies of Language, 4(47), 199–205. (In Russ.)
10. Golubkova, E. E. (2022). Precedent Name as a Means of Creating media Image in French and English Mass Media (corpus-based approach). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(867), 16–19. (In Russ.)
11. Athanasiadou A. (2023). Paragon and Antonomasia: similar but / and different? Elsevier: Lingua.
12. Shendel's, E. I. (2006). Izbrannye trudy: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya = Selected Works: for the 90th Anniversary. Moscow: REMA. (In Russ.)
13. Timofeeva, M. K. (2019). Linguistic Scales: Current State-of-the-Art. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 17(3), 5–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Валерия Александровна

старший преподаватель
кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
института иностранных языков имени М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Valerya Alexandrovna

Senior Lecturer
at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of German Language
M. Thorez Institut für Fremdsprachen
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.161.1

Метафорический экфрасис как инструмент визуализации в романе Виктора Пелевина «Путешествие в Элевсин»

А. В. Пименова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
pimenowa.alina2016@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется метафорический экфрасис в романе Виктора Пелевина «Путешествие в Элевсин». Под метафорическим экфрасисом понимается тип описания, в котором метафора играет ключевую роль в создании визуального образа и организации экфрастического нарратива. Анализ показал, что основополагающими концептуальными метафорами романа являются «жизнь – это путешествие» и «жизнь – это история». Объединяя эти метафоры в многослойный нарратив, Пелевин поднимает проблему самоопределения в мире взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: вербализация, Виктор Пелевин, изображение, метафора, текст, экфрасис

Для цитирования: Пименова А. В. Метафорический экфрасис как инструмент визуализации в романе Виктора Пелевина «Путешествие в Элевсин» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 104–111.

Original article

Verbalization of Visual Metaphor in Victor Pelevin's Novel "Journey to Eleusis"

A. V. Pimenova

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
pimenowa.alina2016@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of metaphorical ekphrasis in Victor Pelevin's novel "Journey to Eleusis". Metaphorical ekphrasis is understood as a type of description in which metaphor plays a key role in creating a visual image and organizing the ekphrastic narrative. The research found that the fundamental conceptual metaphors of the novel are "life is a journey" and "life is a story". By integrating these metaphors into a multi-layered narrative, Pelevin addresses the problem of self-identity in a world of human-AI interaction.

Keywords: verbalization, Victor Pelevin, image, metaphor, text, ekphrasis

For citation: Pimenova, A. V. (2024). Verbalization of Visual Metaphor in Victor Pelevin's Novel "Journey to Eleusis". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 104–111.

ВВЕДЕНИЕ

Для прозы последних лет характерны промежуточность, гибридность форм, параллельные комбинации смыслов, попытка связать настоящее с далеким прошлым и будущим, построение новой структуры чувств, опирающейся на искренность, отражение тенденций, доминирующих в современной культуре [Аккер, Вермюлен, 2019]. Трансформации смысловой и концептуальной составляющих современного текста коррелируют с изменением комплекса языковых средств, которые в ряде случаев отсылают к визуальным образам и создают эффект литературной кинематографичности [Мартыанова, 2017]. Как следствие, меняется позиция читателя, который теперь получает статус читателя-зрителя со способностью интерактивного видения, позволяющего через отдельные языковые приемы практически осязать смысловое пространство текста. Одним из средств создания такого эффекта является метафорический экфрасис.

В отечественной науке экфрасис относится к одному из наиболее изученных направлений. Об этом пишут в своих работах [Брагинская, 1977; Геллер, 1997; Яценко, 2011]. Однако в существующих исследованиях метафора в экфрасисе еще не рассматривалась как механизм, организующий смысловое и концептуальное пространство текста, в котором экфрасис составляет отдельную нарративную линию, развивающуюся параллельно основному сюжету и дополняющую его смысл за счет вербального описания произведений изобразительного искусства.

Роман Виктора Пелевина «Путешествие в Элевсин» (2023) по ряду характеристик, подобно роману «S.N.U.F.F.» (2011), встраивается в традицию метамодернизма [Бугаева, 2010]. Наряду с романами «Transgumanism Inc.» (2021) и «KGBT+» (2022) «Путешествие в Элевсин» входит в цикл «Трансгуманизм». Действие этих романов разворачивается в будущем, где люди ведут экологичный образ жизни, живут согласно идеологии трансгуманизма, имеют право на бессмертие, поместив свой мозг в банку со специальной жидкостью. В мире будущего многие проблемы человечества решают нейросети, искусственные алгоритмы и компьютерные программы. Основная проблема трилогии – установление границ между человеческим разумом, сознанием и искусственным интеллектом, способным воспроизвести любую картину человеческого воображения. Романы Пелевина содержат яркие визуальные образы – нейросети и алгоритмы персонифицируются, в работу искусственного интеллекта инкорпорируются образы человеческой фантазии, благодаря которым процесс работы AI становится зрительно осязаемым.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Историю возникновения экфрасиса связывают с появлением греческой риторики, в которой вербальные описания произведений изобразительного искусства использовались в качестве одного из элементов украшения речи и развития ораторского мастерства [Webb, 1999]. Масштабное исследование экфрасиса как научной проблемы начинается только во второй половине XX века, что частично было обусловлено возрастающей ролью аудиовизуальных форм коммуникации. В англоязычной литературе классической работой, посвященной изучению экфрасиса, стала статья Дж. Хеффернана, в которой автор предлагает определять экфрасис как «the art of describing works of art, the verbal representation of visual representation» [Heffernan, 1991, с. 299], акцентируя внимание на двойной референции экфрасиса.

Расширяя значение понятия, Н. В. Брагинская предложила развернутое определение – «любое описание произведения искусства; описания, включенные в какой-либо жанр, т. е. выступающие как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собой некий художественный жанр» [Брагинская, 1977, с. 264]. Широкий подход к исследованию предполагает возможность изучения экфрасиса как жанра и рассмотрения отдельных художественных текстов в качестве одного из видов экфрасиса. Речь идет о текстах, в которых сюжет выстраивается вокруг произведения искусства или его создания («Портрет Дориана Грея» О. Уальда, «Щегол» Д. Тартт и т. д.). Несмотря на популярность подхода, широкое понимание экфрасиса получило множество критических откликов, сосредоточенных не только на вопросе дифференциации видов экфрасиса, но и проблеме разграничения понятий. Одна из критических работ принадлежит С. Н. Зенкину, который отметил, что описание одного художественного текста средствами другого вида искусства может работать и в обратном направлении, например, в случаях, когда литературный текст в произведении изобразительного искусства репрезентирован с помощью графических средств¹.

Проблема дифференциации видов экфрасиса связана с множественностью подходов к его изучению. Одна из попыток детальной классификации принадлежит Е. В. Яценко, которая выделяет виды экфрасиса в соответствии с разграничением принципов систематизации: по объекту описания (прямые, косвенные), по объему (полные, свернутые, нулевые), по описываемому референту, по наличию / отсутствию реального референта

¹URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/5/novyie-figury.html>

(миметические, немиметические), по авторской принадлежности (монологические, диалогические), по способу подачи (цельные, дискретные), по широте транслируемой визуальной информации (простые, сводные), по времени появления в тексте (первичные, вторичные), по содержанию (дескриптивные, толковательные) [Яценко, 2011]. Представленные классификационные принципы позволяют охарактеризовать экфрасис как феномен литературного текста, но при этом не учитывают возможность наличия в экфрасисе метафорического компонента, который влияет как на организацию, так и на содержание художественного произведения.

В настоящей статье речь пойдет о метафорах, включенных в экфрастические описания, которые, с одной стороны, являются элементом внутренней визуализации сюжетного пространства, а с другой – выполняют роль механизма, участвующего в конструировании смысла текста и его концептуального содержания. Далее будем называть метафорическим тип экфрасиса, в котором метафора занимает доминантную позицию в репрезентации визуального образа.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа метафорического экфрасиса в романе Пелевина «Путешествие в Элевсин» были определены три основных метода в рамках лингвокогнитивного подхода: структурный, семантико-контекстуальный и семантико-когнитивный. Структурный метод применяется на этапе выявления компонентов метафоры, включенной в экфрастическое описание, и составления метафорической модели. Семантико-контекстуальный метод используется для семантической интерпретации значения метафор в художественном дискурсе. Поскольку метафоры в экфрасисе относятся к типу художественных метафор, их значение опосредовано контекстом, в этом состоит ключевое отличие художественных метафор от языковых, являющихся автономными вторичными номинациями с переносным значением (*нос человека – нос корабля* и т. п.) [Телия, 1977]. Семантика языкового знака складывается из лингвистической и экстралингвистической информации, поэтому исследование метафоры вне контекста влечет утрату части значения и представляется неполным. Метод семантико-когнитивного анализа используется при исследовании концептуального значения метафор, интерпретация которого позволяет расширить представление об индивидуальном стиле писателя.

В англоязычной традиции с начала XX века принято выделять две области в структуре метафоры – нечто, о чем говорится, и то, с чем нечто

сравнивается. В когнитивной лингвистике при исследовании концептуальных значений метафор эти области получили названия источника (*source domain*) и цели (*target domain*) [Lakoff, Johnson, 1980]. Так, концептуальная метафора *время – деньги* содержит источник – *время* и цель – *деньги*. В языке эта концептуальная метафора репрезентируется с помощью сети языковых и художественных метафор, содержательно связанных со значением *время – деньги* (*тратить время; это устройство сэкономит тебе много времени; у меня нет времени для тебя* и т. д.) [там же]. Подобным образом одно и то же концептуальное значение может быть выражено с помощью разных, тематически связанных друг с другом метафор в экфрастических описаниях, что необходимо учитывать при интерпретации их смысла на уровне обобщения.

В метафоре, представленной в экфрастическом изображении, вслед за Дж. Миллером предлагается выделять следующие компоненты: референт (исходная область), релят (то, с чем сравнивается исходная область) и признак сходства (репрезентированный или имплицитно подразумеваемый) [Миллер, 1990]. В результате имеем метафорическую модель «*S* похоже на *P* по признаку *R*», где *S* – референт, *P* – релят, *R* – признак сходства.

На основе обозначенных выше методов и особенностей метафорического экфрасиса для анализа предлагается следующий алгоритм:

- 1) составление метафорической модели на основе выявления компонентов метафоры;
- 2) семантическая интерпретация метафоры в контексте экфрастического описания;
- 3) интерпретация концептуального значения;
- 4) выявление роли метафорического экфрасиса в художественном дискурсе.

АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЭКФРАСИСА В ТЕКСТЕ ПЕЛЕВИНА

Инкорпорированные в смысловое пространство цикла «Трансгуманизм» метафоры организуют содержание романов и поэтому могут рассматриваться как один из ключей их прочтения. Смысловая структура текстов отличается друг от друга. В романе «Transgumanism Inc.» дается общая характеристика мира будущего, его устройства и законов, где читатель знакомится с основными персонажами, роман «KGBT+» является автобиографией, написанной от лица человека, живущего в мире Трансгуманизма, а «Путешествие в Элевсин» позиционируется как сгенерированный искусственным алгоритмом роман, в котором повествуется о путешествии человека в виртуальные миры. Ряд визуальных образов цикла тематически

можно соотнести в соответствии с его устройством: в первом романе преобладают антропоморфные и пространственные метафоры; во втором – метафоры, связанные с вопросами определения человека и тех реальностей, в которых человек существует; в третьем романе метафоры акцентируют внимание на вопросах соотношения человеческого мозга и искусственного интеллекта. Наряду с этим в романе «Путешествие в Элевсин» реализуется тема, которая, с одной стороны, служит связующим звеном цикла, а с другой – находит свое воплощение не только в сюжете, но и в вербальных репрезентациях изобразительных произведений искусства и поэтому может прочитываться как метанарратив. Речь идет о теме путешествия и пути, истоки которой, как видится, лежат в философских увлечениях писателя.

Еще в юности, по словам Сергея Москалева, Пелевин носил сумку, в которой лежали книги по дзен-буддизму, впоследствии несомненно повлиявшие на общую мировоззренческую позицию писателя [Полотовский, 2012]. Ключевая мысль буддистского учения – жизнь человека на земле представляет путь, состоящий из череды страданий, которые тот может преодолеть, следуя учению Будды и уделяя внимание духовным практикам, а не потребностям тела. У Пелевина иллюстрации этой идеи находят свое отражение уже в раннем творчестве и часто раскрываются в каламбурной манере (например, изображение духовного пути человека через описание жизни проститутки-оборотня («Священная книга оборотня», 2004). По замечанию А. Д. Степанова, действие ранних романов писателя разворачиваются в мире, где не существует пространства и времени, а сами события больше напоминают игру ума в пустоте: «“Плен ума” Виктора Пелевина, он же инвариант его текстов, – это замкнутая структура, совпадение истока и цели, конца и начала, содержимого и содержащего, любых знаков, которые кажутся различными» [Степанов, 2021, с. 73]. При этом если в ранних романах писателя значение пустоты сводится к состоянию «ума», то в поздних текстах под пустотой разумеется отсутствие сознания как такового, через духовные практики способное отменить самое себя: «Ты, Бахия, должен практиковать так. В увиденном будет только увиденное. В услышанном – только услышанное. В ощущаемом – только ощущаемое. В осознаваемом – только осознаваемое. Так и тренируйся, и если достигнешь подобного, тебя в этом уже не будет. Когда тебя не будет в этом, тебя не будет нигде – ни здесь, ни там, ни где-либо между. Это, вот именно это и есть конец страдания» (В. Пелевин, «КГВТ+»). Представляется, что эта одна из тех доминант, которые Пелевин,

облекая в образную форму, реализует в романах, развивая идею пустоты через метафору жизни как вечного путешествия. Средства выражения этой метафоры у Пелевина многообразны, однако среди прочих выделяется художественный прием, который в наглядной форме позволяет передать основное концептуальное значение. Этот художественный прием – метафорический экфрасис.

При исследовании метафор в экфрасических описаниях значимым видится понимание экфрасиса в узком значении как вербальной репрезентации произведения изобразительного искусства. Подробно об экфрасисе в романе «Generation “П”» (1999) писала Л. Д. Бугаева, подчеркивая, что у Пелевина экфрасис как литературная традиция «текста в тексте» представлена довольно широко [Бугаева, 2010]. У Пелевина подобные вставки со времен романа «Generation “П”» стали систематическим явлением. В «Путешествии в Элевсин» насчитывается около шести описаний картин и барельефных изображений с переносным значением. Одно из них представляет портрет Гольденштерна, одного из мистических героев трилогии:

Портрет Прекрасного Гольденштерна над его головой был выдержан в темных тонах. Мифологический глава «TRANSGUMANISM INC.» в виде мистической фигуры: хламида, капюшон, посох в руке. Черты лица неразличимы – лишь золотой свет летит из капюшона, освещая человечеству путь. В ежедневной ментальной анимации, которую видят баночники, Гольденштерн совсем другой – картина как бы намекала на тайное корпоративное знание, недоступное профану (В. Пелевин. Путешествие в Элевсин).

Метафорическая структура изображения включает следующие компоненты: «Гольденштерн похож на Р по признакам мистическая фигура в хламиде с капюшоном, держит в руке посох, излучает золотой свет, освещает человечеству путь». Одна из возможных интерпретаций ассоциативных признаков связана с представлением о масонских образах в культуре. Так, золотой свет, излучающийся из капюшона, может быть соотнесен с ключевым масонским символом – всевидящее око с расходящимися от него лучами, олицетворяющее Великого Архитектора Вселенной. Одно из известных изображений этой фигуры в живописи принадлежит Уильяму Блейку¹. С другой стороны, в имени Гольденштерна запечатлена семантика

¹Уильям Блейк «Великий архитектор» (1794), Британский музей Лондона. В центре гравюры художник изобразил Бога в облике старца с измерительным архитектурным инструментом в руке. От центрального силуэта гравюры расходятся золотые лучи, освещающие момент создания мира.

золотого цвета (*англ. gold – золотой*). Поэтому одно из значений метафоры Пелевина сводится к пониманию Гольденштерна как мистической фигуры, олицетворяющей тайное знание. Знание в русской культуре исконно коррелирует со значением *света*, поэтому на концептуальном уровне контекстуальное значение метафоры соотносится с когнитивной метафорой *знания – это свет*, без которого невозможен человеческий путь – так же, как невозможно развитие. Иными словами, знания у Пелевина представляют одну из репрезентаций человеческого пути. Если обратиться к сюжетам ранних текстов писателя, например, «Generation “П”» (1999), «Священная книга оборотня» (2004) или «Бэтман Аполло» (2013), то можно увидеть, что сюжеты этих романов развиваются вокруг героев, которые через преодоление жизненных испытаний получают тайное знание, впоследствии возвышающее их над другими.

Размышляя о ранних текстах Пелевина, А. Д. Степанов заметил, что романы писателя подобны логической матрице, в которой «любой знак неопределим, он может быть «определен» только через другой знак через другой знак через другой знак... и в конечном итоге – через самого себя» [Степанов, 2021, с. 75]. Тот же принцип обнаруживается в поздних текстах писателя, где каждая деталь и метафора находит свое отражение в другой и проясняет значение идеи, существующей над текстом и организующей его в единое целое. Поскольку метафорический экфрасис составляет один из механизмов формирования смысла текста, его концептуального значения и служит средством создания художественной образности, анализ метафор в экфрасических описаниях позволяет проникнуть в разные слои художественного пространства и проследить за тем, как они связаны.

Сюжет романа «Путешествие в Элевсин» развивается вокруг героя Маркуса Зоргенфрея, который получает задание от главы службы безопасности последовать в симуляцию ROMA-3, созданную искусственным интеллектом, с целью сопроводить живущего в ней императора Порфирия в мистический Элевсин, выяснить, что замышляет искусственный алгоритм, и по мере возможного предотвратить это. Тема путешествия и пути намечена уже в заглавии романа, поэтому продолжение этой темы в экфрасических описаниях становится логичным развитием сюжетной линии.

Метафорические изображения в экфрасических вставках, с одной стороны, раскрывают духовные метаморфозы героев, а с другой – намекают скрытые подтексты грядущих событий. Так, описание барельефа с изображением людей-лягушек из комедии Аристофана становится сценой,

предвосхищающей эпизод переправы героев через мистическую реку, а репрезентация барельефа на стене тайного коридора с изображением раздвоенного лица Порфирия становится загадкой, ответ на которую главный герой получает только в конце романа:

Изображение на нем походило на последнюю трапезу Христа, как культуристы изображают ее в своих катакомбах. Различие заключалось в том, что сидящие за столом были в масках. Я, однако, сразу узнал Порфирия по грубому лицу с большим носом – и по зубчатой диадеме. Лицо его почему-то раздваивалось, словно скульптор пытался изобразить рядом тень или отражение.

Раздвоенный Порфирий сидел в центре стола, раскинув руки в стороны как для объятий. Принцепс с хорошим вкусом, подумал я, не наденет такую диадему – подобные в ходу только у восточных царей (*В. Пелевин. Путешествие в Элевсин*).

Поэтическая речь Пелевина отличается характерным для него смешением высокого и низкого стиля, что в «Путешествии в Элевсин» отчасти продиктовано выбором первоначальной формы повествования, которая предоставляет автору свободу в использовании средств выражения субъективной модальности. К одному из таких средств относится слово *культуристы*, в тексте употребляющееся в переносном значении с семантикой «люди, работающие в сфере культуры», в данном случае художники. Переносное значение формируется вследствие реализации языковой игры между однокоренными словами *культура* и *культуристы* (люди, тренирующие свое тело для увеличения объема мышц). Нарочитое отступление от речевой нормы, а также сочетание лексемы с описанием барельефа, метафорически соотносящегося с Тайной вечерей Христа, вызывает столкновение стилистически чуждых единиц в пределах одного текста, создавая ироническую интонацию.

Ирония в описании изображения Порфирия акцентируется через гротескное противопоставление образа Христа и императора с «грубым лицом» и «большим носом». Соотнесение двух противоположных образов создает метафорический контекст, в основе которого лежит изображение раздваивающегося лица императора. Двойственность образа порождает метафорически-ассоциативный нарратив, в котором изображение Порфирия на барельефе, встречающееся в начале романа, становится загадкой, ответ на которую герой находит в конце своего путешествия.

В романах Пелевина визуальные образы часто выполняют роль коанов – своеобразные аналоги

христианских притч в дзен-буддизме. Обыкновенно коан не содержит морали, это образная загадка, решить которую невозможно путем логических размышлений. Ученик получает коан от учителя и пытается его решить через переживание сатори, такого состояния, при котором отключаются сенсорные ощущения и становится доступен опыт переживания чистой мысли. Решение коана открывается на одной из последних ступеней духовной практики в момент просветления. Загадка, встречающаяся главному герою в «Путешествии в Элевсин» в виде метафорического изображения двойника, раскрывается им постепенно, часто через общение с другими персонажами текста:

– Помните, на барельефе он как бы раздваивается? Мы поняли, что это значит, проследив за его операциями. Он изготовил своего двойника. Сделал резервную копию и разместил ее где-то в корпоративной сети. Где именно, мы не знаем. Даже если стереть Порфирия, он вынырнет в другом месте (В. Пелевин. Путешествие в Элевсин).

В классификации Яценко этот текст относится к толковательному типу экфрасиса, поскольку представляет одну из субъективных интерпретаций изображения [Яценко, 2011]. Однако по мере приближения героя к цели путешествия открывается неполнота и многослойность представленного толкования:

– Помнишь на барельефе лицо императора двоилось? – спросил Порфирий. – Ломас объяснил это тем, что алгоритм сделал свою копию и спрятал ее в сети. Почти правда. Я сделал копию, но спрятал ее не в сети, а в самой симуляции. Ты возник в тот момент, когда читал предисловие императора. Это было вступление к моему роману и одновременно инструктаж от Ломаса. Копия Порфирия – это ты сам (В. Пелевин. Путешествие в Элевсин).

Динамика в понимании произведения искусства героем текста, изменяющаяся под влиянием внешних обстоятельств и внутренних факторов, демонстрирует процесс изменения человеческого мировидения. В результате экфрасис в текстах Пелевина становится одним из инструментов, отражающих отношения между человеком и окружающей его действительностью.

Смысловая ткань текста формируется последовательно через построение ряда символов и образов, связывающих искусственный интеллект с главным героем романа. Сочетание в повествовании голосов Порфирия и героя с параллельно развивающимся метафорическим нарративом об

их двойничестве приводит к взаимонаправленному размыванию границ между человеком и компьютерным алгоритмом. Поэтому метафорический экфрасис является одной из нарративных линий, участвующих в развитии сюжета о пути человека к самому себе, о его внутренней борьбе, развитии и в конечном итоге к осознанию героем своей идентичности.

Поскольку путешествие главного героя в тексте разворачивается вокруг философской проблемы самопознания и определения человеком своего места в мире, основополагающей концептуальной метафорой романа является метафора *жизнь – это путешествие*. С другой стороны, так как «Путешествие в Элевсин» позиционируется как текст, сгенерированный искусственным интеллектом, в романе реализуется значение концептуальной метафоры, обозначенной Лакоффом и Джонсоном как *жизнь – это некая история*: «*We are constantly looking for meaning in our lives by seeking out coherences that will fit some sort of coherent life story. And we constantly tell such stories and live in terms of them. As the circumstances of our lives change, we constantly revise our life stories, seeking new coherence*» [Lakoff, Johnson, 1980, с. 175]. Объединяя в тексте значение метафор через построение нарратива о путешествии, Пелевин поднимает проблемы самоопределения человека в современном мире, а многослойный нарратив романа позволяет исследовать взаимодействие реального и виртуального, что особенно актуально в эпоху цифровых технологий и развития искусственного интеллекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слова, изображения и концептуальные представления, используемые для выражения метафорического значения, охватывают области лингвистики, когнитивных наук, философии и семиотики. Поэтому в рамках лингвистического учения для анализа метафорического экфрасиса были избраны три метода – структурный, семантико-контекстуальный и семантико-когнитивный, которые позволили выявить ключевые концептуальные метафоры, содержащиеся в вербальных репрезентациях предметов изобразительного искусства.

Метафорический экфрасис характеризуется детальным и завершенным описанием визуального образа в тексте, что приводит к его выходу за пределы обычного повествования. Обладающий метафорической семантикой экфрасис создает дополнительный нарратив, который функционирует параллельно с основным текстом и влияет на формирование концептуального смысла художественного произведения. В результате анализа метафор

в экфрасических включениях романа Виктора Пелевина «Петешествие в Элевсин» было обнаружено, что ключевыми концептуальными метафорами текста являются *жизнь – это путешествие* и *жизнь – это некая история*.

В творчестве Виктора Пелевина вербальное описание произведений искусства составляет оформившуюся и самостоятельную нишу. Пелевин часто включает в тексты описания вымышленных

произведений искусства, которые гармонично встраиваются в художественный мир, создавая условную реальность «ума». Условность реального мира, граничащего с ирреальностью, воплощается через включение в текстовое пространство визуальных образов, которые составляют один из способов выражения концептуального смысла текста и могут рассматриваться как одно из средств выражения авторского уникального стиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аккер Р., Вермулен Т. Метамоде́рнизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ Классик, 2019.
2. Мартыанова И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале русской прозы) // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 1. С. 136–141.
3. Бугаева Л. Д. Экфрасис в романе Пелевина «Generation “P”». Мир русского слова. 2010. № 3. С. 93–101.
4. Webb R. Ekphrasis ancient and modern: the invention of a genre // Word & Image. Vol. 15. № 1. 1999. P. 7–18.
5. Heffernan J. A. W. Ekphrasis and representation // New Literary History. 1991. Vol. 22. № 2. P. 297–316.
6. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.
7. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–58.
8. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований) / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
10. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 236–284.
11. Полотовский С. Пелевин и поколение пустоты. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2012.
12. Степанов А. Д. Исчезающее счастье литературы. М.: Городец, 2021.

REFERENCES

1. Akker, R., & Vermeulen, T. (2019). Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism. Moscow: Ripol Classic Group. (In Russ.)
2. Mart'ianova, I. A. (2017). Kinematografichnost' literaturnogo teksta (na materiale russkoi prozy). Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, 1, 136–141. (In Russ.)
3. Bugaeva, L. D. (2010). Ekfrasis v romane Pelevina «Generation “P”». Mir russkogo slova, 3, 93–101. (In Russ.)
4. Webb, R. (1999). Ekphrasis ancient and modern: The invention of a genre. Word & Image, 15(1), 7–18.
5. Heffernan, J. A. W. (1991). Ekphrasis and representation. New Literary History, 22(2), 297–316.
6. Braginskaya, N. V. (1977). Ekfrasis kak tip teksta (k probleme strukturnoi klassifikatsii). In Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavyanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta (pp. 259–283). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Yatsenko, E. V. (2011). Lyubite zhivopis', poety... Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model'. Voprosy filosofii, (11), 47–58. (In Russ.)
8. Teliia, V. N. (1977). Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy. By B. A. Serebrennikov (Ed.). In Language nomination (Types of names) (pp. 129–221). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press.
10. Miller, J. (1990). Obrazy i modeli, upodobleniya i metafory. N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.). In Teoriya metafory (pp. 236–284). Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Polotovskiy, S. (2012). Pelevin i pokolenie pustoty. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. (In Russ.)
12. Stepanov, A. D. (2021). Ischezayushchee schast'e literatury. Moscow: ID Gorodets. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пименова Алина Вадимовна

аспирантка

кафедры русского языка как иностранного

Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pimenova Alina Vladimirovna

PhD Student

Department of Russian as a Foreign Language

Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81.42

Средства реализации комического в современном скетче (на материале выступлений Э. Петерфальви)

В. В. Стрельцова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
wlapschina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства реализации комического в скетчах популярного в Германии артиста кабаре Э. Петерфальви (сценический псевдоним «Альфонс»). Анализ материала позволил установить отличия произведений данного автора от ставших классикой примеров немецкого комического дискурса, определить основные черты и способы реализации авторской интенции в жанре скетча. Выявлены особенности построения текста (эффект обманутого ожидания), его интердискурсивность и стилистические особенности (аллюзии, стилистические фигуры, намеренные нарушения нормы).

Ключевые слова: юмористический дискурс, юмор, скетч, комический эффект, аллюзия

Для цитирования: Стрельцова В. В. Средства реализации комического в современном скетче (на материале выступлений Э. Петерфальви) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 112–118.

Original article

Means of Implementation of the Comic in a Modern Sketch (based on the Material of E. Peterfalvi's Speeches)

Valentina V. Streltsova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
wlapschina@yandex.ru

Abstract. The linguistic means of realizing the comic in the sketches of the popular German cabaret artist E. Peterfalvi (stage name Alphonse) are examined. The analysis of the material allowed us to identify the main features and ways of implementing the author's intention in the sketch genre. E. Peterfalvi's speeches are distinguished by attention to ethical issues, as well as to topics less traditional for humorous discourse. The analysis of the material revealed the peculiarities of the construction of the text (the effect of deceived expectations), its interdiscursivity, stylistic features (allusions, stylistic figures, intentional violations of the norm).

Keywords: humorous discourse, humor, sketch, comic effect, allusion

For citation: Streltsova, V. V. (2024). Means of implementation of the comic in a modern sketch (based on the material of E. Peterfalvi's speeches). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 111–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В картине мира каждой языковой общности содержатся национально-культурные представления о комическом. Юмор следует считать культурным концептом, связанным с ключевыми культурными ценностями [Карасик, 2002]. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет юмор как понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь¹, тогда как сатира обличает отрицательные стороны действительности, подвергает их осмеянию². Юмор представляется как вид рефлексии, форма воплощения которой в ряде жанров юмористического дискурса позволяет тематизировать и критически осмысливать как явления повседневного порядка, так и острые общественные, политические вопросы, в некоторых случаях и табуированные темы. Актуальность исследования состоит в обращении к жанру скетча, определяемому в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова как «небольшая эстрадная пьеса шуточного и острого содержания»³.

Объектом исследования является современный немецкий юмористический дискурс, предметом анализа стали языковые средства объективации юмористической интенции. Исследование направлено на решение следующих задач: определение юмористического дискурса и круга тем, релевантных для немецкого юмористического дискурса, идентификация жанровых особенностей скетча на современном этапе и анализ средств объективации юмористической интенции, определение своеобразия презентации скетча на немецком языке в Германии в исполнении артиста иностранного происхождения. В качестве методов исследования применялись метод лингвистического, контекстного анализа, сравнительный метод. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых по вопросам дискурсологии и изучения юмористического дискурса [Зализняк, 2007; Слышкин, 2007; Kotthoff, 1998], по вопросам интердискурсивности [Сачава, 2009], концептологии [Карасик, 2002].

Материал исследования составили выступления культового немецкого артиста кабаре, комика, актера, сценариста французского происхождения Э. Петерфальви, выступающего под сценическим псевдонимом «Альфонс». Количество выбранных для анализа примеров составило 27 выступлений на политические, общественные, повседневные

темы. Кроме дивертисментов в исследовании рассмотрены интервью с Э. Петерфальви.

«Альфонс» называет себя артистом кабаре. Согласно словарным определениям, *das Kabarett* – это эстрадные номера в форме скетчей с музыкальным сопровождением, содержащие критику политических или актуальных событий в пародийной, остроумной форме (*Kleinkunst in Form von Sketchs u. Chansons, die in parodistischer, witziger Weise politische Zustände od. aktuelle Ereignisse kritisieren*⁴); «эстрадный дивертисмент, большей частью сатирического и злободневного характера»⁵.

СОВРЕМЕННЫЙ СКЕТЧ КАК ЖАНР ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Э. Петерфальви по праву считается одним из самых популярных комиков Германии. Продолжая традиции немецкого скетча в исполнении Петера Франкенфельда (Peter Frankenfeld)⁶, Диди Халлервордена (Didi Hallervorden)⁷, Лорио (Loriot), этот артист привносит нечто свое, а именно – юмористическое представление стереотипов о немцах и Германии с точки зрения человека дружественной, но всё же другой культуры. Это объясняется тем, что будучи французом, он прожил более 30 лет в Гамбурге, заручившись поддержкой многочисленной аудитории в Германии. Э. Петерфальви может себе позволить шуточно отзываться о некоторых привычках немцев (*Die rote Ampel ist für die Franzosen eine Empfehlung – красный свет светофора у нас французов – рекомендация*), сравнивать их с французским образом жизни и мировоззрением (часто не в пользу своих соотечественников, утверждая, в частности, (...*Die französische Gesellschaft ist pubertär. Es gebe weniger Sinn für die Suche nach Kompromissen und weniger Respekt für das Gemeinsame. – Французское общество переживает период пубертата. У него нет склонности искать компромиссы [между немцами и французами] и мало уважения к тому, что нас объединяет*), упоминать темы гендерного неравенства, непродуманной внешней политики, критику немецкой армии, недостаточное техническое оснащение для цифровизации в Германии (т. е. некоторую техническую «отсталость» страны), а также в своих выступлениях не юмористического, а в большей мере философского характера затрагивать темы религии, конфликтов в истории немецко-французских

¹URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/юмор>

²URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/сатира>

³Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Норинт, 2004.

⁴Duden Deutsches Universalwörterbuch. 6. Auflage, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2006.

⁵Готлиб К. Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь ложных друзей переводчика. М.: Советская энциклопедия, 1972.

⁶URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IHK5khZrhNQ>

⁷URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nstpDgy1xsQ>

отношений, Второй мировой войны и отношения к истории как таковой.

Артист запоминается в том числе и имиджем – французским акцентом, несколько небрежной манерой держаться; его визитной карточкой является оранжевая спортивная куртка, купленная в ГДР, и микрофон в виде плюшевой игрушки. Э. Петерфальви стал известен благодаря работе на радио и телевидении с 1994 года, где он вел юмористические телепередачи: «Kalkofes Mattscheibe» (медиакомпания Sky), «Alfons und Gäste», «Deutschland lacht» (Das Erste, SWR), «Puschel TV» (ARD), радиопередачи «Gesellschaftsabend» (Saarländischer Rundfunk), «Bonjour Alfons (SWR1 Baden-Württemberg); также он участвовал в юмористических шоу (Die Anstalt), озвучивал художественные фильмы.

По инициативе бургомистра Гамбурга О. Шольца в 2017 году артист получил двойное гражданство. В связи с этим Э. Петерфальви называет себя «einen Franko-Hamburger» (*французский гамбуржец*). За вклад в дело укрепления немецко-французской дружбы Э. Петерфальви в 2021 году удостоен Ордена за заслуги перед Федеративной Республикой Германия (das Bundesverdienstkreuz). Кроме того, он имеет и другие награды – der Bayerische Kabarettpreis (2019), der Deutsche Kleinkunstpreis (2020).

Скетчи и лирические номера этого автора, как уже упоминалось, охватывают широкую тематику: немецко-французские отношения (*Der große Kabarettist „ALFONS“ – Was Franzosen von Deutschen unterscheidet¹* – *Знаменитый Альфонс: что отличает французов от немцев*); религиозное разнообразие (*Kennen Sie eigentlich meine Grundschullehrerin?²* – *Знаете ли Вы мою первую учительницу?*); политическую борьбу (*Alfons verrät: darum sind Karotten politisch!³* – *Альфонс откроем тайну: почему морковь – тоже политика*); гендерное неравенство (*Wie bitte? Sie kennen Ada Lovelace nicht?!?⁴* – *Как? Вы не знаете Аду Лавлейс?*); проблемы цифровизации (*Alfons über die Digitalwüste Deutschland⁵* – *Альфонс о цифровой пустыне Германии*); философские вопросы (*Alfons: der Sinn des Lebens!⁶* – *Альфонс о смысле жизни*).

Скетч в исполнении Э. Петерфальви отличают как традиционные для немецкого скетча особенности (короткая [не обязательно повседневная] ситуация, завершающаяся кульминацией (die Ponte) с использованием средств экспрессивного синтаксиса, лексико-стилистических средств – гиперболы, иронии,

парадокса), так и черты, придающие выступлениям этого автора индивидуальность. Артист предпочитает создавать текст в условиях интердискурсивности, выражающейся во взаимодействии противопоставленных друг другу дискурсов [Сачава, 2009], например, философского и бытового, политического и бытового. Взаимоналожение дискурсов является текстообразующим и смыслообразующим приемом.

В связи с этим в проанализированных текстах часто возникает эффект обманутого ожидания. Так, начиная выступления в стиле рассуждения о предназначении человека и сущности человеческой природы, Э. Петерфальви задает, на первый взгляд, риторический вопрос *Wo kommen wir her, wo gehen wir hin? (Откуда мы пришли и куда мы идем?)*, за которым неожиданно следует неадекватный ситуации вопрос *Und gibt es dort genug Parkplätze? (А там достаточно парковочных мест?)*. В процессе развертывания текста становится понятным, что второй вопрос является намеком на противоречивость человеческой природы, сочетающей в себе противоположности. Текст скетча снабжается замечаниями, которые придают тексту неформальный, доверительный характер, в то же время создавая дополнительные ассоциации у зрителя. Своеобразие текстов этого автора состоит в умении на примере обыденной ситуации рассуждать на сложные темы этического характера. Выступление на тему *Kennen Sie eigentlich meine Grundschullehrerin? (Знаете ли Вы мою первую учительницу?)* построено на традиционной для этого артиста схеме: поучительная ситуация из детства, на основании которой он делает глобальные обобщения этического характера. Автор обращается к аудитории с небольшим монологом на тему религиозных конфликтов, решить которые политики и государства не в силах. Достаточно типичной и ярко выраженной особенностью скетча в текстах Э. Петерфальви является имплицитная критика общественных явлений под видом признания своей наивности или некомпетентности, при этом он представляет точку зрения большинства зрителей и идентифицирует себя с ними (доверительность создается в том числе и с помощью обращения к аудитории в невежливой форме *ihr (вы)*), например:

Ich hab immer gedacht, Religion... das ist Toleranz, das ist Liebe. Habe ich etwas falsch verstanden? ... Könnte sein, ich war immer sehr naiv. Wisst ihr, dass ich ganz lange geglaubt habe, dass Tour de France... das hat etwas mit dem Sport zu tun? – Я всегда думал, что религия – это толерантность, это любовь. Я что-то не так понял? ... Может быть, я всегда был очень наивным. Знаете, я долго был уверен в том, что Тур де Франс имеет отношение к спорту.

¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NWE6Hfuxp74>

²URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qilTiA-Ha4&t=9s>

³URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dh7rMOC2lJQ>

⁴URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O3KEthBqBaY>

⁵URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t54oBPq5ORk>

⁶URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RDm7LVMPzfc>

От зрителя требуется знание текущей ситуации, в частности, в спортивном мире, где состязательная составляющая представляется во многом благодаря СМИ менее важной, чем разного рода коррупционные, допинговые скандалы, связанные с этой сферой. Разделяя данную точку зрения, зритель понимает, что под словом «наивный» автор подразумевает не собственную ограниченность, а разочарование и раздражение сложившейся ситуацией. Далее происходит резкое переключение, автор задает вопрос *Madame Perrat, Sie kennen, oder? Sie kennen nicht Madame Perrat?! Pff ... Wenn wir die deutsch-französische Freundschaft auf den Fordermann bringen wollen, müssen Sie sich ein bisschen für Frankreich interessieren, ja?! ... Das war meine Lehrerin. (Вы же знаете мадам Перра? ... нет?! Вы не знаете мадам Перра?! Ох, если Вы хотите укреплять дружбу между немцами и французами, надо же немного интересоваться Францией! ... Она была моей учительницей).* Инверсия в первом предложении и упоминание отношений между государствами позволяет зрителю предположить, что речь идет о государственном деятеле, который всем известен. Но коммуникативные условия и жанр скетча позволяют также зрителю идентифицировать вопрос о мадам Перра как вопрос из области повседневного общения, где речь идет об общих знакомых. Далее Э. Петерфальви рассказывает, как его мультикультурный класс, где были представители не только разных вероисповеданий, но и атеисты, выполнил задание мадам Перра на тему преодоления ненависти. Был найден объект всеобщей ненависти – школьный стоматолог, распорядившийся повесить автомат со сладостями так, чтобы младшие ученики не могли его достать. Ответ, как преодолеть свое отношение к стоматологу, ученики разных вероисповеданий должны были найти в своих религиозных книгах:

Die Katholiken und Protestanten, die haben ihre Bibel mitgebracht, der Jude seine Tora, der Muslim seinen Koran, ich meine Übshefte... Wir haben die Bibel auf die Tora gelegt, darauf den Koran, dann zwei oder drei Übshefte, dann sind wir respektvoll darauf gestiegen... Der Hass auf den Zahnarzt, der war auf einmal komplett weg. – Католики и протестанты принесли Библию, еврей – Тору, мусульманин – Коран, я – несколько тетрадей. Мы положили на Библию Тору, потом Коран, тетради, со всем уважением встали на все это. И наша ненависть к стоматологу исчезла.

Возможно, эта история у кого-то вызвала бы неприятие, но автор рассказывает историю с позиции ребенка, воспринимающего все буквально и наивно. А вывод, к которому приходит автор в лице своего героя *Wenn Religionen sich*

zusammentun, dann gibt es für alles eine Lösung. (Если религии объединятся, для всего найдется решение) созвучен ценностям, которые близки абсолютному большинству зрителей.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В СКЕТЧАХ Э. ПЕТЕРФАЛЬВИ

Популярность «Альфонса» объясняется кругом выбранных им тем и характером их юмористической репрезентации. Например, этнический юмор основан на гиперболизации и карикатурной характеристике представителей других наций. В данном случае происходит тематизация ценностей своей и чужой этнической группы в рамках бинарной оппозиции, одна часть которой представляет собой позитивные качества и составляет автоимидж своей группы, а другая часть оппозиции – высмеиваемое качество другого народа [Карасик, 2002]. Э. Петерфальви представляет взгляд типичного француза на немецкую действительность якобы через призму стереотипов. На самом деле автор демонстрирует высокий уровень эмпатии, выступает против любых проявлений этноцентризма и в конечном итоге формулирует мысль, что у немцев и французов, да и людей вообще, больше общего, чем различий, одинаковое чувство юмора, а шутка позволяет снизить степень серьезности проблемы, увидеть точки соприкосновения и обеспечить бесконфликтное общение.

В скетче *Jetzt-noch-deutscherer*¹ (*Теперь еще более немецкий*) автор комментирует предложение бургомистра Гамбурга, а теперь канцлера Олафа Шольца подать заявку на гражданство Германии:

Ihr müsst wissen, Franzose UND Deutscher, das ist ein Widerspruch in sich: Deutsche sind diszipliniert, pünktlich und effizient – Franzosen sind normal. Bei mir war ab da aber nix mehr normal: Gerade war ich noch ein erfolgreicher rasender Reporter mit Trainingsjacke und Puschelmikro, und plötzlich geriet alles aus dem Gleichgewicht... – Да будет вам известно, француз и немец – это само по себе противоречие: немцы дисциплинированы, пунктуальны и эффективны, а французы нормальные. Теперь у меня все ненормально: вот я был успешный, мчащийся вихрем репортер в спортивной куртке и с [моим фирменным] микрофоном, и вдруг все теряет устойчивость.

В данном отрывке традиционные немецкие ценности, как они представляются французу, а именно – дисциплинированность, точность,

¹URL: <https://alfons-fragt.de/buehne/alfons-jetzt-noch-deutscherer>

эффективность – противопоставляются слову «нормальный», т. е. рассматриваются как отклонение от нормы, что придает высказыванию характер парадокса и заставляет зрителя пересмотреть положительное отношение к этим ценностям. Идентификация с этими ценностями, которые обеспечивают устойчивость общества, рассматривается автором как необходимое условие получения гражданства, что неминуемо приведет к нарушению его собственной «устойчивости» (*plötzlich geriet alles aus dem Gleichgewicht*) и сделает его жизнь ненормальной (*bei mir war ab da aber nix mehr normal*). Следует обратить внимание на двойную актуализацию слова *Deutscher* при устном восприятии текста; при условии, что реципиент признает возможность нарушения грамматической нормы, становится понятным каламбур, возникший в результате двойной актуализации существительного *Deutscher* (немец) и относительного прилагательного *deutsch* (немецкий), которое не может образовывать сравнительную степень:

Alles hat angefangen mit einem Brief. Da stand darauf: «Sie sind so lange in Deutschland, möchten Sie nicht Deutscher werden?» – Все началось с письма [О. Шольца]. Там было написано: Вы так долго в Германии, Вы не хотели бы стать немцем?

Автор предлагает понимать данный контекст как результат двойной актуализации: «Вы не хотели бы стать еще более немецким?» Комический эффект усиливается за счет дальнейшего нарушения языковой нормы, когда происходит образование как будто «двойной» сравнительной степени относительного прилагательного (скетч называется «Jetzt-noch-noch deutscherer») с целью высмеять серьезное отношение к документам, с помощью которых можно стать гражданином Германии лишь формально, тогда как автор и так ощущает себя частично немцем и испытывает многолетнюю искреннюю симпатию к этой стране. Здесь следует вспомнить скетч Лорио *Monster / Horrorfilm-Darsteller Vic Dorn...*¹, где исполнитель роли монстра на вопрос ведущей, не приглашают ли его в Голливуд, отвечает *Vielleicht bin ich denen einfach zu deutsch*. Скетч «Альфонса», представляющий собой выдуманный диалог с бургомистром, строится на актуализации стереотипных представлений французов о Германии и имплицитной аллюзии на факты истории Германии, в частности, что от этой страны исходит опасность и только печальное положение ее армии не позволяет осуществить агрессию:

- Alfons, komm doch zu uns, wir sind ein friedliches Land! [принимает важный вид и произносит реплику строгим тоном]
- Ja klar, in der Bundeswehr sind alle Waffen kaputt. [небрежно, хитро, улыбаясь, доверительным тоном, повернувшись к аудитории²]
- Альфонс, давай к нам, мы мирная страна!
- Ну, понятно, в бундесвере же всё оружие неисправно.

В продолжение дискуссии о немецком гражданстве артист упоминает малозначительный эпизод, который он никак не комментирует, позволяя зрителю самостоятельно сформулировать следующее: человек искусства не придает значения наградам, полученным от представителей власти; предубеждения и неприятные моменты в межкультурном общении могут быть преодолены через осознание и ироничное отношение к ним:

Ein Kühlschranks der Marke Bosch war es, an den er [Alfons] seine Einladung zum Deutschwerden geheftet hatte. Kabarettist Emmanuel Peterfalvi fand das lustig: „Bosch klingt wie ein französisches Schimpfwort für Deutsche (boche)“ erklärt er³. – Это был как раз холодильник фирмы Bosch, куда он прикрепил приглашение стать немцем. Артист кабаре Эммануэль Петерфальви считает это забавным: «Bosch звучит как французское ругательство по отношению к немцам (boche)», – объяснил он.

В исследованном материале имплицитная аллюзия как средство реализации интертекстуальности представляется одним из наиболее действенных способов создания комического эффекта. В уже упоминавшемся скетче «Kennen Sie eigentlich meine Grundschullehrerin?» автор повествует о своих одноклассниках, которые исповедовали разные религии, но за шалость все получили одно наказание – пощечину. При этом ученика-христианина наказали дважды, ведь он подставил и другую щеку (*Er hat die andere Wange hingehalten*). Аллюзия на высказывание из общеизвестного прецедентного текста, помещенная в повседневную ситуацию применительно к физическому наказанию ученика, вызывает смех зрителей вследствие того, что они осознают противоречие между устойчивым выражением метафорического характера и буквальной иллюстрацией действия, что подтверждает тезис о том, что ценности, нормы, транслируемые в том числе

²Невербальные средства, несомненно, представляют собой важную составляющую данного жанра, но не являются предметом анализа в этом исследовании.

³URL: <https://www.mopo.de/rausgehen/kultur/kult-kabarettist-alfons-es-war-schwer-deutscher-zu-werden/>

¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LD9ZiStrHuM>

и юмористическим дискурсом, идентифицируются и признаются языковой общностью, формируют ее групповую идентичность [Kotthoff, 1998].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отметим ряд моментов: в выступлениях Э. Петерфальви затрагиваются этические вопросы, а также частично табуированная для юмористического дискурса тематика. Важным моментом представляется тематизация стереотипов, на основании чего Э. Петерфальви формально противопоставляет немцев французам, подчеркивая общую историю, интересы, важность добрососедских отношений.

Анализ материала позволил выявить особенности построения текста скетча (эффект обманутого ожидания, особенности инсценировки диалогов воображаемых действующих лиц), его интердискурсивность, стилистические особенности (аллюзия, гипербола, парадокс, метафора, каламбур, стилистические фигуры, намеренные нарушения нормы на морфологическом уровне).

Дискуссионными представляются вопросы, связанные с уточнением определения понятия «скетч» применительно к современному немецкому юмористическому дискурсу, изучением феномена интердискурсивного взаимодействия и его маркеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Зализняк А. А. Юмор и остроумие в европейской культурной перспективе // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 550–559.
3. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт «СТРАШНОЕ» в смеховой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 454–464.
4. Kotthoff H. Spaß Verstehen: Zur Pragmatik von konversationellem Humor. URL: <https://www.researchgate.net/publication/345218398>.
5. Сачава О. С. Текстобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs = The language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Zaliznyak, A. A. (2007). Yumor i ostroumie v evropeiskoi kul'turnoi perspektive = Humor and wit in a European cultural perspective. In Arutyunova, N. D. (Ed.), Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma Logical analysis of the language (pp. 550–559). Moscow: Indrik. (In Russ.)
3. Slyshkin, G. G. (2007). Lingvokul'turnyj koncept «STRAShNOE» v smekhovoij kartine mira = The linguistic and cultural concept of "SCARY" in a funny picture of the world. In Arutyunova, N. D. (Ed.), Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma (pp. 454–464). Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Kotthoff, H. (1998). Spaß Verstehen: Zur Pragmatik von konversationellem Humor. <https://www.researchgate.net/publication/345218398>.
5. Sachava, O. S. (2009). Tekstoobrazuyushchij potencial insceniruemoj interdiskursivnosti (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka) = The text-forming potential of staged interdiscursivity (based on the material of the modern German language): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Валентина Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Streltsova Valentina Viktorovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics

Faculty of German Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	31.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Система для интеграции знаний в текстовом формате

А. А. Харламов

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, Москва, Россия
kharlamov@ihna.ru

Аннотация. В статье представлены биологические предпосылки, теоретические соображения, алгоритмы и краткое описание прототипа системы для интеграции знаний в текстовом формате. Цель – создание среды для хранения общественного знания, не подверженной необходимости перемасштабирования в связи с увеличением объема хранимой информации, изменения ее структуры вследствие динамики развития знаний – исчезновения старых и появления новых разделов. Эта среда является гипертекстовым представлением и включает, помимо исходных текстов также семантическую сеть, характеризующую содержание этих текстов.

Ключевые слова: среда для представления знаний, представление текстовой информации, автоматическая обработка текста, семантическая сеть как представление содержания текста, программа TextAnalyst

Для цитирования: Харламов А. А. Система для интеграции знаний в текстовом формате // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 10 (891). С. 119–125.

Original article

System for Integrating Knowledge in Text Format

Alexander A. Kharlamov

Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kharlamov@ihna.ru

Abstract. The paper presents biological background, theoretical considerations, algorithms and a brief description of a prototype system for integrating knowledge in text format. The purpose of the system is to create an environment for storing public knowledge that does not require rescaling caused by an increase in the volume of stored information and changes in its structure due to the dynamics of knowledge development, that is, the disappearance of old sections and the appearance of new ones. The system is represented as a hypertext and includes, in addition to the source texts, also a semantic network that characterizes the content of these texts.

Keywords: environment for knowledge representation, representation of text information, automatic text processing, semantic network as a representation of text content, TextAnalyst program

For citations: Kharlamov, A. A. (2024). System for integrating knowledge in text format. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 119–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современность характеризуется экспоненциальным ростом объема продуцируемых человечеством знаний, доступность к которым у рядового пользователя обратно пропорциональна их объемам. Назрела необходимость централизации доступа к знаниям, которая сопровождается необходимостью интеграции самих знаний. По крайней мере, при их распределенном хранении за счет такой организации представления этих знаний, которая позволяет пользователю эффективно их получать.

Предпринимаются попытки реализовать подобные принципы в рамках отдельных предметных областей [Информационная система анализа научной деятельности (ИСАНД) в области теории управления, 2024], что возможно при использовании современных подходов к структурированию хранимой информации, которое должно реализовываться автоматически.

Имеющиеся предложения на эту тему, касающиеся отдельных предметных областей, не гарантируют масштабирования как при наращивании числа охватываемых предметных областей, так и при увеличении объема хранимых знаний в рамках отдельных предметных областей в силу громоздкости механизма хранения. В настоящий момент в этот механизм заранее закладывается структура предметной области; изменение предметной области предполагает полную переработку этой структуры под другие знания. Поэтому необходим иной подход, более естественный относительно хранимых знаний, как с точки зрения их содержания (универсальный с точки зрения содержания), так и с точки зрения их объема. Кстати, в упомянутых работах пока что речь идет об автоматической обработке и хранении лишь текстовой информации, да и то автоматическая обработка не распространяется на содержание текстов, а только на выходные данные (название публикации, аннотация).

В настоящий момент системы, которые интеллектуально решают возложенные на них задачи, работают успешно, более или менее точно моделируя соответствующие функции человеческого мышления: человек остается единственной информационной системой, эффективно решающей все возложенные на него интеллектуальные задачи. Поэтому при построении эффективно работающей системы получения, обработки и хранения информации, естественно посмотреть, как человек решает задачи сбора, структуризации, хранения, выдачи (on-demand) разномодальной информации. Надо заметить, что эта эффективность использования вытекает из интегральности представляемой информации: наряду с текстовой модальностью в системе должна быть

представлена информация других модальностей, в первую очередь – зрительной.

СИСТЕМА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ

Поговорим о системах хранения текстовой информации. Система для интеграции знаний – цифровой аналог обычной библиотеки. Таких сейчас, наверное, очень много. Здесь не предпринимается попытка теоретического вычисления качества существующих систем, но попытка взглянуть на предмет с точки зрения возможности создания идеальной, по мнению пользователя, цифровой библиотеки.

Желаемое более или менее понятно. Это структурированное цифровое текстовое хранилище, доступ к текстам которого осуществляется по ассоциации [Харламов, 2017]. Возможно, можно попытаться описать процедуру получения нужных единиц хранения на примере, точнее, на двух примерах. (1) Первый класс задач – поиск текстов в хранилище на заданную тему. (2) Второй класс задач – поиск встречных текстов (как в хранилище, так и вне его).

Первый класс задач более или менее понятен: предметная область задается примером (коротким текстом). В хранилище она уже структурирована, или структурируется на проходе. В отличие от представленного в статье «Информационная система анализа научной деятельности (ИСАНД) в области теории управления» (2024) структурирование осуществляется по мере заполнения хранилища [там же]. Структура выявляется для конкретного корпуса текстов, как это делается в мозге (описано ниже).

Под *встречным текстом* понимается текст, который соединяет два разрозненных корпуса текстов таким образом, что при наличии этого встречного текста два корпуса становятся частями единого третьего объединенного корпуса [Леонтьева, 2006].

Поиск текста

Задача поиска текста в цифровом хранилище сравнительно (теоретически) проста. Правда, в отличие от имеющихся поисковых систем в нашем случае в качестве запроса на поиск мы нуждаемся в тексте, который описывает контекст поиска. В этом случае исходный текст как текст запроса собирает из хранилища все тексты, совокупность которых содержит текст запроса в качестве некоторой ядерной части.

Далее это множество текстов структурируется, выбирается некоторая бахрома текстов, содержащая заданный (параметр задается заранее) объем информации, содержащая и ядерную часть и отличающаяся по объему в большую сторону на заданное число процентов. В структуре этой части корпуса текстов выявляются концепты, которые

и представляют интерес (которые в текстах связаны с заданным во входном текстовом запросе перечнем концептов). И происходит анализ этих новых концептов и их связей как между собой, так и с исходным, и с дополнительным множествами концептов.

Поиск встречного текста

Поиск встречного текста – более сложная задача. Имеется два корпуса текстов, к которым ищется встречный текст. Задача предварительно выглядит следующим образом. Поскольку объединение двух корпусов встречным текстом осуществляется по каким-то концептам семантической сети, семантическая сеть встречного текста должна объединить семантические сети корпусов так, что часть концептов встречного текста совпадает с концептами первого из двух объединяемых корпусов текстов, а другая часть концептов встречного текста – совпадает с концептами второго корпуса текстов.

Теоретически задача решается следующим образом. Анализируются оба сшиваемых корпуса текстов. Выявляются принадлежащие им концепты. Далее (подбором) выявляются тексты из внутреннего или внешнего корпусов, имеющие в составе те и другие концепты (или какую-то их часть), обрабатываются вместе оба сшиваемых корпуса в совокупности с найденным встречным текстом. И экспертно подбирается лучший вариант с различными подходящими встречными текстами.

И в том, и в другом случае возможно реализовать систему как вопросно-ответную, в которой искомый текст (как в случае 1), и встречный текст (как в случае 2) ищутся по запросу пользователя. А запросом может быть и текст из одного предложения, и более чем из одного предложения также.

ОБРАБОТКА И ХРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА

Поэтому, поговорим, во-первых, о представлении информации разных модальностей, во-вторых – о механизмах ее использования, как это реализуется в мозге человека. Понимая то и другое, мы сможем дать рекомендации по реализации системы для эффективного хранения знаний в текстовом формате. А понимая это, можно попытаться прогнозировать пути ее развития с учетом развития человечества в этом направлении.

В мозге человека модель мира представлена в двух ипостасях: в виде иерархии словарей уровня образующих единиц (как языка – для языковой модели, так и квазиязыков – для экстралингвистической модели), с одной стороны, а, с другой – в виде

множества шаблонов ситуаций. Иерархии словарей представлены в колонках коры, а шаблоны ситуаций – в ламелях гиппокампа. Для описания целевой системы достаточно иметь иерархию словарей, представленных в колонках коры полушарий. Задача хранения текстовой информации сопряжена лишь с языковой иерархией.

В случае работы с текстовой информацией (языковая модель) речь идет о словарях уровня образующих элементов языка – от словаря графем на нижнем уровне (если текст письменный, или печатный) до словаря допустимой попарной сочетаемости корневых основ слов – на верхнем семантическом уровне. Эти пары корневых основ объединяются виртуально в однородную семантическую сеть, весовые характеристики элементов и связей которой указывают на их ранги (значимость) в конкретных текстах.

Такое же сетевое представление формирует и в экстралингвистической части модели мира (например, для представления зрительной информации), и эти два представления, описывающие лингвистически и экстралингвистически один и тот же мир, объединяются в единое семантическое представление. Тогда любой текст (или квазитекст) может быть представлен такой его семантической сетью (в случае анализа текста языка формируется только языковая сеть). Эти сети можно сравнивать друг с другом, выявляя степень их подобия, и таким образом, классифицировать. Эти сети можно кластеризовать, т. е. корпус текстов может быть разбит на подкорпуса в соответствии с их внутренней структурой. Из этих сетей можно выделять минимальный древовидный подграф, который является оглавлением текста. На основе такой сети текста выявляется некое смысловое ядро текста, которое можно считать его аннотацией [Kharlamov, Pilgun, 2020].

СИСТЕМА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ В ТЕКСТОВОМ ФОРМАТЕ

Попробуем представить эффективную систему для обработки и хранения текстовой информации, которая при необходимости могла бы быть дополнена подсистемой для обработки и хранения экстралингвистической информации, с одинаково удобной визуализацией хранящейся в системе информации как на уровне оглавления, так и на уровне представления отдельных статей.

Естественно, ничего другого на первый взгляд (помимо отдельных технических решений) кроме как повторения архитектуры мозга в части получения, обработки, хранения и выдачи специфической информации придумать не удастся. Поэтому рассмотрим еще раз архитектуру системы

обработки специфической информации, реализованной в мозге человека как субстрате. В рамках этой архитектуры только модуль визуализации содержания существенно отличается от естественного прототипа: вместо написания текста как процесса управления эффорикой кисти доминантной руки реализуется вывод цифрового текста на экран. В состав системы также входит модуль хранения полных текстов статей.

Функциональность системы

Система для интеграции знаний должна реализовать следующую функциональность: (1) анализ текстов с формированием семантической сети как отражающей содержание текста, так и являющейся основой для реализации функциональности системы; (2) хранение как корпуса текстов, так и семантических сетей текстов корпуса; (3) формирование аннотаций текстов для удобного знакомства пользователей с базой текстов; (4) кластеризация корпуса текстов на предметные области; (5) сравнение текстов по смыслу; (6) классификация текстов – отнесение к предметным областям; (7) поиск текста (множества текстов) по запросу; (8) поиск встречного текста для двух и более текстов.

Архитектура

Архитектура системы получения, анализа, хранения, выдачи текстовой информации включает в свой состав так называемый лингвистический процессор, где подробности преобразования звучащего текста в рукописный или печатный и в обратную сторону выносятся за рамки этой статьи. Рассматривается уже оцифрованный текст без исследования механизма оцифровки.

Архитектура системы включает в себя много лингвистических подробностей разных языковых уровней; не все из них необходимо использовать (или, по крайней мере, описывать) при реализации системы. В основе представления знаний в системе рассматривается семантическое представление текста как однородной взвешенной семантической сети, множество вершин которой соотносятся с концептами языка с их весовыми характеристиками, представленными в тексте (извлекаемыми из текста), а дуги соответствуют ассоциативным связям этих концептов друг с другом в рамках этого текста, также взвешенным их весовыми характеристиками [Харламов, 2017] (см. рис. 1).

Программная система для интеграции знаний в текстовом формате содержит блок первичной обработки (1), лингвистический и семантический

процессоры. Лингвистический процессор (2) состоит из словарей: (4) слов-разделителей, (5) служебных слов, (6) общеупотребимых слов, а также (7) флективных и (8) корневых морфем. Семантический процессор (3), в свою очередь, содержит: (9) блок отсылок в текст, (10) блок формирования семантической сети, (11) блок хранения семантической сети, (12) блок выделения понятий и (13) блок управления.

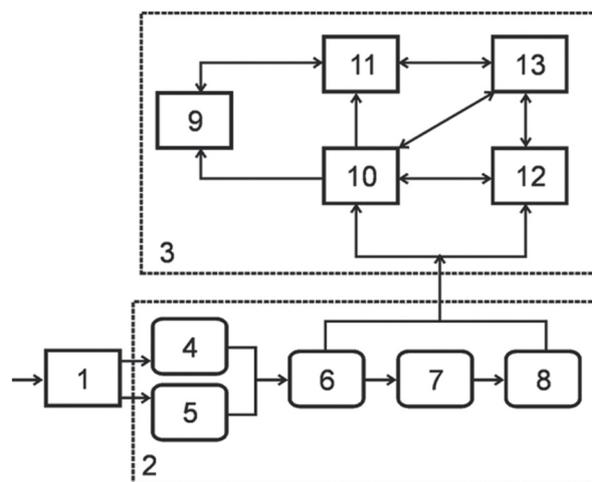

Рис. 1. Программная система для интеграции знаний в текстовом формате

Для формирования подобной сети требуется информация семантического и других языковых уровней: морфемного и лексического. Опишем более подробно обработку информации на этих трех уровнях, результатом которой является направленная однородная взвешенная семантическая сеть, представляющая содержание текста.

Для удобной работы с текстом его необходимо очистить от нетекстовой информации, а также удалить из него текстовую информацию, не участвующую в дальнейшей обработке. В дальнейшей обработке не участвуют служебные слова (артикли, предлоги, местоимения, если они не раскрываются в процессе раскрытия анафорических ссылок). В случае использования однородной семантической сети значение глагола не работает, так как связи в сети – однородные, поэтому глаголы также выбрасываются из рассмотрения как рабочие слова. Их наличие заменяется просто на связь.

Формально для формирования семантической сети морфемный уровень не нужен. Все словоформы участвуют в формировании семантической сети на равных правах. Это станет понятно из дальнейшего изложения. Но для получения более представительной (более робастной) семантической сети – сети, более удобной для реального анализа текстов – полезно контрастировать лексическое содержание текста:

привести словоформы к их корневым основам. При этом формирующаяся сеть становится более грубой, но зато более наглядной.

Итак, первый шаг анализа текста – стемминг. Все слова текста сводятся к их корневым основам.

На лексическом уровне формируется перечень корневых основ с частотой их употребления в тексте.

На семантическом уровне представлена парная допустимая сочетаемость корневых основ слов, как они перечислены в предложениях текста. Результатом первичного семантического анализа текста является перечень пар корневых основ, как они встречаются в предложениях текста, с их весовыми характеристиками (частота встречаемости).

Ранг вершины (концепта) в тексте определяется не его частотой встречаемости в тексте, а объемом той части семантической сети, которая удерживается концептом: тех вершин сети, которые следуют за анализируемой вершиной. Этот ранг пересчитывается итеративно [Kharlamov, 2020a] с учетом и весов вершин, и весов связей, связанных с исходной вершиной.

Система оказывается эффективной, так как позволяет выявить оглавление корпуса текстов в виде минимального древовидного подграфа семантической сети [там же] всего множества хранимых в системе текстов, где вершина верхнего уровня подграфа представляет собой основную тему, дочерние вершины – второстепенные темы и так далее по иерархии вниз.

Семантическая сеть корпуса текстов может быть разбита путем разрыва слабых связей на подсети, характеризующие предметные подобласти, составляющие предметную область, описываемую текстами корпуса в совокупности.

Отдельные тексты корпуса могут быть отнесены к той или другой предметной области путем сравнения семантической сети текста с сетями предметных областей. Сравнение осуществляется вычислением области пересечения сетей. Конкретный текст может быть отнесен более чем к одной предметной области.

Блок поиска отыскивает в корпусе тексты, имеющие наибольшее пересечение семантических сетей с сетью текста-запроса.

Блок поиска встречного текста отыскивает пару или более текстов, семантические сети которых имеют равные по объему пересечения с семантической сетью текста-запроса, не пересекающиеся друг с другом.

Эта структура дополняется подсистемой автоматического структурирования содержания хранилища – формирования оглавления в виде

минимального древовидного подграфа семантической сети [там же] всего множества хранимых в системе текстов.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ ЯЗЫКА

Всё, что говорилось об отдельных текстах, можно сказать и о языке. Язык представлен в текстах, следовательно можно говорить о большой семантической сети всего языка, которая автоматически, в зависимости от содержания отдельных частей, разобьется на подчасти, оглавлением которых будет минимальный древовидный подграф этого большого текста. Эта структура возникнет автоматически, исключительно под воздействием содержания этого большого текста. Так, добавление появляющихся новых текстов не вызывает проблем со структурированием в будущем. И всё это происходит ассоциативно, т. е. исключительно в зависимости от анализируемых текстов, более или менее объективно.

НЕОДНОРОДНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ

Однородность семантической сети в данном случае является следствием двух причин: внутренней и внешней. Во-первых, в мозге человека сеть формируется однородной, так как неоднородность в нее вносится второй частью – экстралингвистическим представлением – это внешняя причина. Но в мозге это сделано умышленно: однородная сеть более робастна, и это вторая, внутренняя причина.

Однако можно сеть сделать и неоднородной. Тогда она размоется на более подробную, но менее представительную структуру, которая будет более детально представлять события мира, но точность вычислений на ней (по причине ее размытости) будет существенно меньше.

ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ

Прототип системы реализован в виде программной технологии TextAnalyst [Kharlamov, 2020b], включающей персональный продукт, а также SDC для встраивания в приложения. Подход достаточно универсален, чтобы позволить анализировать тексты не только на европейских языках, но и на китайском. Продукт очень прост в эксплуатации, а результаты анализа текстов из любых предметных областей легко интерпретируются [Kulikov, Kharlamov, 2020].

Экстралингвистическая модель мира предполагает сложную предобработку входных квазитекстов [Харламов, 2017], по этой причине системы на основе такой обработки для анализа, например, зрительных квазитекстов, пока не реализованы. При этом подход универсален настолько, что на

основе описанных принципов реализована подсистема для анализа генетических сетей, успешно работающая в системе поддержки принятия решений в области онкологии [Kulikov, Kharlamov, 2020].

АППАРАТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ

Частично система может быть реализована аппаратно. В зависимости от цели реализации она может быть представлена в виде процессорного ядра с блоком памяти для индивидуального применения, может быть реализована в виде распределенной среды связанных между собой систем вычислительных кластеров для создания большого объема хранилища знаний с ассоциативным доступом, а может быть реализована в виде

распределенной среды нейропроцессоров с памятью [Харламов, 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье представлены основные теоретические и практические соображения, архитектура и механизмы системы для хранения текстов (расширяется на квазитексты других модальностей). Коротко описан прототип – программная технология TextAnalyst – анализирующая с использованием представленных принципов и подходов тексты на европейских и китайском языках, формирующая гипертекстовую структуру, включающую в свой состав также его семантическую сеть, описывающую содержание текста, помимо самого текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Информационная система анализа научной деятельности (ИСАНД) в области теории управления / Д. А. Губанов, О. П. Кузнецов, Е. А. Курако, Д. В. Лемтюжникова, Д. А. Новиков, А. Г. Чхартишвили // Проблемы управления. 2024. № 3. С. 42–65.
2. Харламов А. А. Ассоциативная память – среда для формирования пространства знаний. От биологии к приложениям. Дюссельдорф: Palmarium Academic Publishing. 2017.
3. Леонтьева Н. Н. Автоматическое понимание текстов. Системы, модели, ресурсы. М.: ACADEMIA. 2006.
4. Kharlamov A., Pilgun M. (Eds.) Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2020.
5. Kharlamov A. A Network N-gram Model of the Text. A Topic Tree of the Text – Minimal Tree Subgraph of the Semantic Network // Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications. Kharlamov A. and Pilgun M. (Eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2020a. Pp. 114–126.
6. Kharlamov A. TextAnalyst Technology for Automatic Semantic Analysis of Text // Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications / A. Kharlamov and M. Pilgun (Eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2020b. Pp. 156–167.
7. Kulikov A., Kharlamov A. Using a Homogeneous Semantic Network to Classify the Results of Genetic Analysis. In: Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications. A. Kharlamov and M. Pilgun (Eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2020. Pp. 219–231.

REFERENCES

1. Gubanov, D. A. et al. (2024). ISAND: an information system for scientific activity analysis (in the field of control theory and its applications) / D. A. Gubanov, O. P. Kuznetsov, E. A. Kurako, D. V. Lemtiuzhnikov, D. A. Novikov, A. G. Tchartishvili. Control Sciences, 3, 42–65. (In Russ.)
2. Kharlamov, A. A. (2017). Assotsiativnaya pamyat' – sreda dlya formirovaniya prostranstva znaniy. Ot biologii k prilozheniyam = Associative memory – a medium for knowledge space formation. From biology to applications. Dusseldorf: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.)
3. Leont'eva, N. N. (2006). Avtomaticheskoe ponimanie textov. Sistemy, modely, resursy = Automatic understanding of texts. Systems, models, resources. Moscow: ACADEMIA. (In Russ.)
4. Kharlamov, A., Pilgun, M. (Eds.). (2020). Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications. Cambridge Scholars Publishing.

5. Kharlamov, A. (2020a). A Network N-gram Model of the Text. A Topic Tree of the Text – Minimal Tree Subgraph of the Semantic Network. By A. Kharlamov, M. Pilgun (Eds.) Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications (pp. 114–126). Cambridge Scholars Publishing.
6. Kharlamov, A. (2020b). TextAnalyst Technology for Automatic Semantic Analysis of Text. In Kharlamov, A., Pilgun, M. (Eds.) Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications (pp. 156–167). Cambridge Scholars Publishing.
7. Kulikov, A., Kharlamov, A. (2020). Using a Homogeneous Semantic Network to Classify the Results of Genetic Analysis. In A. Kharlamov, M. Pilgun (Eds.) Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications (pp. 219–237). Cambridge Scholars Publishing.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харламов Александр Александрович

доктор технических наук

старший научный сотрудник Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии

Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharlamov Alexander Alexandrovich

Doctor of Technical Science (Dr. habil), Prof.

Senior Researcher at the Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology

Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'139

Актуальное содержание антиценности «Korruption» в немецкой лингвокультуре

А. И. Хлопова¹, В. П. Сидорова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹chloпова_anna@mail.ru

²sidorova_victoria@mail.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является определение психологически актуального содержания антиценности «Korruption» в немецкой лингвокультуре. Основными этапами исследования является анализ лексикографических источников, сочетаемых лексем, а также данных свободного и обратного ассоциативного эксперимента. Результаты свидетельствуют о резко негативном отношении к коррупции в обществе. Несмотря на то что на мировой арене высоко оценивается опыт антикоррупционной политики Германии, реакции респондентов указывают на высокую степень коррумпированности политических структур.

Ключевые слова: антиценность, свободный ассоциативный эксперимент, обратный ассоциативный эксперимент, немецкая лингвокультура, коррупция

Для цитирования: Хлопова А. И., Сидорова В. П. Актуальное содержание антиценности «Korruption» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 10(891). С. 126–132.

Original article

The Actual Content of the Anti-Value „Korruption“ in German Linguoculture

Anna I. Khloпова¹, Victoria P. Sidorova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹chloпова_anna@mail.ru

²sidorova_victoria@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine the psychologically relevant content of the anti-value „Korruption“ in German linguoculture. The main stages of the study are the analysis of lexicographic sources, combinatory lexemes, as well as data from free and reverse associative experiments. The results indicate a sharply negative attitude towards corruption in society. Despite the fact that the experience of Germany's anti-corruption policy is highly appreciated on the world stage, the reactions of respondents indicate a high degree of corruption in political structures.

Keywords: anti-value, a free association experiment, reverse association experiment, German linguistic culture, corruption

For citations: Khloпова, A. I., Sidorova, V. P. (2024). The Actual Content of the Anti-Value „Korruption“ in German Linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 126–132. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Социальные и экономические процессы, культурно-исторические изменения, глобализация и другие факторы оказывают влияние на общество. В этой связи важны исследования, рассматривающие человека в контексте стремительно развивающегося мира, в том числе анализирующие его ценностные ориентации. В процессе осуществления познавательной деятельности индивид определяет свое отношение к значимости какого-либо объекта или явления, тем самым выбирает поляризацию: «безразличное» или «небезразличное». Значимые явления и объекты могут быть маркированы как позитивно, так и негативно, представляя собой ценности и неценности (антиценности) соответственно. Члены социума присваивают это отношение, вследствие чего действуют, руководствуясь системой значимых положительных и отрицательных составляющих, условно разделяя для себя мир на «добро» и «зло». Таким образом, само общество представляет собой совокупность ценностей (культуру) и неценностей или же антиценностей (антикультуру) [Зеленов, Владимиров, Щуров, 2008].

Ценности являются актуальным объектом исследования в различных научных направлениях. Само понятие «ценность» было введено немецким философом Г. Лотце в XX веке. Однако сначала оно не было связано с философией, оно означало прежде всего материальную ценность, стоимость конкретной вещи. В XX веке ценность становится объектом исследования философии, появляется направление философии, представители которого занимаются исследованием ценностей, – аксиология.

Базовые ценности присущи каждой культуре и представляют собой иерархическую устойчивую, но в то же время принципиально динамичную структуру. Элементы, включенные в состав ценностных систем, меняют свое положение в зависимости от своего актуального содержания в конкретный момент времени. Вербальная диагностика является тем инструментом, который позволяет установить динамику внутри этих систем. Метод свободного ассоциативного эксперимента, один из этапов диагностики, позволяет выявить психологически актуальное содержание, спрогнозировать возможные пути эволюции значения исследуемого слова-стимула [Ассоциативный эксперимент: Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики, 2019].

Однако во всей человеческой природе существуют биполярные явления. Человек стоит перед определенной оппозицией. Добру противопоставлено зло, уму – глупость и т. д. Наряду с базовыми ценностями антиценности также связаны

иерархическими отношениями и образуют единую относительно устойчивую структуру, которая имеет тенденции к внутренней динамике. Неценности, как и ценности, могут быть причислены к этническим константам, анализ которых позволит выявить национально-культурную специфику смыслообразования носителей определенного языка [Пищальникова, 2021]. Антиценности служат причиной ослабления социума, демонстрацией бесчеловечности [Багдасарян, 2012], поэтому их анализ представляет такой же интерес для исследователей, как и анализ ценностей.

В качестве объекта исследования нами была выбрана антиценность *Korruption / коррупция* в немецкой лингвокультуре. Это социально значимое понятие, несомненно, важно для любой культуры, так как затрагивает как личные, так и общественные аспекты жизни социума, оказывает влияние на функционирование управленческих структур государства. Пей Цайся, проанализировавшая антиценность «коррупция» на материале русского и китайского языков, отмечает, что коррупция является серьезным, социально значимым злом, искажает ценности и так глубоко и разнообразно внедряется во все сферы общественной жизни, что для исследователя становится проблематичным дать ему объективную статистическую оценку или дать дефиницию этому понятию [Пэй, 2019]. Важно отметить, что коррупция не только осуждается обществом, но и запрещена на законодательном уровне. Государство стремится выработать стратегии по предотвращению образования коррумпированных структур и борьбе с ними, что свидетельствует о том, что исследование антиценности «коррупция» всегда актуально и важно в контексте любой культуры и с позиций большинства гуманитарных наук.

АНТИЦЕННОСТЬ «KORRUPTION» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Согласно данным ассоциации по борьбе с коррупцией Transparency International за 2022 год индекс восприятия коррупции в Германии (9-е место) и Австрии (22-е место) оценивается как низкий¹. Несмотря на то что за последний год результаты этих государств ухудшились по сравнению с предыдущим годом, политика стран в этой области считается эффективной. Так как в ассоциативном эксперименте принимали участие респонденты из Германии, далее речь пойдет о ней.

Начиная с 1990-х годов Германия ведет активную политику по борьбе с коррупцией. В 1992 году во многих федеральных землях были образованы

¹URL: <https://www.transparency.de/cpi>

специальные антикоррупционные ведомства, которые регулярно проводят расследования и ведут учет. О подкупе можно сообщить анонимно, воспользовавшись горячей линией поддержки или официальными административными порталами в Интернете.

Исследователи в области криминалистики определяют коррупцию¹ как злоупотребление служебным положением, полномочиями, политическим мандатом в пользу какого-либо лица, по его или собственной инициативе. Цель заключается в получении преимущества для себя или для третьего лица с причинением или с возможностью причинения ущерба широкой общественности или организации. Согласно Уголовному кодексу Федеративной республики выделяют ситуативную и структурную коррупцию. В первом случае действие не является запланированным. Структурная же коррупция предполагает преднамеренное правонарушение в надежде на установление длительных коррупционных отношений.

Уголовный кодекс предусматривает меры по борьбе с коррупцией в контексте совершения правонарушений против конституционных органов (§ 108b, § 108e StGB), свободной конкуренции (§ 299 StGB), взяточничества в системе здравоохранения (§ 299a, § 299b StGB), в спорте (§ 265c, § 265d, § 265e StGB), в сфере международного сотрудничества (§ 335a StGB)².

Таким образом, Германия имеет разветвленный аппарат по борьбе с коррумпированными структурами, курирующий разные сферы жизни общества. Анализ представленных в официальных источниках статистических данных показал, что антикоррупционная деятельность Федеративной республики признается одной из самых эффективных на международном уровне.

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЕМЫ «KORRUPTION» НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Обратимся к этимологии лексемы *Korruption*, а также определим динамику ее значения.

По данным, представленным в этимологическом словаре В. Пфайфера, слово *Korruption* было заимствовано от латинского *corruption* – порча (*губель*), *подкуп*. Изначально оно понималось как *Zerrüttung, Zerstörung* – подрыв, разрушение. Позднее значение слова *Korruption* несколько расширилось, и коррупция стала трактоваться как

Bestechung, Käuflichkeit, moralischer Verfall – подкуп, продажность, моральное падение³.

В толковом словаре немецкого языка 1969 года слово *Korruption* имеет значение «Bestechung», «Bestechlichkeit», «durch ungerechtfertigte Vergünstigungen hervorgerufener moralischer Verfall» – подкуп, взяточничество, моральное падение вследствие получения выгоды нечестным путем. Словарная статья также снабжена стилистической пометой *abwertend* – уничижительное. Коннотативная маркированность свидетельствует о наличии эмоционально-оценочного компонента в значении лексемы. В данном случае коннотация отрицательная, и этот факт дает нам основание полагать, что и само явление в общественном сознании является порицаемым, постыдным⁴.

В современном словаре немецкого языка DUDEN⁵ лексема *Korruption* представлена тремя семантически связанными значениями. Первое из них *korruptes Handeln, korrupte Geschäfte* – коррупционное действие, коррупционные сделки. Коррупция рассматривается с позиций отдельного индивида, который может злоупотреблять своим служебным положением по своей или чужой инициативе с целью получения выгоды. Во втором значении коррупция понимается как *отношения, в которых коррупционные махинации управляют общественной жизнью и, таким образом, приводят к моральному упадку* – *Verhältnisse, in denen korrupte Machenschaften das gesellschaftliche Leben bestimmen und damit den moralischen Verfall bewirken*. Коррупция в этом контексте рассматривается как одна из форм существования общества. В третьем значении лексема *Korruption* понимается как *корруптирование* – *Korumpieren*. Использование субстантивированного инфинитива для описания этого значения подчеркивает, что коррупция также является определенным процессом, который происходит в обществе.

Таким образом, лексема *Korruption* содержит такие семантические компоненты, как «взяточничество», «моральное падение», «заклучение сделки», «общественные отношения», «процесс».

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛЕКЕМЫ «KORRUPTION»

Опираясь на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева, мы рассматриваем сочетаемость лексемы как акт предикации, выражающий характер речевого действия. Анализ сочетаемостных

¹Bundeskriminalamt. URL: https://www.bka.de/DE/Service/FAQs/Korruption/korruption_node.html

²Strafgesetzbuch (StGB). URL: <https://dejure.org/gesetze/StGB>

³Pfeifer W. URL: <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer>

⁴Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1969. URL: <https://www.dwds.de/wb/wdg/Korruption>

⁵DUDEN. Universalwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Korruption>

лексем позволяет выделить актуальные смысловые признаки.

На основе данных профиля слова в корпусе DWDS¹ нами были проанализированы наиболее частотные сочетаемостные лексемы (в том числе с предложной группой) и выявлены следующие интегративные признаки:

Прекращение коррупции (всего 10311 контекстов): *Kampf gegen / борьба против* (5112), *bekämpfen / преодолевать, бороться* (2034), *Bekämpfung / преодоление* (1658), *vorgehen gegen / принимать меры против чего-либо* (774), *Bekämpfung von / преодоление чего-либо* (613), *kämpfen gegen / бороться против чего-либо* (420);

Наказание за коррупционные действия (всего 4693 контекста): *verurteilen wegen / осуждать за что-либо* (1195), *Verdacht / подозрение* (747), *ermitteln wegen / проводить расследование по какому-либо делу* (559), *werfen / обвинять (в коррупции)* (554), *anklagen wegen / обвинять в чем-либо* (490), *beschuldigen / обвинять* (435), *Verdacht auf / подозрение в чем-либо* (426), *vorwerfen / упрекать (в коррупции)* (409), *Anklage wegen / обвинение в чем-либо* (287);

Характеристика коррупции (всего 3171 контекст): *grassierend / буйствующий* (1055), *verbreitet / распространенный* (741), *verbreiten / распространять* (371), *weitverbreitet / широко распространенный* (362), *allgegenwärtig / вездесущий* (348), *Problem / проблема* (294);

Коррупцированная страна (всего 862 контекста): *im Land / в стране* (581), *in Land / в стране* (281);

Коррупцированные структуры в сфере политики (всего 586 контекстов): *politisch / политический* (586);

Процветание коррупции (всего 339 контекстов): *blühen / процветать* (339);

Коррупцированные структуры в системе здравоохранения (всего 282 контекста): *im Gesundheitswesen / в системе здравоохранения* (282).

Согласно выявленным интегративным семантическим группам наиболее ярким из признаков является «прекращение коррупции». Ввиду негативного представления общества об этом социально значимом явлении коррупция воспринимается как зло, с которым необходимо бороться. «Наказание за коррупционные действия» – вторая по числу репрезентантов семантическая группа. Глаголы и существительные этой группы преимущественно были использованы для описания судебного процесса. Многие из лексем содержат семантический компонент «вина». К характеристикам коррупции относится в первую очередь динамика и интенсивность ее распространения. Сочетаемостные

характеристики следующей группы дают нам основание полагать, что это явление существует повсеместно. В предложенных контекстах коррупция представлена как нечто всеобъемлющее и постоянное (*grassierend, allgegenwärtig*). При этом коррупция всегда является проблемой для членов социума. Другие группы репрезентируют периферийные семантические признаки. Коррупция часто рассматривается внутри какого-либо государства, об этом свидетельствует и выделенный признак «коррупцированная страна». Сочетаемость лексемы *Korruption* включает в себя единицы, которые указывают на присутствие коррупционных отношений в политической сфере и системе здравоохранения. Особая значимость этих сфер общественной жизни в контексте применения к ним антикоррупционных мер правоохранительными органами прослеживается и в Уголовном кодексе Германии.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ АНТИЦЕННОСТИ «KORRUPTION»

Для установления психологически актуального содержания антиценности «коррупция» был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие носители немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. В современных экстралингвистических условиях респонденты получали анкету в формате Google. При заполнении экспериментальной анкеты испытуемые должны были реагировать на слово-стимул первым пришедшим на ум словом. Это принципиально, так как временной промежуток между стимулом и реакцией в этом случае минимален, что исключает в ассоциировании отбор ответов и приближает реакцию испытуемого к неосознаваемым. Всего в эксперименте было получено 211 реакций, которые распределены в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой, а впоследствии – в соответствии с дополнительными интегративными признаками [Пищальникова, 2007]:

Понятийные реакции (56 реакций) отображают ядерные семантические признаки слов:

Материальная форма реализации: *Geld / деньги* (39) – 39 реакций;

Злоупотребление служебным положением: *Macht / власть* (15), *Amt / должность, Gewalt / власть* – 17 реакций.

Полученные понятийные реакции можно распределить в соответствии с двумя интегративными признаками: «материальная форма реализации» и «злоупотребление служебным положением». Такие признаки в полной мере сопоставимы с дефинициями, приведенными в толковых словарях

¹DWDS-Wortprofil. URL: <https://www.dwds.de/wp/?q=>

немецкого языка. Согласно полученным реакциям, коррупция понимается как злоупотребление служебным положением в личных целях, а также получение материальных благ лично для себя и для своего ближайшего окружения. Наиболее частотная реакция, полученная в эксперименте с носителями немецкой лингвокультуры – реакция *Geld / деньги* (%). Частотность такой реакции объясняется тем, что выгода проявляется в получении в том числе материальных благ и выражается в деньгах. Это основная цель и средство коррупционного поведения.

Отметим, что понятийные реакции, сопоставимые с дефинициями исследуемого слова, свидетельствуют о восприятии коррупции носителями немецкой лингвокультуры в качестве однозначной антиценности.

Реакции-представления отображают характер индивидуального включения слова в ассоциативно-вербальную сеть (100 реакции):

Коррупцированные структуры в сфере политики: *Politik / политика* (42), *Politiker / политик* (15), *Bundestag / Бундестаг*, *Parteien / партии*, *Präsident / президент*, *Trump / Трамп* – 76 реакций;

Коррупцированные страны: *Land / страна* (7) – 7 реакций;

Коррупцированная история: *Geschichte / история* (6) – 6 реакций;

Коррупцированное общество: *Gesellschaft / общество* (5) – 5 реакций;

Коррупция на предприятии: *Firmen / фирмы* (2), *Geschäft / дело, сделка* – 3 реакции;

Прекращение коррупции:

aufhalten / задержать, stoppen / остановить, zu vermeiden / избежать – 3 реакции.

Наибольшее количество реакций – реакции-представления (47 % от общего количества реакций). Они доказывают тот факт, что коррупция существует сегодня во всех сферах общества и проявляется во всех возможных формах. В коррупции замешаны представители бизнеса, политики и экономики. При этом наибольшее количество реакций-представлений однозначно указывают на коррупцию в сфере политики. Реакция *Land / страна* связана прежде всего с тем, что даже самые демократичные государства столкнулись с этой проблемой и ведут борьбу со взяточничеством.

Коррупция в Германии, согласно данным социологических исследований, значительно ниже, чем в других странах. По индексу восприятия коррупционных действий Германия заняла в 2022 году 9-е место¹. Социологи полагают, что уличить в коррупции в Германии можно только чиновников высшего уровня, на что также указывают реакции,

относящиеся к интегративному признаку «коррупция в политике». Реакция *Trump / Трамп* связана с бывшим президентом США – Дональдом Трампом, который был привлечен к ответственности 18 декабря 2019 года. Отметим, что президентство Трампа считается самым коррупцированным в американской истории. Реакция *Geschichte / история* является довольно сложной для интерпретации, так как может представлять собой как определенное коррупцированное событие, так и историю человечества.

Незначительное количество реакций указывает на необходимость борьбы с коррупцией. Несмотря на то, что количество таких реакций минимально, они доказывают признание немцами респондентами коррупции в качестве антиценности.

Эмоционально-оценочные реакции (55 реакций) фиксируют субъективное отношение индивида к предмету ассоциирования:

Характеристика коррупции: *schlecht / плохо* (18), *ungerecht / несправедливый* (5), *blöd / тупой*, *dumm / глупый*, *dunkel / темный*, *falsch / неправильно*, *fern / далеко*, *gemein / подло*, *hart / жестко*, *irrelevant / нерелевантно*, *kriminell / криминальный*, *unfair / нечестный* – 33 реакции.

Противоречие моральным установкам: *Betrug / обман* (14), *Lüge / ложь* (5), *Unterdrückung / гнет*, *Verarsche / кидалово*, *Verbrecher / преступник*, *Verrat / предательство* – 22 реакции.

При общем негативном отношении к коррупции как социальному явлению эмоционально-оценочные реакции отличаются семантически, поэтому их можно распределить между двумя интегративными признаками: «характеристика коррупции» и «противоречие моральным установкам».

Отметим, что респонденты характеризуют коррупцию не только негативно (26 % от общего количества реакций), они находят ее глупой и неоправданной (*blöd / тупой*, *dumm / глупый*, *irrelevant / нерелевантно*).

Реакции, объединенные интегративным признаком «противоречие моральным установкам» включает реакции, являющиеся характеристиками коррупционеров как носителей антисоциальных качеств. Они представляются респондентам как преступники, которые обманывают и предают простых граждан.

Формальные реакции (2 реакции) связаны с воспроизведением устойчивых языковых штампов и даны скорее формально, без личностного восприятия: *keine Ahnung / без понятия*, *Korruption / коррупция* – 2 реакции.

Большое количество формальных реакций могло бы указывать на то, что ценность не присвоена. Незначительное количество формальных реакций, напротив, свидетельствует о присвоенности

¹URL: <https://www.transparency.d/cpi>

антиценности и не о формальном отношении респондентов к ней.

Большое количество эмоциональных реакций и незначительное – формальных свидетельствуют о принятии коррупции в качестве антиценности и показывают личностное негативное отношение к ней.

Культурные реакции определяются значимостью для индивида определенного культурного смысла реалии: Diesel-Skandal / Афера концерна Volkswagen («Дизельгейт») – 1 реакция.

«Дизельгейт» – это расследование крупнейшего за последние годы скандала в автомобильном мире. Экс-глава Volkswagen Мартин Винтеркорн знал о несоответствии двигателей стандартам и намеренно принял решение подделать результаты тестов выхлопной системы дизельных машин. Это событие признается в качестве одного из громких коррупционных дел.

На основе частотных ассоциатов выделим ядро ассоциативного поля *Korruption / коррупция*.

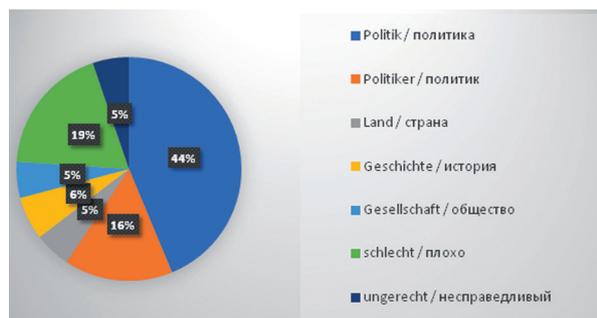

Диаграмма 1. Ядро ассоциативного поля *Korruption / коррупция*

На основе ядерных компонентов можно отметить, что *Korruption / коррупция* напрямую связана для немецких респондентов с политической сферой и воспринимается как антиценность. Это подкуп, продажность, моральное разложение государственной власти, когда ее представители используют служебное положение для получения материальных благ лично для себя и для своего ближайшего окружения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАТНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Для верификации полученных данных был проведен обратный ассоциативный эксперимент, когда в качестве стимула респондентам предъявляются

ядерные ассоциаты, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Условия проведения обратного эксперимента идентичны условиям прямого. Было важно уточнить, будут ли респонденты давать реакцию *Korruption (коррупция)* на представленные стимулы.

На слово-стимул *Politik (политика)* реакция *Korruption* была дана в 72 % случаев, на слово-стимул *Politiker (политик)* – в 18 %.

Такие данные подтверждают сделанные ранее выводы о коррумпированности политических кругов в Германии, несмотря на то, что Германия не представляется как коррумпированная страна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно результатам исследования, функционирование коррумпированных структур в государстве вызывает негодование общественности. Большое количество эмоционально-оценочных негативных реакций и немногочисленные формальные реакции респондентов Германии свидетельствуют о том, что антиценность «*Korruption*» присвоена в немецкой лингвокультуре. Негативное отношение общества к этому явлению может быть проиллюстрировано и с помощью лексикографических источников: сама лексема *Korruption* содержит в своем значении коннотативный компонент. Коррупция понимается членами социума как проблема, с которой необходимо бороться, она подрывает моральные установки индивида и ассоциируется с обманом, ложью, предательством. Как явление коррупция присуща всем государствам и охватывает все сферы общественной жизни. Этот факт подтверждается такими сочетаемостными лексемами, как *grassierend / буйствующий, verbreitet / распространенный, im Land / в стране* и реакциями семантических групп, репрезентирующих интегративные признаки «коррумпированные структуры в сфере политики», «коррумпированные страны», «коррумпированная история», «коррупция на предприятии». Важно отметить, что наиболее частотные ядерные реакции на стимул *Korruption – Politik / политика, Politiker / политик, schlecht / плохо*. Таким образом, политические структуры в сознании носителей немецкой лингвокультуры представляются как коррумпированные. Несмотря на неоспоримые успехи Германии в борьбе с коррупцией, многих граждан беспокоит ее распространение в определенных сферах общественной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеленов Л. А., Владимиров А. А., Щуров В. А. История и философия науки. М.: Флинта : Наука, 2008.
2. Ассоциативный эксперимент: Теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: коллективная монография / В. А. Пищальникова, К. С. Карданова-Бирюкова, Н. С. Панарина, Н. С. Степыкин, А. И. Хлопова, С. Н. Шевченко ; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2019.
3. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: монография. М.: Р. Валент, 2021.
4. Багдасарян В. Э. Высшие ценности Российского общества. М.: Научный эксперт, 2012.
5. Пей Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
6. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007.

REFERENCES

1. Zelenov, L. A., Vladimirov, A. A., Shchurov, V. A. (2008). Istoriya i filosofiya nauki = History and philosophy of science. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Ed. by V. A. Pishchal'nikova Moscow: R. Valent. (In Russ.)
3. Pishchal'nikova, V. A. (2021). Istoriya i teoriya psiholingvistiki = History and theory of psycholinguistics. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
4. Bagdasaryan, V. E. (2012). Vysshie cennosti Rossijskogo obshchestva = The highest values of Russian society. Moscow: Nauchnyj ekspert. (In Russ.)
5. Pej Cajsya (2019). Anticennost' «korrupciya» / «腐败» kak fragment yazykovoј kartiny mira russkih i kitajcev = The anti-value "corruption" / "腐败" as a fragment of the linguistic picture of the world of Russians and Chinese: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Pishchal'nikova, V. A. (2007). Istoriya i teoriya psiholingvistiki = History and theory of psycholinguistics (p. 2. Etnopsiholingvistika): a course of lectures: in 3 parts. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Сидорова Виктория Павловна

лаборант-исследователь экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khloпова Anna Igorevna

PhD (Linguistics), Associate Professor
at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Sidorova Victoria Pavlovna

Research Assistant at Experimental Phonetics and Forensic Linguistics Laboratory
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.07.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	31.07.2024	approved after reviewing
принята к публикации	06.08.2024	accepted for publication

Бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе

А. Г. Чабанная¹, М. В. Каменский²

^{1,2}Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹angelitvinenko@ncfu.ru

²mkamenskii@ncfu.ru

Аннотация. В статье обсуждаются результаты выявления лексем-репрезентантов бинарной концептуальной оппозиции «власть – народ» как инструмента речевого воздействия в англо- и немецкоязычном политическом дискурсе с применением корпусного менеджера LancsBox. Значимость результатов исследования состоит в применимости полученных данных для повышения эффективности противодействия манипулятивному речевому воздействию в политическом дискурсе.

Ключевые слова: бинарная концептуальная оппозиция, концепт «власть», концепт «народ», англоязычный политический дискурс, немецкоязычный политический дискурс

Для цитирования: Чабанная А. Г., Каменский М. В. Бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» в англоязычном и немецкоязычном политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 133–141.

Original article

The Binary Conceptual Opposition “Government – People” in English and German-Language Political Discourse

Anastasiya G. Chabannaya¹, Mikhail V. Kamensky²

^{1,2}North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹angelitvinenko@ncfu.ru

²mkamenskii@ncfu.ru

Abstract. The article focuses on identifying the lexemes representing the binary conceptual opposition “government – people” as a tool of speech influence in English- and German- language political discourse. The presented quantitative analysis of lexical units was undertaken using the LancsBox corpus manager. The significance of the results is seen in the possibility of increasing the effectiveness of linguistic measures aimed at counteracting the manipulative speech influence in political discourse.

Keywords: binary conceptual opposition, the concept of “government”, the concept of “people”, English-language political discourse, German-language political discourse

For citation: Chabannaya, A. G., Kamensky, M. V. (2024). The binary conceptual opposition “government – people” in English and German-language political discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 133–141. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном информационном обществе одной из значимых сфер жизни человека является политика. Важность политической коммуникации обусловлена существующей необходимостью отражения и обсуждения событий, происходящих как внутри государства, так и между странами. Рост текстов политической направленности связан и с желанием политических деятелей создать выгодный для себя образ, комментируя новости и события.

Для достижения коммуникативного успеха политики используют различные инструменты речевого манипулирования для воздействия на адресата. Увеличение речевоздействующего потенциала политической коммуникации посредством различных дискурсивных средств обосновывает интерес ученых к выявлению используемых способов речевого манипулирования в политическом дискурсе, при этом изучение бинарной концептуальной оппозиции «власть – народ» является фрагментарным (М. Д. Невинская, 2006; Т. Н. Рогачева, 2016; С. В. Крюкова, И. В. Микулина, 2018; Е. Н. Лучинская, Б. С. Кабаньян, 2024). Этим обосновывается актуальность предпринятого корпусного исследования, направленного на установление речевоздействующего потенциала бинарных концептуальных оппозиций на примере оппозиции «власть – народ». Применение корпусных технологий обусловлено тем, что на современном этапе развития требуется обработка не только объемных текстов, но также и веб-контента [Логинова, Горожанов, Алейникова, 2023].

БИНАРНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

По мнению Е. И. Шейгал, политический дискурс представляет собой совокупность речевых образований, содержание которых связано с политической сферой [Шейгал, 2004].

А. П. Чудинов, в свою очередь, подчеркивает, что в политический дискурс должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, влияющие на порождение и восприятие речи. Таким образом, стоит учитывать политическую ситуацию, в которой создается и произносится/читается текст, содержание, политические взгляды автора и адресата, различные лингвокультурологические, социальные, национальные и другие факторы. Характерными особенностями политического дискурса, по мнению исследователя, являются смысловая неопределенность, воздействие на подсознание, дистанцированность и театральность [Чудинов, 2006].

Эффективность и успех политической коммуникации, по мнению В. З. Демьянкова, обусловлены главной целью политического дискурса – убеждением и внушением адресатам выгодных политическим деятелям действий, решений [Демьянков, 2002].

Для достижения в политическом дискурсе требуемого результата необходимо использовать разные речевые стратегии и тактики, обладающие манипулятивным потенциалом. Среди таких стратегий О. Л. Михалева выделяет следующие:

- стратегия на понижение (тактика обвинения, обличения);
- стратегия на повышение (тактика самооправдания, позитивной самопрезентации);
- стратегия театральности (тактика обещания, побуждения, прогнозирования, предвосхищения будущих событий, информирования, предупреждения) [Михалева, 2009].

И. А. Гусейнова и А. И. Горожанов, изучая современные немецкоязычные СМИ, выделяют манипулятивные стратегии конструирования мрачной атмосферы; ограничения прав и свобод отдельного человека; конструирования образа государственного учреждения по оси «внутренний враг – внешний враг» и конструирования ситуации выбора по модели «подчинение – борьба» [Гусейнова, Горожанов, 2023].

Е. В. Танков отмечает, что одним из эффективных средств политического дискурса представляется использование бинарных концептуальных оппозиций, что основано на представлении об описании любой картины мира, в основе которых лежат бинарные оппозиции универсального характера [Танков, 2020].

Под концептуальной оппозицией, вслед за М. Д. Невинской, мы понимаем бинарную оппозицию концептов, которые состоят между собой в отношениях противоположности [Невинская, 2006].

Несомненно, концепты «власть» и «народ» являются важными в политическом дискурсе, так как отражают субъекты политической коммуникации. Например, И. М. Митриев отмечает, что концепты «политика», «власть», «благо», «народ», «государство» и «интересы» являются характерными для политического дискурса, так как позволяют понять языковую картину в политической сфере разных народов [Митриев, 2022]. Бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» лежит в основе нашего исследования. По мнению некоторых исследователей, понятийное ядро концепта «власть» представляет собой государственную власть, государство, орган государственного управления. Периферию концепта образуют лица, работающие в органах власти, местные власти. Семантическое поле концепта «народ»

в основе представлено понятиями: жители государства, люди, народность, нация [Лучинская, Кабаньян, 2024].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования выступают тексты выступлений Президента Соединенных Штатов Америки Джо Байдена за май 2024 года, представленные на Официальном сайте Правительства США, Раздел Речи и высказывания¹ и тексты выступлений канцлера Германии Олафа Шольца за апрель – май 2024 года, представленные на Официальном сайте немецкого правительства в разделе Reden².

Анализ эмпирического материала проведен при помощи корпусного менеджера LancsBox, который представил возможность для создания собственного электронного корпуса текстов политической направленности. Корпусный материал насчитывает 45 текстов (28 текстов Джо Байдена, 17 текстов Олафа Шольца). Различие в количестве текстов обусловлено количеством выступлений политических деятелей за исследуемый период. Следует отметить, что тексты канцлера Германии более подробные и детальные. В корпусе насчитывается 97105 токенов (из них 33890 в немецкоязычных текстах, 63215 в англоязычных). Отметим, что в немецкоязычных текстах представлено меньше токенов, что связано с использованием словосложения как продуктивного способа словообразования в немецком языке.

БИНАРНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ВЛАСТЬ – НАРОД» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В ходе исследования нашего пользовательского корпуса текстов речей Джо Байдена посредством корпусного менеджера LancsBox были выявлены самые частотные лексемы, являющиеся репрезентантами концептов «власть» и «народ». Данный анализ сделан с помощью инструмента Words, который подсчитывает количество лексических единиц автоматически и приводит их в порядке частоты их употребления.

Отметим, что в высказываниях Президента США лексема *government* (власть) используется 20 раз. Одноименный концепт в данном случае чаще репрезентируется посредством следующих лексических единиц:

- leader(s) (глава, руководитель) – 26 раз;
- Senate (Сенат) – 30 раз;
- senator(s) (сенатор) – 39 раз;

¹URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/>

²URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/reden>

- governor(s) (губернатор) – 37 раз;
- administration(s) (администрация, правительство) – 60 раз;
- president (президент) / presidential (президентский) – 228 раз.

Необходимо отметить, что с помощью инструмента GraphColl представляется возможным получить информацию о коллокациях, в которых употребляется исследуемая лексема чаще всего. Нами учитывались коллокаты длиной в две единицы справа и слева от лексемы. С указанной лексемой на определенном промежутке было найдено 39 коллокаций.

Так, например, частыми коллокатами лексической единицы *president* (президент) являются слова *American* (американский) (встречается 17 раз, 43 %) и *elected* (выбранный, избранный) (встречается пять раз, 13 %). Данные коллокации считаются частотными, так как таким образом, на наш взгляд, президент США подчеркивает свою роль в истории государства, свою принадлежность стране и единство с народом. Данное утверждение можно продемонстрировать следующими примерами:

How can it be that any **American president** cannot denounce political violence? I know I can, I will, and I have³. – Как так может быть, что ни один американский президент не может осудить политическое насилие? Я знаю, что могу, я сделаю, я это сделал⁴.

I remember them – right after being **elected president** <...> and we talked about this very issue⁵. – Я помню их – сразу после избрания президентом <...> и мы говорили именно об этом вопросе.

Следует отметить, что коллокат *American* (американский) нередко встречается и справа с лексемой *history* (история). В таких случаях политик создает выгодный для себя образ и подчеркивает свое преимущество среди других президентов США. Примерами данного утверждения являются следующие фразы:

You know, in their words, “Biden has done more to take action to protect, restore, and secure our health, our environment than any **president in American history** has done yet⁶.”

³URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/19/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-event-detroit-mi-2/>

⁴Зд. и далее перевод наш. – А. Ч., М. К.

⁵URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/25/remarks-by-president-biden-in-commencement-address-to-the-united-states-military-academy-at-west-point-west-point-ny/>

⁶URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/10/>

– Вы знаете, по их словам*, Байден сделал больше для принятия мер по защите, восстановлению и сохранению нашего здоровья и окружающей среды, чем любой другой президент в истории Америки.

*В данном случае под «их словами» следует понимать крупные экологические организации, например, Sierra Club и Sunrise Movement, которые опубликовали отчет о мероприятиях по охране окружающей среды. – Прим. наше.

We've created 15 million new jobs, a record number of jobs in a three-quarter-year period of any **president in American history**¹. – Мы создали 15 млн новых рабочих мест – рекордное количество за три квартала для любого президента в истории Америки.

Лексическая единица *administration* (администрация), правительство чаще всего используется со словами *my* (мой) (27 раз), *our* (наш) (8 раз). Необходимо подчеркнуть, что такие коллокации позволяют политику показать свою вовлеченность в общее дело. Нередко после таких фраз используются глаголы во временной форме Past Simple (простое прошедшее время), что дает возможность политическому деятелю продемонстрировать эффективность его работы, успешную деятельность, обратить внимание на полученный результат. Также можно отметить и использование времени Present Continuous (настоящее длительное время), которое направлено на отражение текущей работы Джо Байдена и его правительства. Подтвердить данное утверждение можно следующими примерами:

...I'm proud that **my administration announced** that DREAMers* are finally able to get healthcare under the Affordable Care Act now². – ...Я горжусь тем, что моя администрация объявила о том, что DREAMers** наконец-то могут получить медицинскую помощь в соответствии с Законом о доступном медицинском обслуживании.

*Determined, Resilient, Empowered, AIDS-free, Mentored and Safe. – Прим. наше.

**Государственно-частное партнерство, направленное на снижение уровня распространения ВИЧ среди девочек-подростков и молодых женщин. – Прим. наше.

...I'm proud **our administration** recently **announced** major changes in how federal **government** collects and reports federal data on race and ethnicity³. –

remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-portola-valley-ca/

¹URL: [https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/08/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/08/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-chicago-il-4/)

remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-chicago-il-4/

²URL: [https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/12/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/12/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-seattle-wa/)

remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-seattle-wa/

³URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/14/remarks-by-president-biden-at-the-asian-pacific-american-institute-for-congressional-studies-30th-annual-gala>

american-institute-for-congressional-studies-30th-annual-gala

...Я горжусь тем, что наша администрация недавно объявила о серьезных изменениях в сборе и представлении федеральных данных о расе и этнической принадлежности, проводимых федеральным правительством.

That's why **my administration is saving** families around \$30 a month on their Internet bills⁴. – Поэтому моя администрация экономит семьям около 30 долларов в месяц на оплате счетов за Интернет.

Отметим, что в определенном контексте лексема *we* (мы) и ее формы (встречается 1470 раз) может быть репрезентантом концепта «власть». В таком случае политик подчеркивает свое единство с народом. Данное утверждение можно продемонстрировать следующими примерами:

Folks, during the previous administration, my predecessor made promises which he broke more than kept <...>. On my watch, **we** make promises and **we** keep promises. And **we** leave no one behind⁵. – Люди, при предыдущей администрации мой предшественник* чаще нарушал обещания, чем выполнял их <...>. Под моим руководством мы даем обещания и выполняем их. И мы никого не оставляем в стороне.

*Имеется в виду Дональд Трамп. – Прим. наше.

Our reforms not only save lives, but it's saving taxpayers billions of dollars <...> the last change **we** made in terms of Medicare, that's reduced the federal debt...⁶ – Наши реформы не только спасают жизни, но и экономят налогоплательщикам миллиарды долларов <...> последнее изменение, которое мы внесли в программу Medicare*, привело к сокращению федерального долга...

*национальная программа медицинского страхования в США для лиц от 65 лет и старше. – Прим. наше.

Концепт «народ» в англоязычном политическом дискурсе репрезентируется посредством следующих лексических единиц:

- nation (нация, народ) – 81 раз;
- folks (народ) – 101 раз;
- people (люди, народ) – 191 раз;
- American(s) (американец, американский) – 200 раз.

⁴URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/02/remarks-by-president-biden-on-how-his-investing-in-america-agenda-is-rebuilding-infrastructure-and-creating-good-paying-jobs-wilmington-nc/>

⁵URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/08/remarks-by-president-biden-on-his-investing-in-america-agenda-racine-wi/>

⁶URL: [https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/21/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/21/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-boston-ma-3/)

remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-boston-ma-3/

Следует подчеркнуть, что данные лексемы *folks* или *American(s)* нередко стоят в начале высказывания и являются обращением (встречается 75 раз, что в данном случае составляет 25 %). Таким образом, по нашему мнению, политический деятель применяет стратегию театральности (тактика обещания, побуждения, информирования, предупреждения). К тому же, обращение непосредственно к народу показывает открытость к диалогу с гражданами страны и может быть рассмотрено как «новая искренность», недавно появившаяся тенденция, направленная на пересмотр нашего отношения к происходящему в сторону более серьезного подхода и стирания границ того, чем мы считаем приемлемым делиться с другими, что приводит к откровенности [Sokolov, Shabrova, 2020]. В качестве примеров могут выступить следующие высказывания Джо Байдена:

Folks, in the last year, the VA delivered more benefits and processed more overall claims than ever in the entire history of the VA¹. – Народ, за последний год VA* предоставило больше льгот и обработало больше жалоб, чем когда-либо за всю историю своей деятельности.

*Veterans Affairs – Министерство по делам ветеранов США. – Прим. наше.

Folks, this election is about freedom, America, and democracy². – Народ, эти выборы о свободе, Америке и демократии.

My fellow Americans, Jim is the best³. – Мои соотечественники-американцы, Джим* – самый лучший.

*Джим Клайберн, американский политик, представляющий Демократическую партию. – Прим. наше.

В высказываниях президента США часто используется местоимение *you* (*ты, вы*) (1233 раз вместе с производными формами), которое может являться репрезентантом концепта «народ»:

You know, one of the reasons why our economy is growing is because of *you* and many others⁴. – Вы знаете, одна из причин, по которой наша экономика растет, – это вы и многие другие.

¹URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/21/remarks-by-president-biden-on-the-pact-act-nashua-nh/>

²URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/01/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-7/>

³URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/03/remarks-by-president-biden-at-presentation-of-the-presidential-medal-of-freedom-2/>

⁴URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/01/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-7/>

You know, we've raised, with *your* help, over \$ 400 million and we have nearly \$200 million on hand⁵. – Вы знаете, с вашей помощью мы собрали более 400 млн долларов, у нас на руках почти 200 млн долларов.

В контексте лексема *we* (*мы*) и ее формы (встречается 1470 раз) служат репрезентантом концепта «народ». В высказывании обычно присутствует лексическая единица, которая отражает совместность политика и народа, т. е. в данном случае политический деятель приравнивает себя к гражданам страны. Среди таких лексем можно выделить, например: *American(s)* (*американец, американский*); *country* (*страна*); *America, United States of America* (*Америка, Соединенные Штаты Америки*) (по данным инструмента GraphColl такие коллокации встречаются 188 раз, что составляет 13 %). Данное утверждение можно продемонстрировать следующими примерами:

That's *America*. That's who *we* are. And that's who *we'll* always be, God willing⁶. – Такова Америка. Вот кто мы такие. И такими мы всегда будем, даст Бог.

We have to remember *our* basic principles as a *nation*⁷. – Мы должны помнить о наших основных принципах как нация.

We're the only *country* in the world founded on an *idea*⁸. – Мы – единственная страна в мире, основанная на идее.

БИНАРНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ВЛАСТЬ – НАРОД» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Анализ речей Олафа Шольца также проведен с помощью корпусного менеджера LancsBox. Частотные лексемы-репрезентанты исследуемых оппозиций выявлены с помощью инструмента Words. Однако необходимо заметить, что в данном случае использовался поиск в самих речах

⁵URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/01/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-7/>

⁶URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/31/remarks-by-president-biden-on-the-middle-east-2/>

⁷URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/07/remarks-by-president-biden-at-the-u-s-holocaust-memorial-museums-annual-days-of-remembrance-ceremony/>

⁸URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/05/25/remarks-by-president-biden-in-commencement-address-to-the-united-states-military-academy-at-west-point-west-point-ny/>

с помощью регулярных выражений, что обусловлено большим количеством сложных слов, характерных для немецкого языка. Например, можно использовать следующее регулярное выражение: `[a-zA-ZÜüÖöÄäß]*[bB]und[a-zA-ZÜüÖöÄäß]*`. Компонент `und` воспринимается здесь прямо, `Bb` в квадратных скобках показывают, что может быть на этом месте и заглавная, и строчная буква. В квадратных скобках указан диапазон возможных символов (в данном случае какая-то из латинских букв в любом регистре, буква эсцет и умлауы, характерные для немецкого языка), звездочка подразумевает, что один из предыдущих символов используется 0 и более раз. Таким способом можно найти не только лексему «союз», но и сложные слова, в составе которых присутствует этот компонент (см. рис. 1):

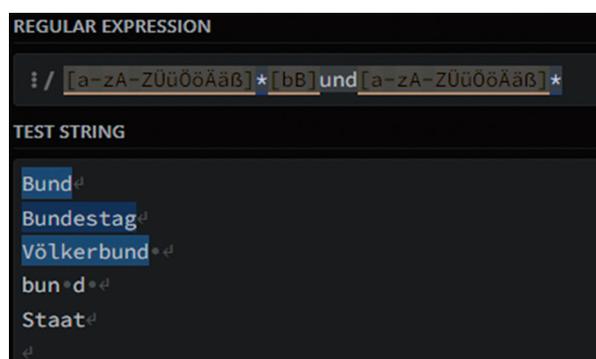

Рис. 1. Пример использования регулярного выражения для поиска сложных слов¹

Стоит отметить, что в высказываниях канцлера ФРГ лексема *Macht* (власть) используется только в сложных словах и встречается редко. Данный концепт репрезентируется посредством следующим лексем²:

- Regierung (правительство) – 22 раза;
- Amt (отдел, ведомство) – 30 раз;
- Staat (государство) – 61 раз;
- Bund (союз, объединение) – 65 раз;
- Land (страна) – 337 раз.

Необходимо подчеркнуть, что в немецкоязычном дискурсе для репрезентации концепта «власть» могут быть использованы и другие лексические единицы, которые связаны с политическим устройством Германии, например: *Behörde* (власть, учреждение); *Autorität* (власть, влияние); *Kanzler* (канцлер). Политический деятель нередко использует стратегию на повышение, т. е. создание положительного образа, например, при помощи лексем *wir* – *мы* и ее форм (встречается 1015 раз).

¹URL: <https://regex101.com/>

²Лексема может быть использована не только как отдельное слово, но и как компонент сложного слова.

Репрезентация концепта «власть» может быть представлена следующими примерами:

Ich sage auch hier als *deutscher Bundeskanzler*: Wenn wir der Europäischen Union die Kompetenz für Handelsverträge gegeben haben, dann nicht, damit da keine abgeschlossen werden, sondern, damit da welche zustande kommen!³ – Я также говорю здесь как канцлер Германии: если мы наделили Европейский Союз полномочиями заключать торговые договоры, то это не для того, чтобы их не заключали, а для того, чтобы они были заключены!

In all den *Ämtern*, die ich in meinem Leben schon ausüben durfte, als *Arbeitsminister*, als *Bürgermeister* und jetzt auch als *Bundeskanzler*, bin ich von anderen immer wieder gefragt worden...⁴ – На всех должностях, которые мне довелось занимать в своей жизни, в качестве министра труда, мэра, а теперь и федерального канцлера, меня постоянно спрашивают...

Weil zu dieser Stärkung auch die Vernetzung mit den wichtigen *Regulierungsbehörden* gehört, freue ich mich sehr, dass es gelungen ist, die neue EU-Anti-*Geldwäschebehörde* in Frankfurt anzusiedeln⁵. – Поскольку это укрепление включает в себя налаживание связей с ключевыми регулирующими органами, я очень рад, что удалось создать новое управление ЕС по борьбе с отмыванием денег во Франкфурте.

Концепт «народ» репрезентируется в высказываниях Олафа Шольца посредством следующих лексем:

- Leute (люди, народ) – 11 раз;
- Gesellschaft (общество) – 12 раз;
- Volk (народ) – 20 раз.

Канцлер Германии обращается к народу, используя слова:

- Damen / Frauen (дамы, женщины) – 82 раза;
- Herren / Männer (господа, мужчины) – 59 раз.

Лексемой-репрезентантом концепта «народ» может выступать и лексическая единица *Deutsch* (немец, немецкий и его производные формы (встречается 233 раза). В коллокации с данным словом, как и в англоязычном политическом дискурсе, лексема *wir* (мы) и ее формы представляют

³URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-bei-der-fruehjahrstagung-der-landesgruppen-niedersachsen-bremen-und-nordrhein-westfalen-der-spd-bundestagsfraktion-am-19-april-2024-auf-norderney-2272466>

⁴URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-beim-ihk-tag-2024-der-dihk-am-15-mai-2024-in-berlin-2282894>

⁵URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-beim-23-deutschen-bankentag-am-23-april-2024-in-berlin-2272962>

собой репрезентант концепта «народ». Данные утверждения можно продемонстрировать следующими примерами:

Meine **Damen und Herren**, auf dem Weg hierher vom Flugplatz in Wiesbaden kommt man an vielen wohlklingenden Ortsnamen vorbei¹. – Дамы и господа, по пути сюда с аэродрома в Висбадене вы проезжаете мимо множества хорошо звучащих названий мест.

Das ist die Grundlage **unseres** volkswirtschaftlichen Wohlstands, und das müssen **wir** auch verteidigen². – Это основа нашего народного экономического процветания, и это то, что мы должны защищать.

Natürlich ist niemand von **uns** zufrieden, wenn die deutsche Volkswirtschaft stagniert oder nur um 0,3 Prozent wächst, wie es für dieses Jahr vorhergesagt wird³. – Конечно, никто из нас не будет доволен, если немецкая экономика останется на прежнем уровне или ее рост составит всего на 0,3 процента, как прогнозируется на этот год.

Eine Sache, die für wirtschaftlichen Handel und fairen Wettbewerb und gute Entwicklungsbedingungen zentral ist, ist, dass wir drei Dinge **für uns als Deutsche** klar begreifen⁴. – Одна вещь, которая имеет решающее значение для экономической торговли, честной

¹URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-beim-symbolischen-spatenstich-fuer-den-neuen-produktionsstandort-von-eli-lilly-and-company-am-8-april-2024-in-alzey-2269124>

²URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-bei-der-fruehjahrstagung-der-landesgruppen-niedersachsen-bremen-und-nordrhein-westfalen-der-spd-bundestagsfraktion-am-19-april-2024-auf-norderney-2272466>

³URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-beim-ihk-tag-2024-der-dihk-am-15-mai-2024-in-berlin-2282894>

⁴URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzler-scholz-bei-der-fruehjahrstagung-der-landesgruppen-niedersachsen-bremen-und-nordrhein-westfalen-der-spd-bundestagsfraktion-am-19-april-2024-auf-norderney-2272466>

конкуренции и хороших условий развития, – это то, что мы, немцы, четко осознаем три вещи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что в англо- и немецкоязычном политическом дискурсе бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» как один из инструментов речевого манипулирования используется практически в одинаковом количестве.

Вместе с тем корпусный анализ репрезентантов данной оппозиции позволил выявить определенные различия. Так, например, в немецкоязычном политическом дискурсе нами отмечено использование большего количества лексем-репрезентантов концепта «власть», что на наш взгляд, обусловлено количеством разных служб, ведомств в политической структуре Германии. Концепт «народ» представлен похожими лексическими единицами, но стоит отметить, что англоязычному политическому дискурсу Джо Байдена присуща большая степень открытости и искренности. Обращение к народу в политических речах президента США звучит более искренне, чем у Олафа Шольца. Лексема «мы» в политических высказываниях и Олафа Шольца, и Джо Байдена в зависимости от контекста может выступать репрезентантом обоих концептов, при этом в англоязычном политическом дискурсе лексема «мы» как репрезентант концепта «народ» используется чаще, чем в немецком.

При этом необходимо подчеркнуть, что в обоих случаях бинарная концептуальная оппозиция «власть – народ» не используется для полного противопоставления двух субъектов политической коммуникации, а отражает институциональный и эмоционально-оценочный аспекты взаимодействия субъектов политического дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Логинова А. О., Горожанов А. И., Алейникова Д. В. Программные инструменты создания и анализа массивов текстов коротких электронных сообщений пользователей социальных сетей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3641–3647. EDN HISVTJ.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта : Наука, 2006.
4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.

7. Танков Е. В. Исследование политического дискурса: бинарные концептуальные оппозиции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4/2. С. 165–169.
8. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
9. Митриев И. М. Основные концепты современного политического дискурса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11–5 (74). С. 159–161.
10. Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С. Концептуализация понятий «народ» / «власть» в общественно-политическом журнальном дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 113–118.
11. Sokolov A., Shabrova P. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020). 2020. Vol. 468. P. 191–196.

REFERENCES

1. Loginova, A. O., Gorozhanov, A. I., Aleynikova, D. V. (2023). Software tools for creating and analyzing a text data bank of short electronic messages from social network users. *Philology. Theory & Practice*, 16(11), 3641–3647. EDN HISVTJ. (In Russ.)
2. Sheigal, E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskurs = Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
3. Chudinov, A. P. (2006) *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
4. Demyankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political science. *Political science. Political discourse: History and modern studies*, 3, 32–43. (In Russ.)
5. Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya = Political discourse: the specificity of manipulative influence*. Moscow: Librocom. (In Russ.)
6. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(6), 911–920. EDN HZMXIN (In Russ.)
7. Tankov, E. V. (2020). The study of political discourse: binary conceptual oppositions. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 4/2, 165–169. (In Russ.)
8. Nevinskaya, M. D. (2006) *Kontseptual'naya oppozitsiya «narod – vlast'» v politicheskom diskurse = Conceptual opposition "people – government" in political discourse: abstract of PhD in Philology*. Volgograd. (In Russ.)
9. Mitriev, I. M. (2022). Main concepts of modern political discourse. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11–5(74), 159–161. (In Russ.)
10. Luchinskaya, E. N., Kabanyan, B. S. (2024). Conceptualization of the concepts «people» / «power» in the discourse of socio-political magazines. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 10(76), 1, 113–118. (In Russ.)
11. Sokolov, A., Shabrova, P. (2020). New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020)*, 468, 191–196.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чабанная Анастасия Геннадьевна

ассистент

кафедры лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации

Северо-Кавказского федерального университета

Каменский Михаил Васильевич

доктор филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации

Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chabannaya Anastasiya Gennadievna

Assistant Teacher

at the Department of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication
in North-Caucasus Federal University

Kamensky Mikhail Vasilievich

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor

Head of the Department of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication
in North-Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	06.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	02.08.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Научная статья
УДК 008+82.091

Научные подходы к изучению автофикшн

А. Д. Белогорцев

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
andrbelog@yandex.ru*

Аннотация. В статье обобщаются различные взгляды на термин «автофикшн», начиная с момента его первого упоминания в 1977 году и до настоящего времени. Представлена история, социальные и культурные причины появления автофикшн. Выделены научные подходы к изучению автофикшн как современного литературного и философского явления, так и его проявления в качестве общекультурной практики, отражающей проблемы самоидентификации.

Ключевые слова: автофикшн, автофикциональность, самоидентификация, саморефлексия, самопозиционирование

Для цитирования: Белогорцев А. Д. Научные подходы к изучению автофикшн // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 142–148.

Original article

Scientific Approaches to Autofiction Research

Andrey D. Belogortsev

*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
andrbelog@yandex.ru*

Abstract. The article summarizes different views on the term «autofiction» from its first mention in 1977 to the present. The history, social and cultural reasons for the emergence of autofiction are presented. Scientific approaches to the study of autofiction as a modern literary and philosophical phenomenon, as well as its manifestation as a general cultural practice reflecting problems of self-identification, are highlighted.

Keywords: autofiction, autofictionality, self-identification, self-reflection, self-positioning

For citation: Belogortsev, A. D. (2024). Scientific approaches to autofiction research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 142–148. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс вокруг автофикшн начался в 1977 году, когда французский писатель Серж Дубровский упомянул его в предисловии к своему роману «Сын», однако почти сразу же исследования Венсана Колонны, Филиппа Лежёна и самого Сержа Дубровского поставили под сомнение возможность существования автофикшн как литературного жанра: четких жанровых границ обозначить не получилось, а сами жанровые признаки постоянно менялись. О том, что происходило в дискурсе 1980-х годов во Франции, подробно написано в работе Левиной-Паркер «Введение в самосочинение: autofiction» [Левина-Паркер, 2010].

На наш взгляд, популярность автофикшн во многом обусловлено внелитературными причинами. Например, некоторые элементы романов могут дублироваться в личных блогах авторов [Ермолин, 2022], что создает дополнительное внимание к выпущенным книгам. Внимание к индивидуальному опыту частично можно связать с недостаточным финансированием, которое отмечают сами авторы: одной литературой становится сложнее заработать на жизнь, что вынуждает искать другую работу, а вместе с ней и уникальный опыт [Белогорцев, 2023]. В исследовании А. Эффе и А. Гиббонс рассматриваются точки зрения Марджори Уортингтон, которая считает, что автофикшн появился из-за упадка культурного капитала традиционной фигуры автора. Хайвел Дикс называет причинами появления автофикшн повышение статуса женского письма, изменение характера издательской индустрии и насыщение СМИ «нарративами реальности» [The autofictional. Approaches, affordances, forms, 2022].

ПРИЗНАКИ АВТОФИКШН

Самих авторов автофикшн привлекал возможностью сместить акцент на личные переживания и бросить вызов классической структуре повествования. В отличие от жанровой литературы, автофикшн предоставляет свободу в выборе формы и построения сюжета, оставляя за собой лишь некоторые признаки, которые делают автофикшн узнаваемым.

Арно Шмитт предлагает разделить эти признаки на первичные и вторичные: к первичным относятся те, без которых автофикшн не может существовать, их всего два: ономастическое соответствие и сходство биографического происхождения между автором и повествователем [там же]. Мартина Вагнер-Эгельхаф сравнивала автофикшн с лентой Мёбиуса, которая закручивается наружу и внутрь [там же]. Субъект и объект, жизнь и письмо переплетаются друг с другом настолько, что

невозможно увидеть, где заканчивается одно и начинается другое. Вторичные признаки не создают автофикшн, а лишь усиливают его, при этом являясь необязательными элементами. К ним можно отнести сближение литературного языка с разговорным, нарочитую детализацию, сложенную структуру повествования, элементы перформанса [Белогорцев, 2023], наличие иронической дистанции между автором и героем, репрезентацию эмоций и др. [The autofictional. Approaches ... 2022]. Главным замечанием Венсана Колонны было то, что эти же самые признаки уже встречались в истории литературы, а автофикшн стал следствием моды на эгоцентричные сочинения, нарциссизм и тенденцию на создание дискурсов, что подтверждает нашу теорию о внелитературных причинах популярности [Левина-Паркер, 2010], однако главной задачей Колонна ставил исследовать автофикшн как часть уже состоявшегося литературного процесса.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АВТОФИКШН

На сегодняшний день существует огромное количество исследований о том, что автофикшн появился задолго до Сержа Дубровского, однако согласия в том, кто является «предком» этого явления, до сих пор нет. Разные точки зрения крупных исследователей автофикшн со всего мира последних лет представлены в сборнике «Автофикшн. Подходы, возможности, формы» под редакцией А. Эффе и Х. Лоулор [The autofictional. Approaches ... 2022]. Мы считаем необходимым рассказать об этих исследованиях, которые заслуживают внимания.

Наиболее близкий литературный жанр, с которым сравнивают автофикшн – автобиография: так считал и сам Дубровский, когда давал комментарии об «автобиографическом пакте» Филиппа Лежёна. Мартина Вагнер-Эгельхаф считает, что автофикшн – это внутренний модус автобиографического, который может видоизменяться, но ни в коем случае не существовать как отдельный жанр. Так, например, между 1811 и 1833 годами Иоганн Вольфганг Гёте пишет автобиографию и дает ей жанровое определение «Dichtung und Wahrheit» [там же], что можно перевести как «Вымысел и истина». Поддерживая идею о том, что автофикшн появился задолго до Сержа Дубровского, Бен Грант указывает, что точно такое же определение было придумано Стивеном Рейнольдсом в 1906 году [там же], и уже тогда автофикшн воспринимался не как жанр, а как выражение структуры жанров. Сэм Фергюсон утверждает, что ключевую роль в формировании автофикшн сыграл дневник. Что касается временных рамок, Фергюсон предлагает считать началом автофикшн Вторую мировую войну, так как именно на нее

пришлось разделить между двумя поколениями. Разделение проявляется в двух разных подходах во время работы с дневником: автобиографический до войны и автофикциональный – после. Для послевоенного поколения, по мнению Сэма Фергюсона, переплетение реальной жизни и вымысла является более естественным, они воспринимают саму жизнь как наполненную вымыслом и более лично вовлечены в процесс и результаты своего письма, будь то через слияние их публичных, частных и письменных образов [там же].

Отдельно стоит упомянуть исследования, которые использовали культурологический подход, ведь аналоги французского автофикшна Сержа Дубровского уже существовали в других странах задолго до Сержа Дубровского. Юстина Вероника Каша рассказывает про японский «Ватакуси Сёсэцу», который дословно переводится как «эгобеллетристика». Произведения написаны от первого лица и сосредоточены не на социальных проблемах, а на интимных переживаниях одного человека. Ключевой особенностью сёсэцу является различие между «ватаси» и «дзибун» («я» и «себя»), которое может подразумевать как первое лицо единственного числа («я»), так и третье лицо единственного числа («он / она») или, в зависимости от контекста, даже множественное число («мы»). Наличие нескольких местоимений, которыми можно описать собственную жизнь, значительно усложняет перевод японских произведений на другой язык, а также препятствует (или, по крайней мере, усложняет) внедрение автофикшна в японскую культуру. Юстина Вероника Каша считает, что это повод изучить влияние автофикшна на другие культуры и расширить фокус исследований автофикшна в эпоху глобального романа [там же].

Примеры культурологических различий мы найдем в истории отечественной литературы, а именно в жанре церковной литературы «житие». В отличие от автобиографии и дневников, содержание «жития» зачастую было лишено временной и топографической конкретики, оставляя истории о духовных подвигах, чудесах и знамениях, которые можно назвать субъективными. Наверное, по этой причине литературный антрополог и писатель Ольга Брейнингер, озвучившая свою позицию на междисциплинарной конференции «Биографическая коллизия: теория, метод и нарратив» в Московской высшей школе социальных и экономических наук в докладе «Автофикшн и диджитальная перформативность», как и литературный критик Юлия Подлубнова [Подлубнова, 2024], ставят в один ряд с Оксаной Васякиной, Антоном Сексисовым и Эдуардом Лимоновым – Протопопа Аввакума. Похожая позиция видна в статье «The Autofictional in Serial, Literary Works», авторами

которой являются Рикарда Мэн и Мелисса Шух. Они приводят в пример духовные повествования, такие как «Исповедь» Блаженного Августина, и, несмотря на христианский канон, делают акцент на жизни выдающихся людей. Таким образом, этот жанр можно считать предшественником современной автобиографии [там же].

УТОЧНЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Новый термин «автофикциональная проза» используется русскоязычными исследователями, чтобы указать на несоответствие произведения литературному жанру «автофикшн», однако признавая наличие некоторых особенностей, о которых говорили в начале статьи. С похожей проблемой столкнулись в Германии и Англии: так Рикарда Мэн и Мелисса Шух предлагают использовать прилагательное «автофикциональный», чтобы расширить рамки изучения и рассмотреть ряд стратегий, составляющих экспериментальные и литературные средства самопрезентации [там же]. Соглашаясь с исследователями, хочется добавить одну оговорку: в России продолжают использовать слово «автофикшн» издатели, маркетологи и читатели, для которых вопрос точной жанровой принадлежности вторичен – а потому в этой и других статьях предлагается использовать более лаконичный вариант «автофикшн», когда мы говорим о *социальнолитературном явлении*, и использовать прилагательное только в тех случаях, когда жанровый вопрос принципиален. Похожую позицию мы встречаем у исследователя Арно Шмитт, который признает многозначность термина и ставит себе цель не развить определение, а описать, как автофикшн функционирует [там же]. Кроме того, нужно учитывать, что любое определение, с которым работает автор, является лишь одним из многих, находящихся в обращении. Мартина Вагнер-Эгельхааф, ссылаясь на немецкого критика Франка Ципфеля, приводит в пример три возможных употребления термина «автофикшн»: конструктивный модус любой автобиографии; тексты, в которых автор и главный герой имеют одно и то же имя в сочетании с индексом вымышленности; тексты, в которых мы находим колебания между автобиографическим и романистическим пактом, как они были задуманы Филиппом Лежёном. Вагнер-Эгельхааф подчеркивает, что сам Дубровский в ходе дебатов об автофикшне акцентировал внимание на различных аспектах или элементах, которые имеют решающее значение для концепции в его книге. Главным тезисом Мартины Вагнер-Эгельхааф является то, что мы нуждаемся в термине «автофикшн»: большое количество определений означает лишь

то, что в литературоведении и особенно в области автобиографических исследований существует очевидная потребность в изучении взаимосвязи между жизнью и текстом, вымыслом и реальностью. Одна эта потребность, по мнению М. Вагнер-Эгельхааф, оправдывает существование термина (но не его небрежное употребление) [там же].

ПОДХОДЫ К АВТОФИКШН В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Найти аналогичный текст, который был бы максимально приближен к автофикшн, как роман «Сын» Сержа Дубровского, не удалось. Однако возможно детально разобрать новые или уже устоявшиеся приемы на примере конкретных произведений, которые хотя бы отдаленно можно назвать автофикциональными. Такой подход очень популярен в российских исследованиях: изучают приемы «неостранения» в романе Оксаны Васякиной «Степь» [Разухина, 2023], нарративные стратегии в повести Г. Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь» [Ковалев, 2022], условия выстраивания автобиографического сюжета Александра Чудакова в романе «Ложится мгла на старые ступени» [Ван Цзяо, 2021], стратегии документализации романа «Пять лет в раю» Руслана Киреева, описывают прагмасемантическую специфику репрезентации личности художника в книге «Моя жизнь» М. Шагала [Левченко, 2022].

ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОФИКЦИОНАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ

Автофикциональные элементы «прорастают» и начинают существовать отдельно, создавая новые автофикциональные сочетания. В литературе появляются целые формы и направления, близкие к автофикшн. Одним из таких является «экзофикшн»: повествование в форме романа, выстраивающиеся вокруг исторического (или, по крайней мере, реального) персонажа, отличного от автора [Амирян, 2021]. Наиболее близкое понятие к экзофикшн – «альтернативная история», однако в случае с экзофикшн целью становится не избрание другого хода истории как процесса, как это делает альтернативная история, а жизнеописание одной личности; миф становится не историческим, а биографическим.

Ряд исследований посвящен поиску формы и проявлений автофикциональности в искусстве в целом. На стыке литературы и фотографии появляется жанр «литературный автопортрет»: в автофикциональное повествование вставляются фотографии из жизни автора, усиливая присутствие автора в тексте. Так устроена, например, книга

Ролана Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» или произведения британской писательницы Дженни Дикси. Автофикшн и автопортрет различаются в разных тенденциях: автофикшн стремится принять и усилить вымышленную навязчивость нарратива о себе, тогда как автопортрет избегает повествования. По своей структуре он фрагментарен, а структура больше пространственная, нежели временная. Бен Грант считает, что в автопортрете личность может быть представлена только в виде серии масок, где маска – это воспоминания, восполняющие отсутствие той непрерывной личности, от которой зависит автобиография. Автономные маски бесконечно размножаются, поэтому автопортрет обязательно будет множественным и, по сути, вымышленным [The autofictional. Approaches ... 2022]. Продолжая «прорастать», автофикшн появляется и в фотографии, в которой уже изначально заложены вопросы идентичности, документирования личности и фрагментированных воспоминаний [там же]. Визуальная художница Бонгл Тау использует фотографию, которую называет «автофикциональной практикой в автопортрете» [там же], чтобы с помощью визуального повествования спроецировать себя или репрезентации таких же людей, как она, в канонические визуальные нарративы и поднять проблемы деколонизации. На фотографиях она использует предметы, которые ассоциируются с национальной и самоидентификацией: зеркало, книга, надписи на разных языках, клетка. Она старается создать искаженную реальность, чтобы показать две совершенно разные позиции, которые она занимает в одной и той же обстановке. Идеи автофикшн не могли не затронуть кино. Анна Форне и Патрисия Лопес-Гай трактуют автофикшн как современный кинематографический режим, который разрушает границы между документальным и художественным кинематографом благодаря саморефлексии и поэтике памяти [там же]. Автофикшн-фильмы провозглашают идею: то, что мы видим, является свидетельством исторических событий, а не их вымышленными симуляциями. В то же время они предполагают, что к прошлому не может быть прямого доступа, и иногда подходят к истории через вымышленные симуляции человеческого опыта, перформансы и личное повествование. Фильмы вращаются вокруг новой концепции архива как саморефлексивного процесса, события, которое становится самостоятельным объектом.

РЕЦЕПТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сейчас автофикшн – это не жанр, а целая философия, до конца не исследованная, которая распространилась на культуру всех стран и даже вышла

за пределы литературы. Она основывается на особом восприятии соединения реального и вымышленного, о чем говорит когнитивное исследование Алисон Гиббонс. Восприятие автофикшн читателем уже изучалось Филиппом Лежёном, Дубровским, Варинготом и Ципфелем, однако Алисон Гиббонс пошла дальше и создала когнитивную схему чтения автофикшн, которая включает в себя, например, дискурсивный мир, физический и перцептивный контекст актов письма и чтения [Gibbons, 2022]. Модель опирается на когнитивные принципы для отображения концептуальных процессов, происходящих во время чтения: она должна объяснять, как читатели переживают текстовые проявления автора по отношению к реальному автору, отвечает за передачу знаний между текстовым миром и дискурсивным миром, стремится объяснить необходимость авторского знания в оценках фикционности или референциальности автофикшн.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Кроме одинакового восприятия, автофикциональные произведения объединяют и задачи, которые раскрывают поднятые темы. Одной из таких задач является сопротивление культурной памяти. Хайвел Дикс, один из самых крупных исследователей культурной памяти, говорит о том, что культурная память избирательна: она прославляет знаковые фигуры и события прошлого, позволяя другим выпасть из коллективного сознания, а определенным жизням, историям и опыту придается большее значение, чем другим; это может привести, например, к маргинализации угнетенных, чьи нарративы о прошлом не совпадают с доминирующим нарративом общества. Продолжая исследование Хайвела Дикса, Ханна Меретоя вводит термин «метанарративный автофикшн», где под «метанарративностью» она понимает саморефлективное повествование, которое взаимодействует с более широкими культурными шаблонами и их ролью в том, как мы осмысливаем свою жизнь [The autofictional. Approaches ... 2022].

Автофикциональные тексты снимают табуированность, и тексты разных стран будут бороться с теми проблемами, которые актуальны для конкретной страны. Хелле Эгендаль из Германии уделяет внимание произведениям автофикшн, текст которых написан на нескольких языках. Она считает, что цель смешения языков состоит в том, чтобы поставить под сомнение монолингвистические и монокультурные нормы [там же]. Автофикшн, написанный на стыке культур, становится мощным оружием писателей для обращения к дискурсам о миграции, транскulturализме и расизме, ведь

они представляют собой коллективное «мы», а не только описываемое «я». Несмотря на глобальность и неоспоримую значимость вышеуказанных проблем, для автофикциональных произведений российских авторов актуальны другие темы. Самой заметной особенностью российского автофикшн становится женская проза, которая включает в себя проблемы неполных семей, воспитания, самоидентификации, физиологии, насилия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До тех пор пока автофикшн остается популярным направлением, предсказать вектор его развития невозможно, а выводы о том, какое влияние автофикшн оказывает на современное искусство и культуру в мире, являются промежуточными. Тем не менее мы можем подвести итоги того, как развивается автофикшн и насколько это явление изучено:

- автофикшн как литературный жанр не может существовать ввиду отсутствия шаблонов и структуры, наличие которых предполагает жанровая литература. Вместо этого автофикшн оставляет за собой право вольной интерпретации; в качестве узнаваемого элемента обозначает сходство биографического автора, повествователя и героя;
- история создания автофикшн под вопросом. У разных исследователей разные взгляды на появление и периодизацию автофикшн, но сходятся они в том, что автофикшн не был придуман одним человеком и является следствием развития и смешения разных жанров: автобиография, дневник, автопортрет, житие, исповедь и многие другие. Автофикшн опирается на внешние события, происходящие в культуре, а значит, можно говорить об автофикшн как о приспособлении жанра к современным реалиям, вне зависимости от жанра, с которым связывают происхождение;
- благодаря терминологическому разделению существительного автофикшн и прилагательного автофикциональный появилась возможность исследовать отдельные проявления автофикционального в искусстве, рассматривая не связанные ранее произведения как единое целое. Автофикшн разделился на разные жанры (например, литературный автопортрет или эксофикшн) и нашел свое проявление в других видах искусства (фотография, кино);
- автофикшн превратился в общекультурную практику, направленную на проблемы самоидентификации, переосмысления истории и

памяти, ценности жизни отдельной личности, поиск баланса между правдой и вымыслом, а также разрушение уже устоявшихся нарративов;

- проявления автофикшн можно найти и в западных странах, странах востока, Латинской Америке и постколониальной Африке, что говорит о том, что автофикшн

распространяется повсеместно. Однако степень изучения автофикшн внутри каждой страны разная: существует достаточно информации об автофикшн во французской или британской литературе, однако автофикшн и его проявления в России изучены недостаточно хорошо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html>
2. Ермолин Е. А. Автофикшн как медийная стратагема // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 71–79.
3. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23–33.
4. The autofictional. Approaches, affordances, forms / A. Effe, H. Lawlor (Eds.). Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022.
5. Подлубнова Ю. Никогда не рано // ЛИТЕРАТУРА. 2024. № 215. URL: <https://litteratura.org/actual/4549-v-aktualnoe-yuliya-podlubnova-nikogda-ne-rano.html>
6. Разухина К. Э. Особенности не-остранения в романе О. Васякиной «Степь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 13–21.
7. Ковалев О. А. Поздний автофикшн Г. Д. Гребенщикова: нарративные стратегии в повести «Егоркина жизнь» // Филология и человек. 2022. № 3. С. 142–150.
8. Ван Цзяо. Стратегии автобиографической наррации в современной русской прозе: Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021.
9. Левченко И. А. Автобиографический дискурс художника: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022.
10. Амирян Т. Н. Поэтика жанра экзотификции: между фактом и вымыслом // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 3 (47). С. 153–165.
11. Gibbons A. A cognitive model of reading autofiction // English Studies. 2022. № 103 (1). С. 1–23.

REFERENCES

1. Levina-Parker, M. (2010) Introduction to self-composition: autofiction. *New literary review*, 3. <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/vvedenie-v-samosochinenie-autofiction.html> (In Russ.)
2. Ermolin, E. A. (2022). Autofiction as a media stratagem. *Verhnevolzhski philological vestnik*, 2(29), 71–79. (In Russ.)
3. Belogortsev, A. D. (2023). Autofiction, or pseudo-autobiography: features of the genre in modern Russian literature. *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Literary studies. Linguistics. Cultural studies*, 3, 23–33. (In Russ.)
4. Effe, A., Lawlor, H. (Eds.). (2022). *The autofictional. Approaches, affordances, forms*. Switzerland: Palgrave Macmillan. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-78440-9>.
5. Podlubnova, Ju. (2024). Never early. *LITERRATURA*, 215. <https://litteratura.org/actual/4549-v-aktualnoe-yuliya-podlubnova-nikogda-ne-rano.html>. (In Russ.)
6. Razukhina, K. E. (2023). Features of non-defamiliarization in O. Vasyakina's novel "The Steppe". *Vestnik of Ivanovo State University. Humanities*, 2, 13–21. (In Russ.)
7. Kovalev, O. A. (2022). Late auto-fiction by G. D. Grebenshchikov: narrative strategies in the story "Egorka's life". *Philology and a person*, 3, 142–150. (In Russ.)
8. Van Tszhao. (2021) *Strategii avtobiograficheskoi narratsii v sovremennoi russkoi proze: R. Kireev, A. Chudakov, R. Senchin = Strategies of autobiographical narration in modern Russian prose: R. Kireev, A. Chudakov, R. Senchin: PhD in Philology*. St. Petersburg. (In Russ.)

9. Levchenko, I. A. (2022) Avtobiograficheskii diskurs khudozhnika: lingvokognitivnyi i pragmasemanticheskii aspekty = Autobiographical discourse of the artist: linguocognitive and pragmasemantic aspects: PhD in Philology. Majkop. (In Russ.)
10. Amiryana, T. N. (2021). Poetics of the exofiction genre: between fact and fiction. Man: Image and essence. Humanitarian aspects, 3(47), 153–165. (In Russ.)
11. Gibbons, A. (2022). A cognitive model of reading autofiction. English studies, 103(1), 1–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белогорцев Андрей Денисович

аспирант

Белгородского государственного национального исследовательского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belogortsev Andrey Denisovich

Post-graduate Student

Belgorod State National Research University”

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Пространство памяти и забывания в творчестве А. Барбюса

А. В. Царева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.v.tsareva@linguanet.ru

Аннотация. В статье анализируется раннее творчество французского автора начала XX века А. Барбюса, роль категории памяти в формировании его поэтики. Анализ осуществляется с использованием биографического, сравнительно-типологического, культурно-исторического методов. Проводится анализ системы образов избранных романов исследуемого автора; с опорой на ее дихотомический характер формулируется связь полюсов «индивидуальное – коллективное» с категориями индивидуальной и коллективной памяти.

Ключевые слова: память, забывание, пространство памяти, коллективное, индивидуальное, Анри Барбюс

Для цитирования: Царева А. В. Пространство памяти и забывания в творчестве А. Барбюса // Вестник Московского гуманитарного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 149–156.

Original article

The Space of Memory and Oblivion in the Creative Work of A. Barbusse

Anastasia V. Tsareva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.v.tsareva@linguanet.ru

Abstract. The article analyzes the early work of A. Barbusse, French author of the early twentieth century, and the role of the category of memory in the formation of his poetics. The analysis is carried out using biographical, comparative-typological, cultural-historical methods. The system of images of selected novels is analyzed; based on its dichotomous nature, the connection of the poles “individual – collective” with the categories of individual and collective memory is formulated.

Keywords: memory, oblivion, memory space, collective, individual, Henri Barbusse

For citation: Tsareva, A. V. (2024). The space of memory and oblivion in the creative work of A. Barbusse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 149–156. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование опирается на анализ раннего творчества французского автора начала XX века Анри Барбюса (1873–1935) – рассматриваются романы «Ад» (*L'enfer*, 1908) и «Огонь» (*Le Feu*, 1916). Сопоставление данных романов обосновывается близостью их проблематики, а также хронологической близостью создания текстов. В обоих романах автор обращается к категориям «память – беспмятство», «индивидуальное – коллективное» и к специфике их пространственной атрибуции.

В статье с опорой на теоретические работы, анализирующие категорию памяти в историческом, социальном, философском контекстах, рассматривается художественное осмысление проблемы памяти и беспмятства, исследуется связь беспмятства и смерти, памяти и категории индивидуального, беспмятства и категории коллективного, обезличенность коллективного образа. Ставится вопрос о формировании пространства памяти как ключевого элемента поэтики исследуемого автора, а также о проблеме выхода в это пространство как попытке решить проблему ужаса индивидуальной смертности, проблему столкновения личности с апокалиптическим событием, характер которого в исследуемых текстах различается.

Исследование опирается на ряд понятий, которые требуют развернутого теоретического комментария – в частности, на понятия «память», «место памяти», «индивидуальная память», «коллективная память».

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА

В зарубежном литературоведении концепция памяти связана прежде всего с именами П. Нора, Р. Козеллека, М. Хальбвакса, Я. Ассмана.

Пьер Нора (1931 г. р.) – современный французский историк и исследователь исторической памяти; автор многолетнего комплексного исследовательского проекта, разрабатывающего концепцию «мест памяти». Ключевые понятия, на которые опирается при разработке данной концепции П. Нора – «история», «память», «нация» и «общество». П. Нора определяет «память» как по большей части индивидуальную, хаотичную, неподконтрольную человеческую способность, родственную по своему дидактическому характеру пространству мифологическому и легендарному: «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. <...> Память порождается той социальной группой, которую она сплавивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же

памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. <...> Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора, 1999, с. 20].

Одним из первых к феномену исторической коллективной памяти, к проблеме взаимоотношения истории и памяти, подчеркивая безусловную ценность последней, обращается французский философ и социолог Морис Хальбвакс (1877–1945): «...Носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени. Собрать в единую картину всю совокупность прошлых событий можно, только изымая их из памяти групп, хранивших воспоминания о них, перерезая те нити, которыми они связаны с психологией тех социальных сред, в которых они произошли, оставляя от них одну только хронологическую и пространственную схему» [Хальбвакс, 2005, с. 25].

Хальбвакс утверждает наличие двух типов памяти – внешней и внутренней, или же личной и социальной, автобиографической и исторической [там же]. Наше исследование опирается на концепцию разделения памяти на внешнюю и внутреннюю – коллективную и индивидуальную соответственно.

Согласно М. Хальбваксу, при упоминании коллективной памяти необходимо уточнять, о принадлежности к какой группе идет речь – семейной, национальной, социальной и т. д. Одно и то же историческое событие, осмысливаемое людьми, существующими в разных смысловых парадигмах (к примеру, социальной и национальной), может восприниматься принципиально отличным образом. Коллективная память опирается на живущую в группе и формирующую ее традицию. Отдельно стоит отметить, что исследователи нередко ставят знак равенства между понятиями «память» и «традиция» [там же, с. 22] и в некоторых случаях вводят в терминологический аппарат отдельное комплексное понятие «традиция-память» [Романовская, 2013, с. 3].

Коллективная память недоступна отдельному человеку в тех же подробностях, в которых ему доступна память индивидуальная. Индивидуальная память при этом вплетается в память коллективную, поскольку «история нашей жизни является частью истории» [Хальбвакс, 2005, с. 10]. Коллективная память при этом так же не существует в вакууме, а всегда воспринимается субъективно членами группы, которой она принадлежит, проходит через призму восприятия памяти индивидуальной.

Хальбвакс также настаивает на существовании коллективных времени, пространства и истории, внешних для индивидуальных личностей и составляющих пространство для их взаимодействия – вне этого пространства взаимодействие

индивидуальных сознаний невозможно, поскольку в целом, как утверждает Хальбвакс, общение индивидуальностей невозможно, при взаимодействии с другими членами социума человек всегда покидает пространство внутреннего индивидуального и переходит в пространство внешнего. Отчасти по этой причине слияние коллективной и индивидуальной памяти невозможно [там же].

Обращаясь к исследованиям М. Хальбвакса, П. Нора подчеркивает изменившийся характер взаимоотношений между категориями памяти и истории, обуславливая его изменением категорий социальных и объясняя это сменяющимся фокусом внимания в социуме – с исторического самосознания на собственно социальное. П. Нора определяет это как «торжество социальных идентичностей» [Нора, 2005, с. 5], пришедшее на смену идентичности национальной.

Согласно П. Нора, развернувшийся в настоящее время исторический кризис обуславливается смещением фокуса на социальные группы, которые теперь требуют своего признания и конкурируют с профессиональными историками в вопросах интерпретации прошлого. П. Нора считает это следствием утери единства смысла, приводящей, в конечном счете, к узакониванию «множественных возможных версий прошлого» [там же, с. 208], частично оспаривая, таким образом, право индивидуальных источников на вхождение в исторический дискурс и отказывая им в праве называться «местами памяти».

Определение самого понятия «мест памяти» по Нора весьма пространное: «Места памяти, – это останки» [Нора, 1999, с. 26]. П. Нора не связывает определение «мест памяти» исключительно с материальными объектами и соотносит его, скорее, как и саму категорию памяти, со сферой интеллектуальной – и отчасти даже помещает его в мифологическое пространство, оправдывая его появление потребностью в ритуалах современного человека, живущего в пространстве десакрализованном и деритуализованном. «Местом памяти», таким образом, является всякая сущность, наделенная «символической аурой» [там же, с. 40]. Само понятие «места» П. Нора определяет в трех смыслах – «материальном, символическом и функциональном», благодаря чему невероятно расширяется диапазон явлений, которые можно причислить к «местам памяти». Однако краеугольным в определении соответствия того или иного явления «месту памяти» по П. Нора является «желание помнить» [там же].

В контексте исследования также можно обратиться к высказыванию немецкого исследователя Яна Ассмана, который в своей работе «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая

идентичность в высоких культурах древности» рассуждает о природе коллективной и индивидуальной памяти и утверждает, что определение «индивидуальной» памяти в некотором роде затруднительно, поскольку культурный контекст и процесс интерактивной коммуникации, социализации, в особенности в сфере семейных и религиозных традиций, не позволяет говорить о сугубо «индивидуальной» памяти даже отдельных людей, так как «всякий индивид осознает себя членом определенной группы и “вспоминает” в контексте ее памяти – память группы актуализируется в индивидуальной памяти ее членов» [Мокроусова, 2012, с. 60].

В рамках данного исследования мы будем опираться прежде всего на категории индивидуальной и коллективной памяти, обусловленные образной и хронологической организацией текста, а также на пространственную атрибуцию памяти, художественную реализацию которой мы находим в анализируемых романах. Наиболее важными в контексте исследуемых романов для нас являются тезис П. Нора о пространственном и предметном характере памяти, тезисы М. Хальбвакса о проблеме принадлежности коллективной памяти той или иной группе и о невозможности слияния индивидуальной и коллективной памяти.

ЭЛЕМЕНТЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Исследование представленных романов требует предварительного анализа автобиографического характера творчества А. Барбюса.

В романе «Огонь» автобиографическим является непосредственно опыт военной службы. С этой точки зрения интереснее становится обращение автора к категории памяти – при первом прочтении романа встает вопрос о дневниково-мемуарном характере текста. Обращение к категории памяти обуславливается не только отдельными элементами сюжета, но и избранной автором формой текста: роман имеет подзаголовок «*Journal d'une escouade*» – «*Дневник отряда*» – и соответственно представлен в виде дневниковых записей со свойствами ему характеристиками, в число которых входит крайне обрывочный и зарисовочный характер повествования.

Однако в данном случае речь идет не о публикации собственно дневниковых записей, а об удаленной от события художественной трансформации автобиографического опыта. Это позволяет говорить о дневниковом формате как о художественном приеме. Однако необходимо добавить, что речь идет не только о дневниковом, но и об

элементах мемуарного жанра, поскольку художественно переосмысленные в романе события трансформируются автором не столько под влиянием сиюминутного впечатления (что является ключевым отличительным свойством дневникового жанра), сколько восстанавливаются в памяти автора с учетом всех последующих событий. В некотором смысле сам романский жанр при художественной трансформации автобиографического опыта требует именно синтеза дневниково-мемуарной формы.

Более того, можно предположить, что в данном романе речь идет о деконструкции данной формы по ряду причин:

- Во-первых, традиционно авторы дневниково-мемуарных свидетельств выступают от собственного имени, чего не происходит в данном романе в результате деконструкции индивидуального образа и передачи повествования образу коллективному;
- Во-вторых, с исторической точки зрения ценность дневниково-мемуарных источников заключается в фиксации индивидуального восприятия, которое позволяет сформировать «человеческое» пространство в границах того или иного исторического события – причем пространство как субъективное, так и коллективное. Однако в данном романе автор тщательно дистанцируется от описываемых событий, присутствует в тексте исключительно как безликое воплощение коллективного образа, скрываясь за местоимением «мы», которое никогда не получает лично-биографического развития. Иными словами, мы можем говорить о деконструкции в романе образов «Я» и «Другой» и обратного распределения их характеристик: категория «Я» в романе де-факто отсутствует, ее функцию, т. е. функцию категории, имеющей для человека – а в контексте романа для читателя – наивысшую ценность, выполняет образ «Другого», который последовательно складывается автором из конкретизированных и психологизированных образов членов отряда.

В романе «Ад» речь не идет о наличии собственно автобиографических элементов, однако необходимо подчеркнуть формирование биографического нарратива – как применительно к главному герою романа, так и применительно к вырванным из контекста сценам, зрителем которых он становится. Также необходимо подчеркнуть крайнюю актуальность ценностно-эстетической проблематики романа современной ему эпохи: роман можно определить как декадентский.

В романе «Ад» также частично встает вопрос о дневниково-мемуарном характере повествования. Причиной этому становится неопределенность роли рассказчика: повествование в романе ведется от первого лица безымянным героем, не имеет конкретного адресата, текст построен по принципу открытого монолога. Построение внутренней структуры текста начинается с формирования противопоставленных друг другу по всем параметрам пространства и героя: пространство предельно конкретизированным и, как покажет последующий текст, фиксированным; герой предельно абстрактен – и его абстрактность передается именно через противопоставление конкретизированной комнате пансионата, в которую он заселяется:

Toute une humanité est passée ici comme de la fumée (A. Barbusse, *L'enfer*). – Все человечество прошло через это место, словно дым¹.

Необходимо подчеркнуть эфемерный характер образа «всего человечества», к которому герой приписывает себя в том же фрагменте.

Через абстрактный образ человечества автор переходит к образу главного героя-повествователя:

J'ai trente ans ; <...> J'ai perdu mon père et ma mère il y a dix-huit ou vingt ans. L'événement est si lointain qu'il est insignifiant. Je ne me suis pas marié ; je n'ai pas d'enfants et n'en aurai pas. Il y a des moments où cela me trouble : lorsque je réfléchis qu'avec moi finira une lignée qui dure depuis l'humanité (A. Barbusse, *L'enfer*). – Мне тридцать лет ; <...> Я потерял отца и мать восемнадцать или двадцать лет тому назад. Событие это произошло так давно, что уже незначительно. Я не женат; у меня нет и не будет детей. Иногда это меня беспокоит: когда думаю о том, что со мной закончится линия, которая длится всё человечество.

На наш взгляд, в данном фрагменте Барбюс опирается на остранение языковой формы, добавляя двойное прочтение языковой конструкции, традиционно применяемой во французском языке для выражения возраста говорящего, которую здесь дословно можно перевести как «я имею тридцать лет», что позволяет указать на сопоставление в тексте категорий имени и неимения: герой «имеет» тридцать лет, не имеет родителей (и точного представления о том, когда и как именно он их потерял), не имеет жены и детей. Это также позволяет подчеркнуть становление временной

¹Эд. и далее перевод наш, если не указано другое. – А. Ц.

составляющей и в дальнейшем говорить о роли хронологической структуры в тексте. Более того, данная структура будет строиться так же по принципу противопоставления ее частей – предельно конкретизированное пространство будет сопоставляться с предельно абстрагированным временем, в рамках которого всполохами будет раскрываться обособленное пространство памяти.

Иными словами, интродукция героя в романе происходит, во-первых, через контекст потери; во-вторых, через его индивидуальное беспамятство; в-третьих, через его отношение к семейному роду и смерти этого рода, через коллективное забвение.

Таким образом, в обоих исследуемых романах наблюдается разложение образа героя-повествователя: либо его размытие, как в романе «Ад», либо его практически полное упрощение, как в романе «Огонь». Также в романе «Ад» аналогичным образом происходит деконструкция образов «Я» и «Другой»: деконструкция образа «Я» производится преимущественно посредством подчеркнутого периодического беспамятства героя-повествователя. Также на разложение образа «Я» указывает сам герой-повествователь:

Je m'accordais à moi-même une importance exceptionnelle ; j'en arrivais à penser que j'étais plus qu'un autre ! Mais tout cela s'est peu à peu noyé dans le néant positif des jours (A. Barbusse, *L'enfer*). – Я придавал себе исключительное значение, считал себя лучше других! Но все это со временем утонуло в положительной пустоте дней.

Образ «Другого» так же, как и в случае с романом «Огонь», складывается из галереи образов, но в данном случае существующих в недоступном, сакрализованном в силу своей недоступности пространстве соседней комнаты: временные обитатели этой комнаты могут быть объявлены высшей ценностью – но остаются таковой только до тех пор, пока доступ в эту комнату невозможен. При этом герои, в ней находящиеся, так или иначе наделены памятью, недоступной герою-повествователю, обращение к которой осуществляется через отрывки разговоров или через жесты: юные любовники в разговоре вспоминают о своем детстве, женщина целует письмо и т. д.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ АТРИБУЦИЯ ПАМЯТИ И БЕСПАМЯТСТВА

Принципиальным образом стоит вопрос пространственной атрибуции памяти в исследуемых романах.

В романе «Ад» необходимо выделить сдвоенное пространство комнаты героя-наблюдателя

и комнаты наблюдаемых, соединенное отверстием в разделяющей их стене. Данные пространства находятся в оппозиции друг другу, как пространства статическое и динамическое и как пространства беспамятства и памяти соответственно. В рамках комнаты героя-наблюдателя большую часть времени раскрывается пространство беспамятства как «обычного» состояния героя-повествователя.

Необходимо, однако, подчеркнуть амбивалентный характер его образа, становление и разложение индивидуального «Я» которого происходит через пространство памяти и беспамятства. В некотором смысле в комнате происходит чередование периодов памяти и беспамятства героя-повествователя:

Je me souviens que, du temps où j'étais enfant, j'avais des illuminations de sentiments, des attendrissements mystiques, un amour maladif à m'enfermer en tête à tête avec mon passé (A. Barbusse, *L'enfer*). – Помню, в детстве у меня бывали всполохи чувств, таинственная нежность, болезненная любовь к тому, чтобы оставаться с собственным прошлым наедине.

Автором формируется двойной образ героя – обладающего памятью и лишенного ее. Вышеупомянутое туманное воспоминание о смерти родителей сопоставляется с воспоминанием о детских точечных вспышках осознанности. Стремление к осознанию собственного прошлого обозначается героем как болезненное, а вместе с ним, можно предположить, и стремление к осознанному существованию как таковому, поскольку в данном случае, нам кажется, можно провести параллель между воспоминанием и идентичностью.

Пространство наблюдаемой комнаты, «пустое» само по себе, становится сосудом, во-первых, для воспоминаний других людей, которые те приносят с собой, и во-вторых, для воспоминания о событиях, которые в ней происходят, – юные возлюбленные забудут свой первый поцелуй и первый любовный взгляд, не осознавая его ценности, как всякий его забывает, утверждает рассказчик; но он сам, сторонний наблюдатель, понимает их значимость и сохранит их в собственной памяти:

Je me souviendrai, quand eux ne se souviendront plus (A. Barbusse, *L'enfer*). – Я буду помнить, когда они позабудут.

А. Барбюс уже в открывающей части романа формулирует ряд взаимодействующих пространств: сперва формирует пространство физическое и безличностное, затем намечает отрывочно пространство памяти главного героя, подчеркивая при этом его эфемерность и только частичную

доступность. Подчеркивается удаленность пространства памяти от героя – как через негативные, так и через позитивные образы: через одинаково размытые образ смерти родителей и образ любимой женщины. Внезапная вспышка самоосознания происходит через предметное воспоминание – не о родителях, не о возлюбленной, но о звуке охотничьего рога, который открыл герою доступ в непосредственное пространство памяти:

Dans la rue, un son de cor a éclaté, un air de chasse... <...> Quand j'étais petit, à la campagne où j'ai été élevé, j'entendais cette sonnerie, au loin, sur les chemins des bois et du château. <...> Autrefois... aujourd'hui... ma vie... mon cœur... moi! (A. Barbusse. *L'enfer*). – На улице затрубил рог, звук охоты <...> Когда я был маленьким, в деревне, где я рос, я слышал этот звук вдали, на дорогах к лесу и замку. <...> Тогда... Сейчас... Моя жизнь... Мое сердце... Я!

Существенна предметность данного пространства, которое обрело глубину и физические очертания – деревня, лесные дороги, замок – и, самое главное, дало герою – повествователю возможность прикоснуться к самому себе, к недостижимой осознанной части себя.

В то же время безличной представлена комната наблюдателя:

Cette chambre, on la retrouve à chaque pas. C'est la chambre de tout le monde. On croit qu'elle est fermée, non : elle est ouverte aux quatre vents de l'espace. Elle est perdue au milieu des chambres semblables, comme de la lumière dans le ciel (A. Barbusse. *L'enfer*). – Эта комната есть на каждом шагу. Это комната каждого. Можно подумать, она закрыта, – нет: она открыта всем ветрам. Она потеряна среди тысяч таких же комнат, как свет в небе.

Автором производится деконструкция физического пространства – Барбюс формирует комнату, обратную онейрическому дому Г. Башляра [Башляр, 2001] – онейрический дом Г. Башляра индивидуален и доступен только конкретной личности, имеет конкретные пространственные характеристики, обусловленные личностью проживающего, он уникален – более того, для каждого проживающего в нем один и тот же «внешний» дом будет формировать разные онейрические пространства. Комната А. Барбюса открыта «для всех», не имеет фиксированных пространственных характеристик, множественна.

Роман Барбюса «Огонь» ставит своей задачей формирование коллективного образа и его примата над образом индивидуальным, из чего вытекает их

конфликт. Следствием данного конфликта становится конфликт индивидуальной и коллективной памяти.

Ключевыми для романа «Огонь» становятся связки «индивидуальное – пространство мира – память» и «коллективное – пространство войны – беспамятство». Память является атрибутом индивидуального образа, образ же коллективный и обезличенный памяти не имеет. Практически единственным неизменным средством достижения образа индивидуального, достижения этого образа после слияния его с коллективным является категория памяти. Возможность выхода в пространство памяти не является постоянным атрибутом героев романа, зачастую оно достигается при помощи конкретных предметов – например, через письма людей, находящихся в пространстве мира. Для героев, существующих в парадигме коллективного образа, именно вхождение в пространство памяти является одним из возможных способов выхода из пространства войны и временного выхода из коллективного, переобретения себя:

Солдаты опять расходятся по своим углам; у некоторых в руке легкая, но важная ноша – письмо. <...> От маленького Эдора веет нежной чувствительностью; он скрючился в земляной нише. Он держит в руке карандаш, сосредоточился и, не отрываясь, смотрит на бумагу; он мечтательно глядит, вглядывается, что-то видит, его озаряет другое небо. Взгляд Эдора устремлен туда. Эдор словно разросся в великана и достигает родных мест. <...> Именно в эти часы люди в окопах становятся опять, в лучшем смысле слова, такими, какими были когда-то (А. Барбюс, *Огонь*).

Память становится единственным средством достижения локуса мира: физический выход за пределы пространства войны оторван автором от выхода ментального. Так, в главе XII члены отряда оказываются неподалеку от родной деревни одного из героев по имени Потерло, которая перешла через линию фронта и была уничтожена в ходе боевых действий. Потерло пытается совершить физический переход из пространства войны в пространство мира и оказывается ошарашен его невозможностью. Происходит разрыв пространства внешнего и пространства памяти:

– Вот она. Господи! И подумать, что это она!.. Да я ее знаю так, что с закрытыми глазами увижу ее точно такой же, какой она была; она даже мерещится мне. А теперь и смотреть на нее страшно! <...> Погляди, до чего ее искалечили! <...> Потерло тащится сзади, опустив голову, поглощенный своими мыслями, тщетно стараясь разглядеть родные места (А. Барбюс, *Огонь*).

Данный разрыв оказывается для героя смертельным – в той же главе Потерло погибает во время обстрела, однако фактически его гибель, гибель его личности, происходит вне поля боя, еще на обломках родного дома, после чего ему уже нечего противопоставить коллективному образу пространства войны.

Однако ключевой для анализа категории памяти в романе Барбюса является заключительная сцена романа, в которой солдаты теряют национальную и личностную идентичность в предшествующей рассматриваемому эпизоду апокалиптической сцене потопа, в результате чего в траншеях гибнут солдаты обеих воюющих сторон, а выжившие теряют всякое внешнее отличие – вплоть до цвета формы, в результате чего и теряют национальную идентичность, теряют возможность двигаться, возможность опознать себя и других, обездвиженные и неотличимые друг от друга в окопной грязи. В сцене мы наблюдаем разложение национального коллективного образа и его переход сперва к коллективному образу пространства войны, а затем общечеловеческому – и на последнем утверждается разложение коллективной памяти. Герои фрагмента сначала приходят к осознанию собственного беспамятства, а затем беспамятства как неперемного свойства человеческого существа:

– Сколько ни рассказывай потом, все равно не поверят. Не по злобе, не для того, чтобы поиздеваться над тобой, а так; просто не смогут поверить. <...> Никто не узнает. Знать будем мы одни. / – Нет, мы сами забудем, даже мы сами! / – Конечно, забудем... Мы, брат, уже забываем! / – Конечно, всё забывается! Не только все великие и неисчислимыя беды за всё время, что это продолжается <...>. Забываешь даже «чемоданы», пулеметы, мины, удушливые газы и контратаки. Мы видим всё, как оно есть, только в те минуты, когда это происходит. Но всё это забывается, уходит неизвестно как, неизвестно куда,

и остаются только имена, только названия, как в военной сводке. / ... Люди немного думают, но больше всего забывают. Они ведь машины забвения. Вот что такое люди» (А. Барбюс, Огонь).

Ужас войны, таким образом, обречен на забвение вне зависимости от того, выживут ли прошедшие через «ад земной» солдаты или погибнут. И, следовательно, человек обречен на повторение этого ужаса. Роман, таким образом, оканчивается неразрешимой проблемой экзистенциального и глубоко трагического характера – проблемой неизбывности ужаса войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развернутый анализ исследуемых романов позволяет сделать вывод об определяющей роли категории памяти в целом и деления ее на память коллективную и индивидуальную, в частности, в формировании поэтики А. Барбюса. С исключительной опорой на проблематику памяти происходит и пространственное, и образное деление исследуемых романов. Проблема индивидуальной и коллективной памяти неизбежно связывается автором с проблемой смерти в романах, хоть и схожих по образной структуре, но полностью противоположных друг другу по динамике и по происхождению страха смерти. В романе «Ад» мы наблюдаем первичную разработку проблемы личностной смерти, связывание смерти с беспамятством, раскрытие проблемы смерти прежде всего с точки зрения категории морально-нравственной, а не физической. Анализ более позднего романа «Огонь» демонстрирует, как развивается в творчестве автора проблема памяти и беспамятства, как через категорию беспамятства раскрывается проблема смерти на всех уровнях – и личностная (в результате поглощения личности внешним миром), и физическая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нора П. Франция-Память. СПб.: СПбГУ, 1999.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
3. Романовская Е. В. Традиция как форма социальной памяти: герменевтический и институциональный горизонты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2013.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). С. 202–208.
5. Мокроусова Е. А. Философия «коллективной памяти»: проблема ускользания памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 2 (12). С. 58–59.
6. Башляр Г. Земля и грезы о покое / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2001.

REFERENCES

1. Nora, P. (1999) France-Memory. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)
2. Halbwachs, M. (2005) Collective and Historical Memory. Neprikosnovennyj Zapas, 2–3 (40–41), 8–27. (In Russ.)

3. Romanovskaya, E. V. (2013). Tradition as a form of social memory: Hermeneutic and institutional horizons: abstract of Senior Doctorate in Philology. Saratov State University. (In Russ.)
4. Nora, P. (2005) The Worldwide Celebration of Memory. *Neprikosnovennyj Zapas*, 2–3 (40–41), 202–208. (In Russ.)
5. Mokrousova, E. A. (2012) The Philosophy of “Collective Memory”: The Problem of the Escape of Memory. *Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij*, 2(12), 58–59. (In Russ.)
6. Bachelard, G. (2001). *Earth and Reveries of Repose*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Царева Анастасия Владимировна

преподаватель
кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsareva Anastasia Vladimirovna

Lecturer
at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	31.07.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Самобытность культуры народа в трактовке С. П. Мамонтова: к 100-летию со дня рождения

Е. Ю. Перова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eperova71@list.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору трудов Степана Петровича Мамонтова, 100-летие со дня рождения которого пришлось на 2023 год. Отечественный ученый был одним из первых основателей культурологии как самостоятельной отрасли знания в России в 90-е годы XX века. В трудах С. П. Мамонтова раскрывается самобытность культуры народов и подходы к ее изучению, а также прослеживается значимая для отечественной философской мысли традиция обращения к духовным основам культуры.

Ключевые слова: С. П. Мамонтов, культурология, русская философия, русская культура, духовная культура

Для цитирования: Перова Е. Ю. Самобытность культуры народа в трактовке С. П. Мамонтова: к 100-летию со дня рождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 891. С. 157–162.

Original article

The Originality of the Culture of the People in the Interpretation of S. P. Mamontov: on the 100th Anniversary of His Birth

Ekaterina Yu. Perova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eperova71@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the work of S. Mamontov, whose 100th anniversary falls in 2023. The domestic scientist was one of the first founders of cultural studies as a science in Russia in the 90s of the twentieth century. The works by S. Mamontov propose approaches to the study of the uniqueness of the culture of peoples, and also trace the tradition of turning to the spiritual foundations of culture, which is significant for Russian philosophical thought.

Keywords: S. Mamontov, cultural studies, Russian philosophy, Russian culture, spiritual culture

For citation: Perova, E. Yu. (2024) The originality of the culture of the people in the interpretation of S. P. Mamontov: on the 100th anniversary of his birth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 157–162. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Стратегический вектор развития культурной политики нашей страны в настоящее время во многом связан с осознанием самоидентичности, сохранения традиций, что во многом определяет и дальнейшее развитие культуры, науки и образования.

Волна переосмысления и в определенной степени открытия отечественной культуры приходится на постсоветский период. В это время публиковались труды отечественных ученых, мыслителей, оказавшихся после событий 1917 года за пределами России. В 1990-е годы появляется и самостоятельная наука и дисциплина в образовательном процессе – культурология.

Проблемам самобытности культуры, русской духовной культуре, а также одной из первых концепций преподавания учебного курса «Культурология» в вузе были посвящены труды С. П. Мамонтова, культуролога, переводчика, педагога, чья жизнь была связана с Московским государственным лингвистическим университетом. Здесь он стал основателем кафедры мировой культуры в 1990 году. Поэтому особенно важно обращение к его биографии и трудам в контексте изучения истории русской культуры и в преддверии 95-летия учебного заведения.

Сравнительно недавно стали доступны фотографии С. П. Мамонтова военного и послевоенного времени, в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года №181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии

и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны (1941–1945 годов)».

ТРУДЫ С. П. МАМОНТОВА

Опубликованные научные работы С. П. Мамонтова охватывают несколько направлений. Автором подготовлены и опубликованы переводы с испанского языка, работы по истории испанской литературы, в том числе кандидатская диссертация [Мамонтов, 1972]. Подробнее этапы биографии и творческий путь С. П. Мамонтова описаны в статье его ученика, ныне – заслуженного профессора МГЛУ Игоря Алексеевича Кириллова [Кириллов, 2023].

В данной статье уделяется внимание подходам к осмыслению отечественной культуры и преподавания культурологии как учебной дисциплины в трудах С. П. Мамонтова.

Автор одного из первых в нашей стране учебных пособий по культурологии ставит задачей обзор междисциплинарного пространства (от антропологии до политологии, «дисциплин, объединенных интересом к великому и загадочному феномену Человека») «молодой» тогда науки о культуре; при этом автор отмечал необходимость «воздерживаться от категоричности суждений» [Мамонтов, 1994, с. 3].

Прокладывая путь в преподавании новой в России дисциплины, автор отмечает, что «книга рассчитана преимущественно на русского читателя» в связи с чем основным стало обращение в первую очередь к отечественной культуре» [Мамонтов, 2000, с. 4–5].

Рис. 1. Фотографии С. П. Мамонтова (URL: <https://pamyat-naroda.ru>)

С. П. Мамонтов, начиная разговор об огромном пласте русской культуры, – в том числе о трудах представителей русского зарубежья, на несколько десятилетий отрезанных от соотечественников, – в первых строках предисловия указывает на вектор дальнейшего исследовательского направления: «Культурология как самостоятельная отрасль знания в условиях краха официальных идеологических мифов делает у нас в стране лишь первые шаги» [там же]. После долгих лет исторически вынужденного замалчивания религиозных оснований отечественной культуры С. П. Мамонтов уделяет особое внимание «непреодоляемому вкладу в национальную культуру русских религиозных мыслителей» [там же]. Поэтому можно утверждать, что в определенной степени смысловой акцент в преподавании культурологии поначалу был связан в волной интереса к активно публикуемым и доступным широкому читателю трудов отечественных мыслителей, вынужденно оказавшихся после 1917 года за рубежом. В том числе религиозно-философский ракурс в понимании генезиса и развития культуры, отечественной истории и культуры, творческой деятельности человека. С другой стороны, исследователи и авторы учебных пособий (Э. А. Орлова и др.) раскрывали теоретические подходы к пониманию феномена культуры и человека с научных позиций, которые легли в основу понимания социокультурных процессов на Западе, но во многом не отражали специфики формирования и функционирования отечественного культурно-исторического типа.

Учебное пособие С. П. Мамонтова было написано на основе первого авторского курса лекций по дисциплине «Культурология», которые автор прочитал в лингвистическом университете, а также в Российском открытом университете в 1990–1993 годы.

На фоне обзора предпосылок в европейском научном сообществе к появлению самостоятельной науки о культуре, не в меньшем объеме предложен в данном пособии обзор работ о культуре отечественных мыслителей «до и после 1917 года» [там же, с. 28–45]. «Особенности» отечественной культуры, по мнению автора, были связаны с доминирующими в ней началами: русской классической литературой и православием, а также патриотическим характером философских идей.

Среди отечественных мыслителей XX века, труды которых ранее не были известны широкому читателю, автор чаще цитирует и выделяет труды Н. А. Бердяева, братьев Е. Н. и С. Н. Трубецких, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева, а также Н. Ф. Федорова, В. В. Розанова, Л. Н. Гумилева, С. С. Аверинцева и других. В отдельной главе представлена тема «Культура

и религия», и в ней параграф «Из религиозного опыта России».

В последующие переиздания названного учебного пособия были внесены дополнения, так, например, в издании 1999 года отмечалось, что наука *культурология* за постсоветские годы «стала одной из обязательных дисциплин в российской системе образования, в определенном смысле заменив собой пресловутый “марксизм-ленинизм”» [Мамонтов, 1999, с. 3]. В 1996 году С. П. Мамонтовым в соавторстве с А. С. Мамонтовым была подготовлена «Антология культурологической мысли», а в расширенном издании «Культурология» (2005) появился раздел «Культура и язык», что не в малой степени было связано со спецификой преподавания в лингвистическом университете, где была создана кафедра мировой культуры, первым заведующим которой стал С. П. Мамонтов.

В ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

С. П. Мамонтову удалось собрать на кафедре мировой культуры коллектив выдающихся ученых, русистов, востоковедов, антропологов.

В годы господства советской идеологии сформировалось официальное и, по сути, ложное объяснение принципиально важных вопросов генезиса русской культуры. Начавшиеся с 1980-х годов политические и идеологические изменения открыли новые горизонты думающему и стремящемуся к истине и логике правды ученому. Однако стереотипность мышления и закрепившиеся в ушедшие десятилетия «мифы» не всегда легко преодолеваются. Несмотря на появление обширной литературы, представленной переизданными трудами дореволюционных российских авторов мирового уровня, а также всемирно известными и имеющими весомое значение в отечественной исторической науке XX века именами, приходилось констатировать острую недостаточность учебных пособий, в которых русская культура анализировалась бы адекватно ее смыслу и роли в мировой истории. И до сих пор не изжито господство материалистической идеологии.

На этом фоне выделяется труд С. П. Мамонтова «Духовная культура средневековой Руси» (2000).

Умаление древнерусского периода – общая черта многих учебных пособий по русской истории и культуре: восемь веков древнерусской культуры (X–XVII века) нередко представляются в том же или меньшем объеме, что и интерпретация двух последующих столетий (XVIII–XIX века). Такая неравномерность объемов и, как следствие, несоответствие глубины постижения эпох становится

слишком неадекватной и субъективной. В этом просматривается и позиция авторов, и невниманье к исторической основе, средневековому периоду русской культуры, когда формировались многие ее самобытные черты. Однако известна беззаветная любовь к Древней Руси целой когорты авторитетных ученых. Так, например, исследования академика А. М. Панченко собраны в книге под названием «Я эмигрировал в Древнюю Русь» [Панченко, 2005].

Рассматривая духовную культуру народа как ключ к его самобытности, С. П. Мамонтов останавливается на уточнении понятий, которые снова вводились в научный оборот: «дух», «духовность» и др.; обращает внимание на то, что культура есть живой организм, в контексте развития которого национальное самосознание имеет антинормии. А также иллюстрирует на различных исторических этапах внутреннюю противоречивость русской культуры. «Наличие генетического кода (национальных души, ментальности, психического склада), определяющего самобытность и саму жизнь той или иной цивилизации... отнюдь не снимает вопроса о влиянии на нее соседних – далеких и близких – цивилизационных образований» [Мамонтов, 2000, с. 5]. Русь, Россия, занимая срединное положение между Востоком и Западом, всегда вынуждена была считаться с внешними обстоятельствами. Этот фактор в числе других сформировал у русских чуткость ко всему вовне и бесстрашие в освоении нового (от территорий до технологий). Русская культура, русский характер, русская среда – неизбежно меняются, сохраняя при этом черты, которые и определяют самобытность народа. Понятие «культурная среда» подробно исследовано в серии статей академика и ранее профессора кафедры мировой культуры МГЛУ Г. А. Аванесовой [Аванесова, 2020].

Г. А. Аванесова раскрывает «Постижение России» в серии публикаций в соавторстве с А. В. Мироновым. Авторы охватывают период активных изменений в отечественной культуре: от периода Нового времени до настоящего времени. При этом авторы отмечают в первую очередь значимость консервативной мысли, рассматривая развитие отечественной культуры в контексте взаимодействия России с западной цивилизацией и в контексте «внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время» [Аванесова, Миронов, 2022]. Авторы отмечают, что в период революционных изменений и ломки традиционного уклада логика представителей аналитики 1920-х годов вытекала из отечественной консервативной теории: «со временем большевики не смогут опираться на

марксизм, они будут вынуждены считаться с глубинным своеобразием сознания русской среды, с установками познания / понимания российских этносов» [там же, с. 16]. В кризисные периоды в отечественной культуре возникает поворот к традиционной парадигме. Так, например, в период Великой Отечественной войны на фоне соответствующей информационно-пропагандистской политики возникали вопросы: «что ценного, в каких формах и объемах следовало бы использовать из культурного наследия народов СССР, а также... из духовных оснований российской цивилизации?» [там же, с. 19]. Неслучайно специфика пропаганды искусства в этот период тяготела к отечественному искусству: народным песням, в СМИ практиковалось чтение русской классики, проявился «живой интерес к аутентичному фольклору: древним былинам, военно-историческим преданиям, юмору скоморохов. Через этнический фольклор аудитория приобщалась к «таинству воссоединения» с разными поколениями предков» [там же, с. 21]. Одну из публикаций в данной серии авторы заканчивают словами о том, что анализ трудов философов первой половины XX века дает уверенность, что Россия «как сложное сообщество и плодоносная культура способна преодолеть сверхчеловеческие испытания, преобразовав их в обновленное понимание себя и мира» [там же, с. 30].

Рассматривая причинно-следственные связи исторических событий в отечественной культуре, С. П. Мамонтов предлагает для обсуждения спорные вопросы, например, было ли татаро-монгольское нашествие погубило Русь? Спустя время на них отзывается профессор кафедры мировой культуры В. М. Соловьев: «Признавая нашествие Батыя культурной катастрофой для Руси, будет неверным и односторонним не замечать того, что в линии развития культуры Русских земель, когда они попали в более чем двухвековую зависимость от монголов, был не только деструктив. И дело не в полезных заимствованиях из Китая или Средней Азии... а в более крупных культурообразующих явлениях» [Соловьев, 2019, с. 457–458]. Профессору кафедры мировой культуры В. М. Соловьеву как выдающемуся специалисту в области изучения отечественной культуры принадлежат десятки фундаментальных публикаций. Не одно десятилетие В. М. Соловьев преподавал соответствующую дисциплину на разных факультетах МГЛУ.

На кафедре мировой культуры с момента ее основания С. П. Мамонтовым преподавал профессор В. В. Воробьев, один из основоположников в России научного направления «лингвокультурология», в рамках которого рассматриваются система и функционирование языка, культурно-языковые

контакты народов, лингвокультурологическое поле «русская национальная личность»; центральная триада лингвокультурологии: язык – нация (национальная личность) – культура. В значительной степени В. В. Воробьев опирался на самобытный пласт русского фольклора, языковых единиц, связанных с отечественной традицией [Воробьев, 1997].

Важным компонентом, который, по мнению С. П. Мамонтова, выявляет самобытность русской культуры, является понятие «святости»; автор отвечает многочисленными примерами из разных эпох на вопрос: что такое «Святая Русь» [Мамонтов, 2000, с. 88–100, 122–128]. Такой подход к исследованию культуры не был нов, понятие использовал в своих работах, например, П. А. Сорокин. Однако для научного дискурса XXI века возвращение к ориентирам и пониманию святости в среде русского народа и использование этого термина имели принципиальное значение для формирования адекватного представления о культурной самобытности, а также подчеркивали преемственность отечественной философской парадигмы.

Говоря о преемственности традиции на кафедре мировой культуры, будет уместным привести фрагменты сочинений студентов, в которых проявляются и их мировоззренческие позиции¹.

Русская культура постепенно отходит от былой религиозности, но тема святости и по сей день остается актуальной для русского народа. В современном обществе интерес к святости может быть связан с поиском духовности и ценностей в одновременно секуляризованном и технологически развитом мире. Изучение феномена святости может помочь разобраться в актуальных вопросах жизни и смерти, нравственности и смысла и предложить пути для самоидентификации и нахождения моральной поддержки.

...святость положительно влияет на общество и его культуру. Святые известны своими благотворительными делами, помощью нуждающимся, героическими поступками на пользу общества и Отечества, а также просветительством. Их жизнь и поступки вводят новые ценности и формируют новые традиции, которые могут продолжаться вплоть до современности. Они могут быть источником важных идей и вдохновения для развития науки, искусства, морали и этики...

¹Цитаты взяты из сочинений обучающихся 2-го курса по направлению подготовки Культурология, МГЛУ.

...феномен святости играет важную роль в культуре. Он акцентирует наши духовные стремления и является источником вдохновения и мотивации. Однако необходимо отличать настоящую святость от фальшивой, чтобы избежать манипуляции и преследования сомнительных целей. Для этого важно развивать собственный нравственный компас и критическое мышление, чтобы находить истину и подлинную святость среди многообразия культурных проявлений.

...образ святого в русской традиции предполагает не только мировоззренческую позицию, но и жизнь в соответствии с этой позицией....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая историю русской культуры и философской мысли, С. П. Мамонтов оказался в русле исканий наших соотечественников, представителей русского зарубежья первой половины XX века, труды которых раскрывал в «Основах культурологии». Наряду с изучением особенностей христианской культуры европейского мира ученый погружался в истоки отечественной культуры, ее духовных оснований (монография «Духовная культура средневековой Руси»).

С. П. Мамонтов был последователем взглядов и идей представителей славянофильского лагеря. Он стал звеном в цепочке преемственности: через «золотой» век русской литературы, затем мыслителей второй половины XIX века и первой половины XX века – в XXI век. На этой базе созданы труды ученого, в том числе одно из первых в России учебных пособий по культурологии, как и направление исследований на созданной под его руководством кафедре мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете. В дальнейшем сотрудники кафедры – Г. А. Аванесова, В. В. Воробьев, В. М. Соловьев и др. – продолжали развивать этот научно-педагогический вектор.

Понимание необходимости изучения духовных основ отечественной культуры, которые определяют идентичность, устойчивость традиции и потенциал дальнейшего развития, остается актуальным и в настоящее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мамонтов С. П. Испаноязычная литература стран Латинской Америки в XX в. М.: Высшая школа, 1972.
2. Кириллов И. А. Корифей российской культурологии: 100-летний юбилей С. П. Мамонтова // Hi-Hume Journal. 2023. № 3 (3). С. 114–123.

3. Мамонтов С. П. Основы культурологии. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994.
4. Мамонтов С. П. Духовная культура средневековой Руси: Исторический очерк. М.: Изд-во УРАО, 2000.
5. Мамонтов С. П. Основы культурологии: учебное пособие для высших учебных заведений. 3-е изд., доп. М.: Олимп : ИНФРА-М, 1999.
6. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб.: Звезда, 2005.
7. Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 46–70.
8. Аванесова Г. А., Миронов А. В. Постигание России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.) // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 7–30.
9. Соловьев В. М. Культурология: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Берлин: Директ-Медиа, 2019.
10. Воробьев В. В. Лингвокультурология : (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.

REFERENCES

1. Mamontov, S. P. (1972). Ispanoyazychnaya literatura stran Latinskoj Ameriki v XX v. = Spanish-language literature of Latin America in the twentieth century. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
2. Kirillov, I. A. (2023). The luminary of russian cultural studies: the 100th anniversary of Stepan P. Mamontov. Hi-Hume Journal, 3(3), 114–123. (In Russ.)
3. Mamontov, S. P. (1994). Osnovy kul'turologii = Fundamentals of Cultural Studies. Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo otkrytogo universiteta. (In Russ.)
4. Mamontov, S. P. (2000). Duhovnaya kul'tura srednevekovoj Rusi: Istoricheskij ocherk = Spiritual culture of medieval Russia: Historical sketch. Moscow: Izd-vo URAO. (In Russ.)
5. Mamontov, S. P. (1999). Osnovy kul'turologii = Fundamentals of Cultural Studies. Textbook for higher educational institutions. 3rd ed., supplement. Moscow: 'Olympus', 'INFRA-M'. (In Russ.)
6. Panchenko, A. M. (2005). Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura. Raboty raznyh let. = I emigrated to ancient Russia. Russia: history and culture. Works of different years. St Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda». (In Russ.)
7. Avanesova, G. A. (2020). Cultural and environmental diversity of Russia and civilizational unity of the communities of the Northern Eurasia. Social and humanitarian knowledge. 6, 46–70. (In Russ.)
8. Avanesova, G. A., Mironov, A. V. (2022). Comprehension of Russia: breakthroughs and dead ends in the development of Russian humanitarian thought (XVIII–early XXI centuries). Social and humanitarian knowledge. 1, 7–30. (In Russ.)
9. Solov'ev V. M. (2019). Kul'turologiya : uchebnik dlya vuzov. = Cultural studies: textbook for universities. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Berlin, Direkt-Media. (In Russ.)
10. Vorob'ev, V. V. (1997). Lingvokul'turologiya: (Teoriya i metody) = Linguoculturology: (Theory and methods). Moscow: RUDN University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перова Екатерина Юрьевна

кандидат культурологии, доцент
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perova Ekaterina Yurievna

PhD (Culturology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of World Culture
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.07.2024
29.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Феномен садового искусства Франции сквозь призму лингвокультурологии

А. А. Яцкевич

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
yatskevichna@mail.ru*

Аннотация. На протяжении долгого времени в национальном сознании французов накапливался опыт, а в повседневной жизни создавалась живая традиция возделывания сада, которая обогащалась со сменой эпох и эстетических течений. Цель статьи – исследовать в диахронии феномен садового искусства Франции через взаимосвязь и соотношение языка и культуры и раскрыть лингвокультурологические смыслы и подтексты, в которых проявляется специфика французской национальной языковой картины мира, а также национальные черты характера французов.

Ключевые слова: лингвокультурология, садовое искусство Франции, языковая картина мира, национальное мировоззрение, язык

Для цитирования: Яцкевич А. А. Феномен садового искусства Франции сквозь призму лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10(891). С. 163–170.

Original article

The Phenomenon of French Garden Art through the Prism of Linguoculturology

Anastasia A. Yatskevich

*Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia, Moscow
yatskevichna@mail.ru*

Abstract. The article proposes to explore in diachrony the phenomenon of garden art in France through the correlation of its language and culture. For a long time, experience accumulated in the national consciousness of the French, and in everyday life a living tradition of garden cultivation was created, which was enriched with the change of eras and aesthetic trends. Studying the theme of garden art in France, the author searches for and finds hidden linguocultural meanings and subtexts in which the specificity of the French national linguistic picture of the world is manifested and which help to determine the national character traits of the French.

Keywords: linguoculturology, garden art of France, linguistic picture of the world, national worldview, language

For citation: Yatskevich, A. A. (2024). The phenomenon of French garden art through the prism of linguoculturology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(891), 163–170. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Традиция возделывания сада, формируясь на протяжении веков, стала уникальным социокультурным феноменом и повседневной практикой типичных французов. На ее примере можно наблюдать, как высокое искусство соединилось с утилитарным. Лингвокультурологический ракурс исследования вместе с диахроническим анализом позволили проследить, как эти процессы нашли отражение в языке.

В статье были поставлены следующие задачи:

- исследовать в диахронии традицию возделывания сада во Франции, выделив и описав периоды развития садового искусства (сад Средневековья, сад эпохи Возрождения, «французский сад» эпохи Людовика XIV, сад в XVIII, XIX и XX веках);
- через призму лингвокультурологии выявить глубинные смыслы, скрывающиеся за некоторыми лексемами и понятиями, отражающие национальные специфику, идентичность и менталитет французского народа.

Методологическую базу исследования составил целый ряд научных методов, в том числе диахронического исследования, контекстуально-интерпретационного анализа, теоретического обобщения и работы с оригинальным языковым материалом на французском языке. Автор впервые приводит и цитирует в авторском переводе с французского языка неизвестные российским читателям первоисточники по теме садово-паркового искусства.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

За словами, словосочетаниями, выражениями и даже за целыми текстами могут скрываться глубинные смыслы, которые понятны носителям языка и которые остаются недоступными для носителей иных языков. Эти смыслы открываются через исследование языка и культуры той или иной страны как совокупности единиц – лингвокультурем. Понятие лингвокультуремы разносторонне исследует в своих научных работах один из основоположников лингвокультурологического направления в языкознании В. В. Воробьев. Он отмечает важность и необходимость «синтезировать знания о культуре, выражаемые с помощью языка, видеть их глубинный смысл» [Воробьев, 2008, с. 7]. Такое целостное исследование позволяет понять этнолингвистическое значение слов, пролить свет на ранее недоступные смыслы и, как следствие, найти ключи к пониманию национальной языковой картины мира изучаемой страны.

Тема садового искусства Франции представляется нам чрезвычайно интересной и богатой с точки зрения поиска и нахождения скрытых лингвокультурологических смыслов и подтекстов, которые формировались на протяжении веков и обогащались со сменой эпох и эстетических течений.

Для начала рассмотрим и проанализируем слово *сад* (фр. *jardin*), обратившись к определениям, которые даны в словарях французского языка Ларусс (Larousse)¹, Ле Робер (Le Robert)², Универсальном словаре Фюретьера XVII века (*Dictionnaire Universel de Furetière*, 1690)³, а также сравним его с толкованиями слов *сад* и *парк*, которые приводят в словаре русского языка В. И. Даля⁴.

В словаре Ларусс слово *сад* обозначает:

1. «участок земли, часто огороженный, где выращивают овощи, цветы, деревья и кустарники, плодовые и декоративные, или комбинации вышеперечисленных растений»⁵;
2. «обустроенное пространство для прогулок и отдыха, организованное с учетом эстетической составляющей и состоящее из газонов, клумб, групп деревьев, водоемов».

В словаре Ле Робер *сад* – это «участок земли, обычно огороженный, где выращивают полезные растительные культуры, а также декоративные растения для прогулок».

Из Универсального словаря Фюретьера XVII века следует, что *сад* – это «земля, которую возделывают за домом, чтобы выйти на воздух, прогуляться, которая также служит украшением дома. Сады состоят из цветочных клумб, огорода, фруктового сада, различных деревьев по своей высоте и масштабу».

В словаре русского языка В. И. Даля мы найдем следующие определения слов *сад* (фр. *jardin*) и *парк* (фр. *parc*). «Садъ» – это «участок земли, засаженный стараньем человека деревьями, кустами, цветами, с убитыми дорожками и разного рода и вида затеями, украшениями. Сад бывает плодовый или потешный, для прогулок; огород же – овощник, – для разводки полезных, более съедобных растений». «Парк» – «чистая роща, с дорожками, под уходом, для гулянья, а иногда для содержания дичи; обычно огораживается».

Краткий контрастивный анализ приведенных выше определений позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на незначительные акценты, которые присутствуют в определениях французских

¹Словарь французского языка Larousse. URL: www.larousse.fr

²Словарь французского языка Le Robert. URL: www.dictionnaire.lerobert.com

³Универсальный словарь Фюретьера / *Dictionnaire Universel de Furetière*, 1690. URL: www.lerobert.com/faq-dictionnaire-gratuit.html#furetier

⁴Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994.

⁵Зд. и далее перевод наш. – А. Я.

и русского словарей, словарные дефиниции имеют схожую семантику. Слово *сад* обозначает участок земли, обустроенный человеком с помощью разного вида растений для прогулок или для выращивания полезных видов культур.

Отсутствие существенных семантических различий в приведенных выше определениях дает основание говорить о том, что слова как знака оказывается недостаточно, чтобы выявить глубинные, скрытые за ним смыслы и понятия, отражающие национальные специфику, идентичность и менталитет. Можно с уверенностью сказать, что языковые знаки и выражения требуют внеязыкового способа их раскрытия.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ САД

В отношении темы садового искусства Франции стоит начать поиск исторических и лингвокультурологических номинаций с эпохи Средневековья. Суть средневекового сада концентрируется вокруг двух основных метафор. Первая – это закрытый сад, традиция которого хранилась и развивалась в монастырях. Вторая – это райский сад удовольствий и куртуазной любви, воспетый в литературе и живописи Средневековья. Монахи аббатств, находящихся на территории Франции, писали трактаты, посвященные садоводству, а французские поэты в своих сочинениях воспевали куртуазный сад любви. Одним из примеров подобных литературных поисков является французская аллегорическая поэма XIII века «Роман о Розе» («Le Roman de la Rose», 1220), написанная Гилюмом де Лоррисом (Guillaume de Lorris) и ставшая одним из самых значимых сочинений средневековой литературы.

Гилюм де Лоррис так описывает сад:

Место было особенно красивым, поскольку было живописно украшено разноцветными цветами, испускавшими сладкий аромат. Я не стану обременять вас долгими речами о наслаждениях, которое дарит это чудесное место; я лучше замолчу, поскольку я всё равно не сумею описать красоту этого сада и его удивительный шарм¹ (*Г. де Лоррис, Роман о Розе*).

Тема наслаждения садом, его эстетической составляющей и эмоциональной связи, которая рождается у человека при одном его виде, находит свое отражение в литературе и поэзии Средневековья. Посредством слова и словесных образов поэты выражают, исследуют и ищут эту связь. Постепенно формируется понимание «сада» прежде всего, как места проявления эстетической

¹Guillaume de Lorris. Le Roman de la Rose [The Romance of the Rose], 1220. URL: www.archive.org/details/romandelarose02guilluoft

гармонии, наслаждения ею. Возникает система ассоциаций, которые вырисовывают в сознании французов определенную культурную ценность и, более того, если идти глубже, закладывают определенную черту характера нации – любовь к прекрасному, наслаждение эстетической стороной жизни, ее поиск и привнесение в повседневность.

В средневековой литературе происходит постепенное аллегорическое соединение двух лингвистических единиц *сад* (*фр. jardin*) и «искусство» (*фр. art*) в устойчивое языковое выражение и далее в лингвокультурологическое единение – *art des jardins*, которое на русский язык можно перевести как *искусство создания сада* или *садовое искусство*.

САД ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Переходя к эпохе Возрождения, можно утверждать, что понятия «сад» и «искусство» взаимосвязываются еще более тесно, проникают друг в друга еще глубже, приобретают более весомую социокультурную и художественную значимость. Сама эпоха Возрождения знаменовала собой подъем художественной и творческой мысли и дала мощный толчок развитию искусства. Франция в эпоху Возрождения оказывается под влиянием Италии, которая занимала главенствующие позиции в формировании эстетики эпохи Ренессанса. Тем не менее мы не можем не упомянуть этот период истории, продолжая тему садового искусства Франции, поскольку именно в это время во Франции, в Париже, создаются такие известные сады, как сад Тюильри и Люксембургский сад, а также на берегах Луары строятся многие знаменитые замки, неотъемлемой частью которых, безусловно, являются сады. Тенденции садового искусства, которые формируются в Италии в XV – начале XVI веков, отражают эстетику вилл богатых вельмож, пап и кардиналов с их великолепными садами, вдохновленными, в свою очередь, лучшими образцами садов Древней Греции и Рима. Эти тенденции и эстетика проникают и во Францию. В этом смысле значительную роль сыграла семья Медичи. Екатерина Медичи, жена короля Франции Генриха II, создает сад Тюильри. А Мария Медичи, жена короля Франции Генриха IV, тоскуя по Флоренции, возводит Люксембургский дворец и сад с одноименным названием.

Интересен тот факт, что, несмотря на расцвет Италии в эпоху Возрождения и всплеск развития именно в этой стране всех видов искусств, устойчивого понятия и выражения «итальянский сад» не возникает. Что касается устойчивого понятия «французский сад» (*фр. jardin à la française* или *jardin français*), чрезвычайно богатого с точки

зрения лингвокультурологических смыслов, оно сформируется во Франции веком позже.

«ФРАНЦУЗСКИЙ САД» ЭПОХИ ЛЮДОВИКА XIV

XVII век стал для Франции «золотым веком», веком доминирования во всех сферах жизни и культуры. Именно Франция в этот период истории диктовала свои законы, насаждала свои вкусы, нравы и обычаи, а также свой стиль в искусстве и литературе. Это же относится и к французскому языку, на котором стала говорить вся Европа.

Что касается сада, Франция в эпоху короля Людовика XIV и его придворного садовника, знаменитого Андре Ленотра (André Lenôtre), произвела настоящую революцию в концепции его построения. Сад стал олицетворением безграничной власти монарха. Он стал триумфом строгости, симметрии, формализма и элегантности. Основными декоративными элементами «французского сада» были фигурно выстриженные кроны деревьев и кустарников (*фр. bosquet*), а также орнаменты из растительности, представляющие собой так называемые *партеры* (*фр. parterre*), композиции из зелени и цветов нижнего яруса. Прогулка по «французскому саду» была похожа на театрализованную постановку, когда взгляду «зрителя» открывались галереи, залы, «комнаты», павильоны, искусно созданные из массива деревьев. Прогулка располагала к созерцанию и восхищению увиденным. Садовники, чьей задачей было привести «зрителя» в восторг, создавали особые галереи и лабиринты с сюрпризами.

За очень непродолжительный период времени во Франции создается новое направление стиля садового искусства, а во французском языке формируется устойчивое выражение и понятие «сад по-французски» или «французский сад» (*фр. jardin à la française* или *jardin français*), которое перерастает свое лингвистическое значение и становится сложной и многогранной лингвокультуремой. Она отражает дух целой эпохи и раскрывает новые смыслы и подтексты такой черты национального характера французов, как влечение к эстетическому наслаждению. Эта черта с новой силой проявляется и закрепляется в национальном сознании французов, в дальнейшем оставаясь неизменной вне зависимости от смены эпох, стилей и направлений в искусстве.

САДОВОЕ ИСКУССТВО XVIII ВЕКА

В XVIII веке стиль сада меняется. На смену «французскому» приходит «английский сад» – понятие, которое также стало устойчивым. «Английский

сад» – это пейзажный сад, стиль, который вновь открывает природу, часто обращаясь к пейзажной живописи как к источнику вдохновения. «Английский сад» стал полной противоположностью строгого и симметричного «французского» сада. Тенденции «английского сада» распространяются и во Франции. К такому саду тяготела, к примеру, Жозефина, супруга Наполеона Бонапарта. Она начала строительство садов Мальмезона и Наварры, а кроме этого, собрала коллекцию растений со всего мира, в том числе невероятную коллекцию роз, которые она очень любила.

Стилистика «французского» и «английского» садов противоположны. Известным критиком «французского сада», например, выступал Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau). Он считал, что «французский сад» является отражением тщеславия хозяина и художника, которые его создали. Богатому буржуа, хозяину помпезного сада, он противопоставляет «человека вкуса» (*фр. l'homme de goût*). В своем произведении «Новая Элоиза» («*Julie ou la nouvelle Héloïse*», 1761) он напишет:

Человек вкуса <...> живет, чтобы жить, умеет наслаждаться жизнью наедине с самим собой, ищет настоящих и простых радостей и хочет иметь возможность просто прогуляться вблизи дома. Он построит его [сад] таким удобным и приятным, чтобы наслаждаться им в любое время дня, и одновременно таким простым и естественным, как будто ничего специально он и не делал. Он соединит воду, зелень, тень и свежесть так, как это делает сама природа». В таком саду «можно наслаждаться жизнью наедине с собой, не выставляя ее напоказ» (Ж.-Ж. Руссо. *Новая Элоиза*)¹.

Учитывая тему данной статьи, для нас не имеет особого смысла подробно останавливаться на деталях и стилистических особенностях «французского» и «английского» садов. Стоит лишь отметить, что с лингвокультурологической точки зрения для нас интересен следующий факт: из подобного стилистического противоречия двух концепций рождаются новые лингвокультуремы, синонимичные понятиям «французский» и «английский» сад. К понятию «французский» сад относятся такие новые синонимичные лингвокультуремы, как «симметричный» сад или «регулярный» сад (*jardin régulier*). К понятию «английский» сад – такие синонимичные лингвокультуремы, как «пейзажный» сад (*jardin irrégulier*).

¹Жан-Жак Руссо. Новая Элоиза / Jean-Jacques Rousseau. *Julie ou la nouvelle Héloïse*. – Genève. 1780–1789 [1761]. URL: www.rousseauonline.ch/pdf/rousseauonline-0008.pdf

САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА

Эта тенденция существования разных стилей, их «соседства» и взаимопроникновения, развивается в XIX веке, когда идея стилистического разнообразия и эклектики становится главенствующей в современном мире искусства, в том числе садового. Уже в нашем веке современный публицист Хосе Альварес (José Alvarez) напишет: «Сад на английский или на французский манер – неважно; у каждого парижанина своя концепция сада» [Alvarez, 1996, с. 138].

Продолжая рассуждать о феномене садового искусства Франции и следуя историческому контексту, логикой которого руководствуется данная статья, можно утверждать, что XIX век стал веком преобразований и придал импульс развитию садоводства, очертив его новый вектор.

Возникает новая концепция сада. Появляются так называемые муниципальные парки, доступные для всех горожан, а не только для избранных. Такое новое видение садово-паркового искусства способствует тому, что садоводство всё больше проникает в разные социальные слои населения общества. Сад становится более доступен, более демократичен. Если раньше садоводство было доступно богатым и знатным вельможам, которые обладали финансовыми средствами, чтобы содержать профессиональных садовников, то в XIX веке оно становится популярным досугом.

Гюстав Флобер (Gustave Flaubert) со свойственной ему иронией так говорил о «демократической страсти к садоводству», описывая персонажей Бувар и Пекюше в своем романе:

Бувар посадил посреди газона пион и «яблоки любви», которые должны были свешиваться под дугой круглого свода, как люстры. Пекюше вырыл перед кухней широкую яму с тремя отсеками, где собирался готовить компост, благодаря которому он планировал вырастить много растений; а их отбросы, которые, в свою очередь, станут удобрениями, помогут получить другой урожай, и так до бесконечности; и он предавался мечтам на краю ямы, представляя будущие горы фруктов, множество цветов и кучи овощей» (Г. Флобер, *Бувар и Пекюше*)¹.

Что касается городской государственной и общественной политики, она была тесно связана с индустриализацией и самым ярким образом проявилась во Франции. Ее ярчайшим воплощением стала городская программа создания публичных парков в Париже, реализованная префектом

¹Гюстав Флобер. Бувар и Пекюше / Gustave Flaubert. Bouvard et Pécuchet. Paris. Alphonse Lemerre, 1881. URL: www.ebooks-bnr.com/ebooks/pdf4/flaubert_bouvard_et_pecuchet.pdf

департамент Сены Бароном Османом (Le Baron Haussmann), имя которого известно многим. Барон Осман руководил перестройкой и модернизацией Парижа при Наполеоне III и перекроил город до неузнаваемости, фактически создав на его месте новый – тот Париж, по которому мы гуляем сегодня.

Барон Эрнуф (Le Baron Ernouf) в своем труде «Садовое искусство: сады, парки, променады» («L'art des jardins. Parcs. Jardins. Promenades», 1886) [Ernouf, 1886] выделяет два главных, доминантных периода в истории становления и развития садового искусства Франции. Это эпоха Ленотра, о которой было сказано выше, а также эпоха создания променадов (*фр.* promenades) при бароне Османе – широких аллей, часто засаженных деревьями. В словаре Larousse можно найти следующие значения французского слова *promenade*. Прежде всего это *прогулка*, т.е. «непосредственное действие, которое совершается прогуливающимся». Но второе значение этого слова обозначает «обустроенное место в городе для прогулок»². Появляются «аллеи на французский манер» (*фр.* allées à la française). Именно в этом значении слово *променад* как лексическая единица приобретает смысл лингвокультуры, которая отражает идею создания в городе мест для прогулок или, иными словами, идею создания публичного пространства в городе. Идея эта была новаторской в XIX веке и стала неотъемлемой частью феномена французского садово-паркового искусства, которое по-новому проявилось в рамках новой городской среды.

Подобное новаторство свойственно французам: в эпоху Ленотра сад был подвержен революционным изменениям, а в эпоху Второй Империи город был фактически перекроен и выстроен заново. В этом смысле примечательно свидетельство современного публициста Хосе Альвареса: «Париж всё еще лелеет мысль о том, что именно там совершаются открытия, разрабатываются и иницируются новые идеи» [Alvarez, 1996, с. 8]. Он дополняет: «В этом городе, где преобладает каменное строительство, любовь к саду – одна из самых постоянных, касается ли это личности или государства. Начиная с королевского наследия вплоть до новаторских волевых идей времени Второй Империи, число парков и садов только растёт» [там же, с. 138].

В подтверждение этому стоит отметить, что в Париже при бароне Османе было создано более 40 парков, а также были реорганизованы в городские парки Булонский лес, Венсенский лес, Парк Монсури, Парк Бют-Шомон, был переделан Люксембургский сад. Благоустройством общественных

²Словарь французского языка Larousse. URL: www.larousse.fr

садов и зон отдыха занимались архитектор-пейзажист Адольф Альфан (Adolphe Alphand) и главный садовник Парижа Жан-Пьер Барийе-Дешам (Jean-Pierre Barillet-Deschamps).

Таким образом, Париж в XIX веке становится законодателем моды современного города. В городе была проведена социальная реформа садов и парков. Эта практика позднее распространилась и на другие города Франции.

Приобретая новое городское общественное предназначение, парки и сады при этом не утратили своего изящества и привлекательности. На стыке XIX и XX веков они были «воспеты» французскими художниками импрессионистами. Можно вспомнить знаменитые «Пруд с кувшинками» (1899), «Ирисы в саду» (1900), «Женщины в саду» (1866), «Завтрак на траве» (1866), «Сад художника в Аржантёе» («Уголок сада с георгинами») (1873), «Парк Монсо» (1878) Клода Моне. Из многочисленных зарисовок Пьера Огюста Ренуара («В саду. Под деревьями Мулен де ла Галет» (1875), «Женщина с зонтиком в саду» (1875), «Прогулка» (1870) мы можем видеть, как выглядели парки и сады в конце XIX века.

В произведениях Марселя Пруста (Marcel Proust) можно найти литературные зарисовки в духе импрессионистов:

...длинные тени деревьев придают обычно воде темно-зеленый цвет, который иногда, когда мы вечерами возвращались, умиротворенные после грозового дня, я видел светло-голубым, переходящим в фиолетовый. <...> Днем он (водоем – прим. автора) высвечивал под белыми кувшинками калейдоскоп молчаливого и непостоянного счастья, к вечеру он наполнялся розовым цветом и мечтательностью заката, без конца меняющегося, оставаясь всегда в согласии с тем, что является более глубоким, более скоротечным, более таинственным – с бесконечным» (М. Пруст. В поисках утраченного времени)¹.

САД В XX ВЕКЕ

Тенденции, проявившиеся в садовом искусстве Франции в XIX веке, продолжили свое развитие в веке XX. Сад становится еще более демократичным, а смешение стилей еще более заметным. Садоводство становится общедоступным. Происходит расцвет индивидуальности внутри каждого сада.

Можно найти интересную деталь в описании сада Марселя Пруста в «Поисках утраченного времени» («A la recherche du temps perdu»). Он пишет:

...Но далее течение реки замедляется, она протекает через владение, доступ к которому открыт публике самим владельцем» (М. Пруст, В поисках утраченного времени).

Это свидетельство об одном из важных явлений французской действительности. Частные сады, действительно, преимущественно открыты для посещения.

Как справедливо утверждает Филипп Тебо (Philippe Thebaud), автор гида по трехстам самым красивым садам Франции и президент организации с поэтическим названием «Хранители Садов и Пейзажей» («Conservatoire des Jardins et Paysages»): «Сад, у которого есть своя публика, не умирает»².

Владельцы частных садов во Франции стремятся привлечь публику, открывая двери своих замков и садов, поскольку это дает им финансовые возможности для поддержания своих владений. Самым выдающимся частным садам присваивается почетный знак «Особенный сад» (фр. Jardin remarquable), своего рода Нобелевская премия по садоводству.

Здесь отметим, что увлечение французов садом нераздельно связано с их страстным увлечением своим домом и бережным отношением к нему, в чем проявляется еще одна характерная черта французской нации. Французы стремятся сохранить свое культурное наследие, не законсервировать его, но сохранить. Они готовы идти на эксперименты, пристраивая к своим домам стеклянные конструкции – зимние сады (фр. jardins d'hiver). Они готовы организовывать фестивали и ярмарки, тем самым привлекая новых туристов. Так проявляется уважением к истории своей семьи и страны – это важная национальная черта французов.

Французы говорят: «Если хочешь быть счастливым всю свою жизнь, посади сад» (фр. Si tu veux être heureux toute ta vie, plante un jardin) [Berger, 1996, с. 40]. Идея важности создания и возделывания своего сада нашла свое лингвистическое отражение, закрепившись во французском языке в виде поговорки. Если рассмотреть поговорку с точки зрения лингвокультурологии, а также через призму тех ценностей, которые закрепились в сознании французской нации, можно отметить интересную деталь – временное указание «всю жизнь», которое в ней присутствует. Французы не просто говорят: «Если хочешь быть счастливым, посади сад», но «Если хочешь быть счастливым всю свою жизнь, посади сад». Почему «всю свою жизнь»? Потому что процесс создания сада никогда не прекращается. И это очень понятно французам. Они

¹Словарь французского языка Larousse. URL: www.larousse.fr

²Philippe Thebaud. Guide des 300 plus beaux jardins de France [Guide to the 300 most beautiful gardens in France]. Paris, Marseille. Rivages, 1989.

не просто посадят сад и удалятся, они будут возделывать и поддерживать его всю жизнь. И главная цель – это не факт посадки, но поиск гармонии с собой, с окружающей природой, с домами, памятниками и историей того места, где сад расположен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парки и сады во Франции бесчисленны. Они могут быть миниатюрными или занимать огромные площади, но все они являют собой отражение духа той эпохи, в которую они были созданы. Несмотря на большое количество стилей и видов садов, их объединяет проходящая сквозь века идея о создании своего места силы, восстановления и наслаждения красотой. Как пишет Хосе Альварез, парки и сады представляют собой «оазисы тишины, люкса и соблазна» [Alvarez, 1996, с. 139]. Не эта ли идея зародилась еще в средневековых образах куртуазного сада, явила свое

ярчайшее воплощение в замысловатых «зеленых» гостиных королевского сада, созданного Ленотром в XVII веке, проникла в жизнь обычных горожан в XIX веке и продолжает давать свои плоды по сей день.

Феномен садового искусства Франции, уходя корнями далеко в историю, является отражением менталитета французского народа, воплощением его материальной культуры. Садовое искусство формирует семантические значения целого ряда понятий во французском языке: на его примере можно увидеть, как слова, погружаясь в культуру, приобретают новые значения, проявляют неязыковую семантику, проникают в глубь культурных ценностей, одновременно формируя их. Таким образом, можно сделать вывод о том, что феномен садово-паркового искусства Франции имеет ярко выраженную национальную специфику и по праву может считаться одним из элементов, формирующих французскую национальную картину мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.
2. Alvarez J. L'art de vivre à Paris. Paris. Flammarion, 1996.
3. Berger T. Proverbes de Jardin. Paris. Jeu d'Aujourd'hui, 1996.
4. Ernouf Le Baron. L'art des jardins / Parcs_Jardins_Promenades. Paris, J. Rothschild, Éditeur, 1886. URL: www.gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6214310m

REFERENCES

1. Vorobiev, V.V. (2008) Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
2. Alvarez, J. (1996) L'art de vivre à Paris. Paris. Flammarion. (In French)
3. Berger, T. (1996) Proverbes de Jardin. Paris. Jeu d'Aujourd'hui. (In French)
4. Ernouf, Le Baron. (1886) L'art des jardins. Parcs_Jardins_Promenades. Paris, J. Rothschild, Éditeur. URL: www.gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6214310m (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яцкевич Анастасия Алексеевна

преподаватель кафедры французского языка
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yatskevich Anastasia Alekseevna

Lecturer at the Department of French
of Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
28.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 10 (891)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 10 (891)**

Ответственные за выпуск

А. В. Анищенко
кандидат филологических наук, доцент
А. В. Джунковский
кандидат филологических наук

Executive editors

A. V. Anishchenko
PhD (Philology), Associate Prof.
A. V. Dzhunkovsky
PhD (Philology)

Редактор: М. М. Сингао

Верстка: Г. П. Лопатина

Разработка макета: А. Алымов

Editor: M. M. Singal

Layout: G. P. Lopatina

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 05.11.2024

Усл. печ. л. 21,0.

Формат 60x90/8

Заказ № 89/24

Signed for print: 05.11.2024

Conventional printed sheets: 21,0

Layout format 60x90/8

Order 89/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».